

КОНАН И НЕУДАЧНИК ИЗ АГРАПУРА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стихии	КОНАН и боги тьмы	КОНАН и меч колдуна	КОНАН бросает вилоз	КОНАН изгнанник Пещер	КОНАН и песня снегов	КОНАН и небесная секира	КОНАН на дороге королей	КОНАН принимает вой
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН и карусель богов	КОНАН и дар Митры	КОНАН и ночные клиники	КОНАН и трот дайомы	КОНАН измралио грауциго	КОНАН и времена жаждущих стрем	КОНАН и псы войны	КОНАН и талисман Зла	КОНАН и вич нерада
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН и город панических аш	КОНАН источник судеб	КОНАН и срамце Аримана	КОНАН и затворое око	КОНАН и приораты прошлого	КОНАН изобинство мрака	КОНАН варвар из Киммерии	КОНАН и рижин ястреб	КОНАН и пленники бедды
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН и затвор Тенги	КОНАН и копье Крома	КОНАН и краты Вечности	КОНАН иззаманый лабиринт	КОНАН и разномутные ида	КОНАН и чаша бессмертия	КОНАН и афганской страж	КОНАН и торгоны Грезами	КОНАН и алтарь победы
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН и битва бессмертных	КОНАН иззокиркян плоти	КОНАН и берег проклятых	КОНАН и оковы бездовия	КОНАН иззакирица Пифи	КОНАН и драго миров	КОНАН и колыцо власти	КОНАН и зов древних	КОНАН и порок тьмы
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН и гнев Сета	КОНАН и храм ночи	КОНАН и король воров	КОНАН и изоленный отонь	КОНАН и мостик четырех	КОНАН и кленмо змей	КОНАН и хозяин океана	КОНАН и корона мира	КОНАН иззасланник света
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН и спящее зло	КОНАН и звезды Шадзара	КОНАН и скелеп Хлоса	КОНАН и жрец ТАРИМА	КОНАН и свитчище Никтов	КОНАН и покемаль молний	КОНАН и тигры Хайбории	КОНАН и властники бури	КОНАН и слава Исполнина
55	56	57	58	59	60	61	62	63

Дуглас Брайан

КОНАН И НЕУДАЧНИК ИЗ АГРАПУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано 18.12.06. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 6000 экз. Заказ № 1052.

Брайан, Д.

Б87 Конан и неудачник из Аграпура : [сб.] / Дуглас Брайан. —
М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 414, [2] с. —
(Конан).

ISBN 5-17-037231-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-341-2 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами
от Вендин до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей
Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

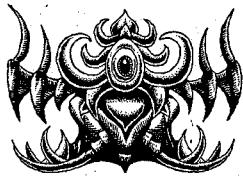
УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Дуглас Брайан

НЕУДАЧНИК ИЗ АГРАПУРА

Дуглас Брайан

НЕУДАЧНИК ИЗ АГРАПУРА

Вкараван-сарае было душно. Куда ни повернись — везде кто-нибудь спит. Люди спали вповалку, устроившись среди тюков с товаром. Снаружи шумно пыхтели и переступали с ноги на ногу сонные животные, кони и верблюды.

Саламар свернулся клубком, забившись в самый дальний, темный угол. Он от души надеялся на то, что никто его не заметит. Вряд ли, впрочем, найдется вор, который польстился бы на имущество Саламара.

Как и большинство ночных в караван-сарае на окраине Аграпура, Саламар был из пришлых: уроженец Турана, он никогда подолгу не задерживался на одном месте, вечно перебираясь из города в город. В основном он бежал от неприятностей, которые ухитрялся сеять вокруг себя с невероятной быстротой и эффективностью.

Саламар не знал, почему так происходит. Где бы он ни появился, везде поднималась свара, заваривалась какая-нибудь каша, и в результате очень скоро оказывалось, что виноват во всем случившемся именно Саламар и никто иной. Такой уж у него был нрав — и такова была его несчастливая судьба.

Разумеется, Саламар никогда не являл собою образца добродетели. Он и не пытался изображать из себя добропорядочного человека: каковы бы ни были его недостатки, неискренность в их число не входила.

Разумеется, нередко ему доводилось солгать, но одно дело — ложь ради выгоды, ложь, нацеленная на конкретный (и весомый!) результат, и совсем другое — обычная бытовая неискренность.

В общении с людьми, если только они не представляли собою объект сложных деловых операций Саламара, гирканец был исключительно милым и вполне искренним человеком.

Слабостей у него имелось ровно две: он любил блестящие предметы и не мог пройти равнодушно мимо красивой женщины. Покрывала, в которые закутывались красотки в Аграпуре и других городах, никогда не служили помехой проницательному взору Саламара. Он угадывал хорошенькое лицико по влажному блеску глаз сквозь покрывало, по особенной походке, какая присуща только уверенной в своей привлекательности красавице.

Из-за женщин он попадал в особенно неприятные истории. Гонимый плачевным роком, Са-

Саламар бежал все дальше на восток и в конце концов очутился в Аграпуре. Сейчас он являл собой довольно грустное зрелище: тощий оборванин со смуглым, дочерна загорелым лицом и сальными, свалявшимися волосами. Все его имущество заключалось в маленьком узелке, завязанном в чумазую тряпицу.

У Саламара не оставалось денег даже на то, чтобы заплатить за ночлег в караван-сарае, однако спать под открытым воздухом ему не хотелось: стражники в Аграпуре запросто могли схватить бездомного бродягу и поинтересоваться содержимым его узелка. Стражники — известные негодяи. В поисках наживы они не побрезгуют даже нищим, каким бы грязным и несчастным тот ни был.

Поэтому Саламар очень удачно прикинулся одним из слуг богатого караванщика. Тот, изрядно осоловевший от дурманящего зелья, которое курил в дороге (зелье было на самом деле довольно слабым, но на жаре, да еще в таких количествах, неплохо ударяло в голову), даже не обратил внимания на то, что заплатил за лишнего человека. По правде говоря, за такое пузо, да еще обмотанное красным шелковым поясом в десяток слоев, могло бы спрятаться не менее пяти Саламаров.

«Повезло». Впервые за полгода это слово появилось в мыслях Саламара. И с тем он заснул.

Но, видимо, судьба не дремала: она быстро отыскала своего «избранника» и принялась за обычную черную работу — устроила скандал.

Среди тех, кто ночевал в караван-сарае, имелись люди нечистые на руку. Но на сей раз они выбрали совершенно неподходящую жертву и вздумали обокрасть добродушного толстяка, на прочь, видимо, позабыв о том, что у подобных богатеев всегда имеется отменная охрана. Если бы кто-нибудь поинтересовался мнением Саламара, гирканец бы ответил: все люди четко делятся на три категории — на тех, кого следует обкрадывать, на тех, кого можно только обманывать и обводить вокруг пальца, но ни в коем случае не обворовывать, и на тех, кто подлежит только грабежу, твердолобые и недоверчивые упрямцы. С последней категорией Саламар старался не связываться.

Так вот, купец, не заметивший, как заплатил за ночлег Саламара, однозначно принадлежал к числу людей, которым морочить голову — одно удовольствие. Он был из тех, кто становился на сторону обманщика против добрых советчиков — и признавал собственные ошибки лишь спустя пару лет после их совершения. Забираться к нему в тюки, чтобы спрететь оттуда штуку-другую шелка, было верхом глупости. Охрана, которой наверняка платили за сохранность каждой нитки в поклаже, была начеку. В середине ночи поднялся шум. Кого-то схватили и начали бить, из рук незадачливых воров вырвали кусок шелковой ткани, но во время драки он упал на землю, и его, не заметив, истоптали ногами.

Когда до стражников дошло, что ущерб хозяйскому добру, несмотря на все усилия, был

нанесен, и немалый, они впали в отчаяние. Теперь он наверняка заплатит им меньше. В конце концов, они сами были виноваты в неосторожности!

Купец, разбуженный, как и все, криками и шумом потасовки, громко охал и умолял, чтобы зажгли свет.

Саламар притаился в углу, молясь всем богам сразу, чтобы его не заметили. Но ему опять не повезло. Купец поднялся с кряхтением и принялся бродить среди дерущихся в поисках факелов или лампы, чтобы запалить. И наступил на Саламара.

— Он здесь! — завопил вдруг купец не своим голосом. — Хватайте его!

И навалился всей тушей на бедного гирканца.

Саламар, полузадушенный, понял, что погиб: по каким-то своим, непонятным соображениям купец принял его за вора и теперь пытается задержать. Скоро на голову гирканца посыпались колотушки, в темноте его били и тузили и в конце концов связали.

Настоящие воры тем временем благополучно улизнули. Связанный, скorchившийся на полу, Саламар сделал грандиозное усилие и ухитрился засунуть свое имущество за щеку. Имущество это, спрятанное в узелке, представляло собой небольшую костяную палочку, покрытую письменами, вырезанными в кости весьма искусно. Саламар берег ее пуще собственного здоровья.

Спрятанная за щекой, она оставалась незаметной, и у Саламара имелась слабая надежда

на то, что стражники, которые являются утром, да-бы осмотреть товары, собрать пошлину и впустить торговцев и путешественников в главные ворота Аграпура, не заметят, что узник прячет во рту некий предмет.

«Лишь бы не проглотить, — думал Саламар отчаянно. — Когда бьют, нужно дышать по-особому, не втягивать воздух... Лишь бы не проглотить!»

Стражники возникли в караван-сарае сразу после восхода солнца. На их физиономии больно было смотреть, такие они были сытые, лоснящиеся, начальственно-недовольные тем обстоятельством, что пришлось подниматься рано поутру, тащиться к какому-то караван-сараю, копаться там в чужих вещах (попутно прикарманивая разные мелочи), собираясь плату за вход в город (попутно складывая кое-что себе в кошель, за пояс)... Ах, ну почему их разбудили ни свет ни заря? Ах, ну почему у них такая трудная жизнь? И, главное, кто бы утешил их в страданиях?

Купцы были готовы утешать стражников, лишь бы те не слишком портили товар при осмотре. Путешественники, которым терять было нечего, оказались куда менее любезными, и потому стражники с них брали плату с особо брюзгливыми лицами.

Наконец дошел черед до Саламара.

— А это что такое? — осведомился начальник стражи.

— Это, изволите ли видеть, вор, — объяснил ему один из охранников из купеческого карава-

на. Этот человек, «украшенный» синяками на лице после ночной потасовки, готов был свалить вину на кого угодно, лишь бы обелить себя в хозяйских глазах.

— Вор? — начальник стражи хищно раздул ноздри, точно падальщик, чующий скорую поживу. — И что же он украл?

— Он со своими сообщниками забрался в тюки нашего хозяина, — заговорил другой охранник, также изрядно помятый. — Сам-то остался, а тот, другой, сбежал. И вещи унес.

— Я потерпел страшный ущерб, — плакаво проговорил купец.

«Такого обманывать надо было, — с тоской думал Саламар. Попадись ему тот болван, что не имеет ни малейшего понятия о различиях между жертвами жуликов, казалось бы, порвал бы его Саламар голыми руками, так он был зол на проклятого дилетанта! — Обманывать, а не обворовывать! Проклятье Сета на голову мерзавца! И мне, конечно, отдуваться за всех... Такова судьба».

Саламара подняли на ноги и явили пред очи начальника стражи.

Саламар зажмурился: он сразу понял, что в Аграпуре пощады ему не будет. Вероятно, Аграпур станет последним пунктом на долгом, запутанном жизненном пути бедного Саламара.

— Итак, вор, ты попался, — медленно, с расстановкой произнес начальник стражи.

— Я не вор, господин, — сказал гирканец.

Начальник стражи взмахнул длинными, как

у женщины, ресницами. Чувственный рот его искривился в непрекрасной усмешке.

— Хочешь заверить меня в том, что никогда в жизни не брал чужого?

— Может быть, когда-нибудь я и брал чужое, — ответил Саламар, — но не в этот раз.

— Стало быть, ты признаешь себя вором?

— Нет! — завопил Саламар.

Начальник стражи обернулся к своим людям и поманил к себе пальцем одного из стражников.

— Отведешь его в подземную тюрьму. Завтра ему отрубят правую руку.

— Нет! — крикнул Саламар еще громче. Он извивался в руках стражника, умоляя выпустить его, простить, понять, поверить... Все было тщетно: крепкие руки хорошо откормленного, мощного стража держали его, точно железные оковы.

Саламар сдался. Он обвис, свесил голову на грудь, всхлипнул... и при последнем вздохе случайно проглотил свою костяную палочку.

* * *

Подземная тюрьма в Аграпуре обладала только одним достоинством: она не была сырой. Вода в Аграпуре вообще являлась ценностью, и власти сего достойного города не стали бы расходовать ее на каких-то презренных преступников.

Таковых в тюрьме томилось трое: кроме самого Саламара, имелись еще старичок-долгожитель, чье имя запамятовал даже он сам, и ка-

кой-то громила, похожий на крупную обезьяну, как представилось в полумраке Саламару.

Громила был крайне угрюм — неудивительно, в таком-то положении! Он был огромного роста, с длинными черными волосами и яркими глазами, сверкающими даже в темноте подземной тюрьмы.

Саламар сразу забился в угол, как делал это всегда. Впрочем — и это тоже случалось неизменно, как дождь, — подобный способ таиться никогда еще не спасал его от неприятностей.

В середине дня им принесли еду. Люк, которым закрывалась тюрьма, отодвинули, и сверху на веревке спустили горшок с отвратительным, судя по запаху, варевом. Громила бросился к горшку первым, схватил обеими рушищами, поднес к разинутой пасти, глотнул... и с проклятием отшвырнул от себя.

— Я лучше сдохну с голода, чем стану есть тухлятину! — заорал он вне себя от гнева.

Саламар осторожно проговорил из угла:

— Если ты отказываешься, то позволь мне...

Громила махнул рукой и отошел.

Саламар со старичком по очереди слопали содержимое горшка. Еда действительно была омерзительной на вкус, но — не хуже, чем случалось есть Саламару.

Когда наконец с трапезой было покончено, Саламар решил познакомиться с товарищами по несчастью. Он заговорил, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Меня зовут Саламар, я из Гиркании.

Ему не ответили.

Саламар добавил, надеясь хотя бы этим вызвать сокамерников на откровенность:

— Мне отрубят руку за воровство.

— Ну и глупец! — отрезал громила.

— Прошу меня простить, — сказал Саламар, — но ты сидишь в тюрьме, точно так же, как и я, стало быть, не слишком ты от меня отличаешься...

— Я от тебя отличаюсь, — заявил громила. — Во-первых, меня схватили за убийство.

— А..., — сказал Саламар.

— Скажи, — громила придвигнулся ближе, — а ты действительно совершил ту кражу, за которую теперь станешь калекой?

— Нет, — вздохнул Саламар. — И это — самое обидное.

— Я так и подумал, — заметил громила.

— Назови свое имя, — попросил Саламар.

— Зачем?

— Чтобы легче было разговаривать. Я буду пользоваться твоим именем, когда стану обращаться к тебе.

— Не думаю, чтобы тебе стоило обращаться ко мне, — сказал громила. — Впрочем, меня зовут Конан. И я, в отличие от тебя, совершил то, за что был схвачен.

— Ты превосходишь меня во всех отношениях, — льстиво поддакнул Саламар.

Но с Конаном это не прошло. Варвар фыркнул с презрением:

— Не вздумай льстить! Учти, я и сам вор, поэтому вижу таких, как ты, насквозь. Мне сильно

не повезло, коль скоро ты очутился рядом со мной. Ведь ты неудачник, верно?

— Верно, — вздохнул Саламар.

— Расскажи, как это вышло, — потребовал Конан. — Как ты стал неудачником?

— Это случилось лет пять назад, — начал Саламар послушно. — Я жил тогда в Гиркане, с отцом и матерью. Сейчас оба они, наверное, умерли...

— Полагаю, твои родители к делу отношения не имеют? — перебил Конан.

Саламар кивнул.

— Не имеют. Я просто так о них упомянул, для полноты картины.

— Не пытайся меня разжалобить, — предупредил Конан. — Общаешься со мной, всегда помни о том, что у меня каменное сердце.

— Ладно, буду помнить, — обещал Саламар. И снова погрузился в воспоминания: — Мы жили небогато, но лишений не испытывали. Но я всегда хотел чего-то большего... И однажды — должно быть, какой-то злокозненный божок внушил мне эту мысль или демон пробегал мимо и от скуки решил поразвлечься на мой счет, — в общем, я решил обогатиться.

Для начала я отправился в таверну, которая располагалась на окраине городка, где мы жили, и пользовалась весьма недоброй славой. Там я нашел самого подозрительного на вид человека — можешь мне поверить, он выглядел как настоящий злодей!

— Воображаю, — с огромным презрением

произнес Конан. — И имя у него было пышнее, чем хвост павлина, что гадит во дворце аграпурского владыки, не так ли?

— Я вижу, ты знаешь жизнь, — признал Саламар. — Да, того человека звали Погибельный Брек, и вот он-то предложил мне попробовать себя в деле.

«Хочешь изменить свою судьбу?» — спросил меня Погибельный Брек, шурясь (а глаза у него, поверь, были пронзительными, так что у меня даже мурashki по коже побежали).

Я сказал, что это именно так.

«Есть одно дело, и я за него браться боюсь, — сообщил Погибельный Брек. — У одной здешней женщины по имени Магринта имеется замечательная вещь. Думаю, Магринте привезли ее из Кхитая.

Во всяком случае, штука эта древняя и совершенно непонятная, но она обладает способностью изменять судьбу своего владельца. И избавиться от нее невозможно... Магринта дорожит ею — думается мне, не напрасно».

Кое-что я об этой Магринте слыхал. В свое время это была уличная женщина, не слишком красивая и совсем не богатая. Кто и когда слыхал о богатых уличных женщинах?

— Да, ты и впрямь совершенно не знаешь жизни, — усмехнулся Конан.

Саламар на сей раз не стал поддакивать или соглашаться, а просто махнул рукой.

— Неважно... Магринта торговала собой и была очень бедна. Она даже, поговаривают, хвора-

ла, поэтому клиентов у нее было мало. Соглашались пойти с нею только те, кто не слыхал ничего об этой женщине. Да и те платили скучно. Словом, совсем она подыхала с голода.

И вдруг все в ее судьбе резко переменилось. Никто даже не понял, как такое могло бы произойти. Она ушла с улиц, купила себе дом — не в центре города, конечно, но вполне приличный. Наняла прислугу — из числа бывших потаскx. Стала носить хорошую одежду. Разумеется, никаких мужчин в ее жизни не стало. Она показывалась теперь на улице только в портшезе и, можешь мне поверить, я собственными глазами видел, как эти носилки с щелковым занавесками тащили четверо здоровенных чернокожих носильщика!

Разумеется, поползли слухи. Когда Магринта пропадала, никто и пальцем не шевельнул, чтобы ей помочь. Но стоило ей сделаться богатой, как набежали какие-то «поклонники», и каждый пытался вызнать: каким именно способом она обрела свое богатство.

Магринта помалкивала. Благоразумное решение! Но разве можно заткнуть рот служанкам, да еще таким болтушкам, какие обслуживали Магринту? Одна из них рассказала своему любовнику, что у ее госпожи хранится в ларце странная вещица, и что этой-то вещицей Магринта дорожит больше всего.

Что такое? Что за вещица? За несколько дней известие обошло весь город, об «амуслете Магринты» только и было разговоров на рынке и в

богатых домах. Моя мать тоже заинтересовалась сплетней, но мой отец, мудрый человек, велел ей держать язык за зубами: мало ли что скажут люди — будем заботиться о своем, а до чужого нам и дела нет!

Но Погибельный Брек рассказал мне то, о чем в городе даже и не подозревали.

Как-то раз (сказал Погибельный Брек) у Магринты был странный клиент. Это был старый кхитаец, который ехал куда-то в Британию, не то в гости к друзьям — хотя какие могут быть в Британии друзья у старого кхитайца! — не то на службу в качестве мага (последнее представляется более вероятным).

Он сказал, что ему необходимо общество женщины. «Люди Запада не понимают всей ценности, которой обладает общество женщины, — приблизительно так болтал старый кхитаец, — они умеют лишь потреблять женские ласки и другие услуги, на какие горазды женщины. Что до изменений, которые происходят в вибрациях мира, когда рядом находится женщина, — об этом люди Запада и не подозревают. А я нуждаюсь в том, чтобы меня питали женские энергии. Во мне слишком много мужского...»

Из этих мудрых речей наша Магринта, разумеется, ничего не поняла. Она просто спросила сиплым голосом, сколько заплатит ей чудаковатый иноземец за «женские вибрации». (Одним богам известно, о чём подумала Магринта, услыхав столь диковинное определение для услуг уличной проститутки!)

Старый кхитаец сказал ей, что постараётся изменить всю ее судьбу. Он пошёл в дом к Магринте, в эту жалкую лачугу, и долго рассматривал убогие стены, и крышу, застланную гнилой соломой, и рваные циновки на земляном полу. Наконец он сказал с улыбкой, значение которой Магрингта до поры не поняла: «Думаю, если твоя жизнь и может измениться, то только к лучшему, потому что хуже быть не может».

Магрингта оборвала его мудреные речи и спросила, каких именно ласк желает клиент. Старик попросил её просто посидеть рядом и поговорить — «Можешь болтать, о чём захочешь, мне важно слышать звук женского голоса».

Пожав плечами, наша честная проститутка исполнила пожелание. И кхитаец подарил ей на прощание маленькую костяную палочку с вырезанными на ней значками. Попросил беречь.

И ушёл.

Больше его в нашем городе не видели.

Через несколько дней в город прибыла пожилая женщина, которая сообщила, что Магрингта приходится ей внучатой племянницей и что наша «дорогая девочка» — ее единственная родственница и наследница.

Еще через месяц почтенная старуха скончалась... Осталное тебе уже известно. Магрингта сказочно разбогатела.

— Не вижу ничего особенного, — заявил Конан, пожимая широкими плечами. — При чём тут кхитаец? При чём тут костяная палочка? Какие-то бредни!

— Странность заключается в том, что эта старуха никогда прежде не давала о себе знать, но стоило кхитайцу побывать у Магрингты, как она тут же объявилась, — пояснил Саламар. — Впрочем, я ведь не утверждаю, что именно так все оно и было. Мне говорил об этом Погибельный Брек.

Конана передернуло.

— Прошу тебя об одном, — сказал киммериец. — Причём прошу ради тебя самого! Не называй больше этого болтуна «Погибельным Бреком». Зови его просто «Бреком», иначе я переломлю тебе все кости. Меня выводят из себя столь пышное имя! Он ведь оказался дураком, этот Брек, не так ли?

— Ну, этот вывод имеет отношение к концу моей истории, — сказал Саламар. — Но в общем и целом ты прав. И я это уже признавал несколько раз, так что не перебивай меня...

Итак, перемены в судьбе Магрингты привели к тому, что она стала богатой и уважаемой дамой. И многие захотели завладеть ее сокровищем. Однако дом женщины охранялся, на всех окнах имелись решетки, двери запирались; шкатулка с костяной палочкой стояла в спальне госпожи...

Брек предложил мне пробратьсяся к Магрингте и совершить самую дерзкую кражу, какая только возможна в наши дни.

— Тоже мне, дерзкая кража! — с невыразимым презрением фыркнул варвар. — Вот когда мы с подругой обокрали святилище Сета — вот

это, доложу тебе, была дерзкая кража! А проникнуть в дом к женщине, да еще к бывшей проститутке, и стянуть у нее шкатулку... Ф-фу! Даже слушать противно.

— Противно — не слушай, — надулся Саламар. — Я ведь не заставляю.

Некоторое время они молчали, но Конан не выдержал первым: он сидел в тюрьме довольно долго и успел соскучиться по разговорам.

Он подтолкнул Саламара локтем:

— Ладно, рассказывай дальше.

Обидчивость не входила в число недостатков Саламара; гирканец быстро отходил, даже если ему и случалось надуться на собеседника после какого-нибудь не слишком удачного высказывания.

Он вздохнул.

— Только не перебивай меня больше, я и без тебя собысь с мысли...

Конан сделал гримасу, весьма выразительную, но от каких-либо комментариев воздержался.

И Саламар потянул нить своего повествования дальше:

— Я знал, что Магринта весьма недоверчива и особенно не любит она мужчин. Что ж, не удивительно, ведь бедняжка здорово настрадалась от нашего брата! Но я придумал замечательный способ втереться к ней в доверие. Я представился ей мальчиком, которого мужчины использовали... сам догадываешься как.

Конан насупился.

— Не догадываюсь.

— Да брось! — Саламар покосился на киммерийца. — Не заставляй меня произносить это вслух.

— Ладно, — смилился Конан. — Я догадался, что ты ей наврал. Неужто она поверила?

— У меня был ужасно жалобный вид. — Саламар скроил жалобную рожицу. — Вот такой. Я познакомился с нею в саду, где она гуляла, сопровождаемая немым чернокожим слугой. Собственно, многое и не требовалось: я поднял с земли красивую пряжку и спросил у дамы, не она ли обронила. Та сказала — нет, а после похвалила мою честность. Я сказал, что поневоле приходится быть честным, поскольку мои клиенты могут жестоко избить по малейшему же подозрению в обмане. Она глянула на меня с сочувствием... Дальнейшее понятно. Я стал ее другом. Или, если выражаться точнее, — «подругой». Я рассказывал ей различные подробности об удовлетворении мужской похоти.

— Откуда ты их черпал? — осведомился Конан. Он отодвинулся от своего собеседника подальше и всем своим видом демонстрировал презрительность.

— Не из личного опыта, можешь мне поверить, — вздохнул Саламар. — Если я и заслуживаю твоего презрения, то лишь по той причине, что обокрал женщину, почувствовавшую ко мне доверие. Я никогда не занимался тем, что приписывал себе. Но Погиб... э-э... я хотел сказать — Брек... М-да, этот негодяй, узнав о моем замысле, пришел в восторг и тотчас познакомил меня

с «нужным парнем». Тот и поведал мне некоторые подробности, весьма гнусные, касающиеся его ремесла. Я пользовался сведениями, полученными от него. Я даже изучил жаргон, которым разговаривают проститутки. Знаешь, например, как они называют некоторых самых известных шлюх?

— Распахнутая Пещера, Готова-на-Все, Мамаша Бурдюк и Железная Лошадь, — предположил Конан. Судя по виду, с которым киммериец произносил все эти имена, ему доводилось иметь дело с их носительницами.

Саламар покачал головой.

— Ты называешь шлюх, известных безотказностью и добросовестным отношением к делу, женщин популярных, но не легендарных.

— Существует, по-твоему, разница между легендарностью и популярностью? — поинтересовался Конан.

Саламар пожал плечами.

— Большинство людей полагает, что таковая разница действительно имеет место. И, поскольку я не претендую на оригинальность, то к этому большинству отношу и себя.

— А, — неопределенно бросил киммериец.

Саламар решил пропустить последнее замечание мимо ушей как явно бессвязное.

— Так вот, легендарные проститутки имеют титул «мать», как верховная жрица: «Мать Вилария», «Мать Анеза»... Все они выбились, что называется, в люди. Накопили денег и сделались богаты, отошли от дел и теперь иногда покрови-

тельствуют попавшим в беду подругам. То есть, выглядит это так: живет себе в городе Аренджу-не (я говорю — к примеру) некая почтенная вдова. И никто из жителей славного Аренджуна не подозревает, что на самом деле она вовсе не почтенная вдова, а бывшая шлюха, легендарная мать Анеза. Это тайна, понимаешь?

Конан кивнул.

— И вот происходит какая-нибудь история, и некая шлюха попадает в беду. К примеру, ее обвиняют в краже, которой та не совершила. Бедняжка уже сидит в тюрьме, ожидая, когда меч палача совершил над ней нечто ужасное... Внезапно является женщина, почтенная вдова, закутанная в покрывало и благонравная до безобразия. Она дает деньги сторожам, она нанимает охрану, она уговаривает свидетелей — и обвиняемую оправдывают. Та, вне себя от счастья, прибегает к благодетельнице. И слышит: «Я была такой же, как ты; а теперь, дитя мое, забудь обо всем, что я для тебя сделала и никогда не вспоминай о нашей встрече». И дает ей денег...

Вот о таких женщинах я и рассказывал моей новой приятельнице. Я знал целую кучу историй о них. Она слушала жадно и в конце концов призналась: «Столько я страдала, столько было у меня невзгод, и никогда, ни разу не появилась в моей жизни какая-нибудь легендарная «мать»... Никто мне не помогал».

Неблагодарное созданье! Она совершенно забыла о ххитайце, который наделил ее чудесным предметом...

В конце концов, благодаря моим уловкам и ухищрениям, я стал вхолз в ее дом. Мне только того и было надо. В один прекрасный день я забрался в ее спальню и выкрад резную штуковину. Она даже не заметила пропажи, поскольку редко заглядывала в шкатулку, где хранила подарок кхитайца.

И с того самого часа судьба моя полностью переменилась...

Саламар горестно свесил голову. Конан глядел на рассказчика с нескрываемой насмешкой:

— Как говорил тот кхитаец? Эта штучка способна полностью изменить участь человека?

— Да.

— Неужели ты не понял, что тут скрыт подвох?

— Увы! Я почему-то воображал, будто перемены могут быть только к лучшему.

— Как такое могло прийти тебе в голову? — воскликнул Конан. — Неужто ты первый год живешь на свете? Пора бы уж признать, что перемены в человеческой участи, как правило, бывают только к худшему. — Киммериец скривился. — Да я и сам бывал, случалось, вестником дурных перемен. Впрочем, — добавил он, явно желая быть справедливым, — случалось и обратное... Но крайне редко!

— Вот-вот. Мне следовало бы понимать это. Но меня заворожила удача. Магрины. Почему-то мне думалось, что и я получу какое-нибудь неожиданное наследство или там удачно женюсь на богатой наследнице... что-то в таком роде.

— Любой магический предмет, — сказал Конан, — представляет собой ловушку. Более или менее. Он содержит в себе загадку, не разгадав которую не следует лезть в историю. Колдовство вообще коварно! Ненавижу колдунов... истребляю их везде, где только встречаю. Впрочем, это моя история, не твоя.

— Ты прав, — кивнул Саламар. — Я получил вожделенный предмет и стал ждать, когда ко мне повалит удача. Глупец! Я жил с отцом и матерью, у нас был не слишком богатый, но все же состоятельный дом. Мы даже содержали слуг. Отец владел гончарной мастерской. Не сам делал горшки, но владел мастерской. Надеюсь, ты понял, в чем разница.

Конан кивнул.

— Не считай меня невеждой только потому, что я родился в Киммерии.

— Ну, я так, на всякий случай объясняю, — оправдываясь, сказал Саламар. — В общем, у нас все шло очень недурно. А я зачем-то захотел большего! Ну, и поплатился. Для начала я неожелал отдать украденное Бреку. В один прекрасный день — или, если быть совершенно точным, в одну ужасную ночь, — он подстерег меня и жестоко избил. Я не внял предостережению. Глупец! Тысячу раз глупец! Если бы я отдал артефакт Бреку, тот давно бы уже гнил на дне какого-нибудь канала.

Я удрал из города в тот же день. И начались мои невзгоды. Беда шла за мной по пятам. Я пытался расстаться с талисманом, который принес

мне столько бед, но увы! Он всегда возвращался. Его подбирали на дороге и вручали мне со словами: «Ты обронил какую-то драгоценную вещь, мой господин!» — после чего немедленно требовали денег в уплату своей неоценимой услуги. Его находили в комнатах, где я ночевал, и догоняли меня уже в дороге. И снова просили денег за свою любезность. Где бы я ни показался, везде возникали свары и неприятности. Судьба гонит меня...

— Из всего услышанного я делаю только один вывод, — сказал Конан. — Нам следует избавиться от тебя как можно скорее, покуда неприятности не начались и в нашей тихой, достойной во всех отношениях тюрьме.

Внезапно заговорил старик, который все это время сидел безмолвно — так что собеседники в конце концов попросту позабыли о нем.

— Возможно, магический талисман довел нашего товарища до самого дна человеческого бытия, и теперь ему остался только один путь — наверх, к процветанию...

Скрипучий голос прозвучал в наступившей тишине так неожиданно, что оба молодых человека вздрогнули. Конан повернулся к старику.

— Хорошо бы ты оказался прав. Однако в любом случае мне не по душё этот малый, который не погнулся обокрасть бедную шлюху.

— Я с тех пор обокрал очень и очень многих, — вставил Саламар, — поскольку честных способов заработать себе на жизнь так и не открыл.

При последних словах киммериец откровенно содрогнулся.

— Кто говорит о честных способах? Самым честным способом, каким я зарабатывал на жизнь, были гладиаторские бои...

Старик пожевал губами и промолчал.

* * *

Саламар не ошибался, когда с тоской думал о будущем: неприятности посыпались на Аграпур сразу же после того, как в городе появился злополучный гирканец. В тот день в городе начались пожары. То ли от того, что давно не выпадало дождей, то ли по какой-либо иной причине, но не подалеку от дворца правителя вспыхнуло сразу несколько богатых домов, а ближе к окраине сгорел караван-сарай и пропало много товаров.

Городская стража сбилась с ног, разыскивая возможных поджигателей, виновных в столь ужасном бедствии. Повсюду только и говорили о случившемся, так что к середине дня об этом знали даже заключенные.

Старик грустно шамкал и все помалкивал, Саламар качал головой и рвал на себе волосы — с каждым разом несчастья, приносимые им окружающим, становились все ужасней! — а Конан вдруг сделался чрезвычайно задумчивым.

— Что с тобой? — спросил Саламар у варвара. — Никогда не видел тебя таким. Ты как будто размышляешь о каких-то отвлеченных предметах!

— Во-первых, ты не так уж долго меня знаешь, и я не все свои гримасы тебе еще проде-

монстрировал, — сообщил Конан крайне нелюбезным тоном. — Во-вторых, дружище, если я варвар, как любите выражаться вы, цивилизованные люди, то это еще не значит, что мне не свойственно задумываться. Я даже знаю, что означает слово «философия». Понял?

Саламар кивнул. Он побоялся признаваться в том, что ему самому это слово совершенно не известно. Поэтому Саламар просто спросил:

— И о чём ты думаешь, Конан?

— О том, что горит неспроста.

— Конечно, неспроста! — взорвался Саламар. — Я же тебе уже говорил: я повсюду ношу с собой беды, подобно тому, как вшивый таскает в голове вшей и везде их рассеивает...

Конан машинально почесался, после чего усёлся поудобнее и сказал:

— Нет, Саламар, сдается мне, на сей раз все обстоит немного иначе. В городе действует какая-то дурная сила. Возможно, магия.

— Я ведь говорил тебе, что магический предмет, который я украл... — начал Саламар.

Конан гневно перебил его:

— Замолчи! Надоел! Сколько можно — твердишь одно и то же, как будто кроме твоей дурацкой штуковины нет на свете ничего интересного!

— Для меня, может быть, и нет, — сказал Саламар обиженно.

— Ну а для меня это обстоит иначе, — отрезал Конан. — Кстати, ты так и не объяснил, куда ты ее дел, эту вещь.

— Она... со мной, — сказал Саламар.

— Где?

Саламар скосил глаза. Конан почти сразу догадался, в чём дело, и едва не всхлипал:

— Только не это!

— Увы! — Саламар развел руками. — Я проглотил ее.

— И?.. — спросил Конан.

— И пока никаких изменений. Она во мне.

— Ладно, оставим это, — решил киммериец. — Пожары в Аграпуре — вещь куда более серьезная. Почему-то мне кажется, что в городе действуют магические силы. Какие подробности случившегося нам известны?

Они начали перебирать те скучные сведения, что выудили из разговоров стражи. Затем Конан сказал:

— Пора бы нам выбраться отсюда. Сидя в тюрьме, многое не выяснишь.

— По-твоему, раньше у нас не было причин покидать стены темницы? — возмутился Саламар.

— Раньше тоже были, но судьба не станет помогать тебе, если только ты не в отчаянном положении, — сказал Конан.

На самом деле он предполагал воспользоваться сумятицей, которую вызвали в городе пожары и скрыться в толпе, охваченной беспокойством; но зачем сообщать Саламару столь очевидное? Если гирканец не глуп, то сам догадается, а если дурак — что ж, Конан — отнюдь не Вели-

кий Учитель (как кое-кто из его знакомых), чтобы заниматься воспитанием взрослого мужчины.

Конан не ошибся: к вечеру тревога в городе достигла апогея. Загорелось еще несколько зданий и в том числе здание Правосудия, в подвалах которого и размещалась тюрьма.

Стражники носились повсюду с водой в кожаных кожухах и с песком в бочках, но их сил не хватало для того, чтобы побороть огненную стихию. Узники понимали: никто из стражи не станет рисковать, чтобы спасти жизнь заключенным, поэтому выбираться придется самим.

Конан от души веселился: он явно считал, что настал его час.

Он велел Саламару встать под люком, ловко забрался своему товарищу на плечи и принял вышибать люк в потолке ударами могучего кулака. Саламар стонал и приседал под тяжестью его тела. Хоть Конан и был бос, но, ощущая у себя на плечах его пятки, гирканец почему-то думал о сапогах с медными подковами на подошвах, такими жесткими оказались ступни варвара. «Должно быть, он ходит босиком по камням и раскаленному песку и ничего не чувствует», — думал Саламар, скрипя зубами.

Наконец люк отлетел в сторону, и сразу же в подземелье ворвался язык оранжевого пламени. Стало еще жарче. Конан схватился руками за край отверстия, высунулся наружу и закричал:

— Там все пылает! Надо бежать!

Он уселся на краю, свесился вниз и подхватил Саламара за поднятые руки. Старик в ответ

на приглашающий взгляд Конана только безмолвно покачал головой.

— Ты сгоришь, — сказал ему Конан. — Я помогу тебе, давай — выбирайся.

Но тот оставался на месте.

— Может быть, я и не сгорю, — отозвался старик, — но в любом случае у меня не хватит сил, чтобы выбраться. Уходите вы. У вас вся жизнь впереди.

— Ну, как хочешь, — Конан не стал его уговаривать. Времени на долгие увещевания у киммерийца попросту не было. — Все равно, напрасно ты отказываешься, — добавил Конан напоследок. — Я бы тебе помог.

— Благодарю покорно, но лучше я умру в покое, чем погибну в пламени, — ответил старик. — Закройте люк, пожалуйста.

Молодые люди так и поступили.

Конан встал, Саламар последовал его примеру. Часть бывшей кордегардии, где они очутились, выбравшись из камеры, была охвачена огнем. Горели деревянные древки копий и алебард, пламя жадно лизало кожаный занавес, отгораживающий одно помещение от другого.

— Бежим туда, — показал Конан.

Саламар замешкался.

— Но там горит, — сказал он.

— Зато там выход, — возразил киммериец. — Если ты забылся в дальний угол, то пламя в конце концов доберется до тебя и сожрет со всеми твоими трусливыми кишками. И той драгоценной штукой, которую ты спрятал в желуд-

ке... Так что закрой лицо и беги за мной. Только не останавливайся и постараися не потеряться.

И они побежали.

Саламар потом не мог понять, каким образом им удалось выскочить из здания, где вовсю бушевал пожар. Иногда гирканцу чудилось, будто огонь расступается перед Конаном, подобно тому, как раздается толпа, когда сквозь нее проходит какой-нибудь аристократ или даже сам король. Или киммериец знал заклятие. Или еще что-нибудь в том же роде.

Они очутились на улице и остановились в стороне, переводя дух.

Потом Саламар, задыхаясь, сказал:

— Сейчас они нас увидят. Давай хотя бы завернем за угол.

— Глупости! — рассердился Конан. — Вся эта свора так перепугана, что никому и в голову не придет обращать на нас внимание...

И в тот же миг, как по заказу, послышалось:

— Преступники сбежали! Хватай их!

Ни слова больше не сказав, Конан схватил своего спутника за руку и потащил прочь. Они помчались, обгоняя ветер и запах гары, — во всяком случае, так казалось Саламару. Конан несколько раз нырял во дворы, откуда быстро находил второй выход, — видимо, прежде чем попасться в руки стражи, киммериец провел в Аграпуре немало увлекательных дней и успел изучить здесь все лазейки, — а затем вместе со своим спутником скрылся в маленькой темной таверне.

Народу там не было, хозяина — тоже: все умчались на пожар, помочь при тушении, а одно и поглядеть, нет ли возможности поживиться. Во времена таких бедствий мародеров всегда хватает, и даже у самого добропорядочного горожанина появляется характерный цепкий взгляд, ползающих среди разбросанных на пепелище вещей.

— Пересидим, — предложил Конан.

Саламар без сил упал на скамью. Конан по-хозяйски направился к стойке. И тут из-за стойки послышался хриплый голос:

— Эй, ты наглец, как я погляжу!

— Кто здесь? — Конан перегнулся через стойку. Затем он пошарил там руками и вдруг вытащил наверх кого-то упирающегося и возмущенного вопящего.

На стойке очутился бородатый карлик со всклокченными серыми волосами, выпученными темными глазами и огромным горбатым носом. Он таращился на киммерийца и негодующе орал:

— Нахал! Я тебя отравлю! Я тебе иголок в вино подсыплю! Я тебе змею в матрас запущу!

— Кром! — смеясь, воскликнул киммериец. — Как ты шумишь, Тульпис! Разве не ты сдал меня властям, когда случилась неприятность?

— Ты называешь это неприятностью? — Карлик затряс бородой и застучал кулаком по деревянной крышке стойки. — Неприятность! — Он задрал голову к потолку и воззвал к низкой закопченной балке: — Взгляните, о боги, на этого

киммерийского варвара! Взгляните на его подлость и коварство! Как он себя ведет с теми, кто слабее? Что он себе позволяет, когда видит, что ты мал и не в силах дать ему должный отпор? А? — Карлик гневно уставился прямо в лицо забавляющегося варвара. — Неприятность... Ну да, конечно. Сперва он приходит ко мне в таверну. Хорошо. Он отказывается платить. Ладно, и такое случается. Мы ведь цивилизованные люди, даже те из нас, кто на самом деле варвар... Мы умеем разбираться в проблемах. И понимать. И даже ждать с оплатой. Что ты мне говорил, Конан? — Карлик сделал неожиданное резкое движение и вцепился Конану в волосы. — Что ты обещал? «Как только подвернется подходящее дело, я тебе заплачу...» Ну — И что, спрашивается, ему подвернулось?

— Я ведь не говорил, что буду убивать его где-нибудь в темном переулке, — сказал Конан. — Место действия никак не оговаривалось.

— Конечно! Ну, разумеется! Все кругом дураки, кроме нашего великого Конана! — Карлик теперь обращался к Саламару, хотя при другом положении дел — и это было слишком очевидно, — вообще едва бы обратил на гирканца внимание. — И я дурак, и ты дурак, и наш великий правитель тоже полный дурак. Итак, Конан получает работу. Убрать одного из дворцовых евнухов. А, морщишься? — Карлик напустился на Саламара, грозя ему кулаками издали и беснуясь на своей стойке. Его короткие ноги так и стучали о дерево. — Ну, и напрасно ты морщи-

шься! Евнухи бывают двух сортов. Первые — изнеженные женственные толстяки, которые сидят по гаремам и занимаются там разной грязноватой липкой пакостью: следят за наложницами, удовлетворяют по мере сил их желания, воруют сладости... Эти неприятны, но не опасны. Вторые — целеустремленные негодяи. Евнухов с доброй душой не существует, это закон. Но если евнух не разжирел, не обрюзг и не погряз в делах гарема, то это — опаснейший из людей! У него нет детей, нет жены — он весь сосредоточен на своем деле. К примеру, овладеть магией. Евнух, овладевший магией, — это... это... Ужас что такое! Или там устроить дворцовый переворот в пользу какого-нибудь принца. Тоже неприятно. Так вот, Конан подрядился убрать именно такого евнуха. Фаворит одной из жен, которая, в свою очередь, мать одного из принцев... Я понятно рассказываю?

— Более или менее, — ответил Саламар.

— Так более или менее? — взъелся карлик.
— Более.

Это слово, непонятно почему, разозлило карлика еще сильнее, и он разразился проклятиями. Некоторое время он так и сыпал бранными словами, а после опять вернулся к повествованию. Только обращал он свои речи отныне не к Конану и не к Саламару — явно недостойным его высочайшего внимания, — а исключительно потолочной балке.

— И вот Конан является в мою таверну. Хорошо. Туда же приходит наш евнух. Очень злой.

Получил таинственную записку, явно составленную наемным писцом на рынке, потому что киммерийские варвары не умеют писать — во всяком случае, не теми буквами, которые призваны переносить на листы смысл слов, произнесенных в Аграпуре... Я понятно выражаясь?

Потолочная балка послушно безмолвствовала. Конан и его спутник — тоже.

— Итак, все собрались здесь. Бум, шмяк! Море крови! У евнуха перерезано горло, Конан держится с десятком солдат из охраны проклятого царедворца. Столы разрублены алебардами, везде лужи крови, ранено пять посетителей — это по самому гуманному счету... Никаких денег, естественно, не хватит, чтобы возместить мне ущерб. А на следующий день приходит начальник городской стражи. «Так и так, вчера здесь произошла настоящая баталия, убит важный царедворец и еще куча народу погибла. Ты должен знать того, кто это сделал, потому что, как уверяют люди, ты несколько раз называл его по имени и обращался к нему как к давнему знакомому». Ага! Именно так все и было. И что, я должен был идти на пытки и смерть ради человека, который разгромил мою таверну? Да ни за что на свете! Они бы все равно дознались... А Конан все равно бы освободился...

— В таком случае, поставь нам с другом выпить, — сказал Конан, когда карлик остановился и перевел дыхание.

— Что ж, — хозяин таверны пожал плечами, — так всегда и заканчивается.

Он ловко спрыгнул на пол и принялся колдовать над огромной бочкой с краном. Спустя короткое время карлик, киммериец и незадачливый Саламар уже сидели втроем за столом и пили неплохое кисловатое вино.

— Ах, — вздохнул Конан, приковчив единственным махом огромную кружку, — после тюрьмы и пожара это — то, что надо!

— Не нравятся мне эти пожары, — заметил Тульпис, обтирая губы.

Конан хмыкнул.

— Они вообще мало кому нравятся... Кроме мародеров и людей, решивших сбежать из тюрьмы. Сообщи какие-нибудь подробности, а то до нас новости доходили такими урывками, что и пересказывать-то неудобно.

— Ты уже знаешь, — начал Тульпис, — что загорелось сразу два дворца.

— Приблизительно.

— Не приблизительно, а ровнехонько два дворца! — рассердился Тульпис. — Причем случилось это в один и тот же час. Практически одновременно. Все попытки погасить пламя ни к чему не привели. Сгорело дотла. Мародеры ушли ни с чем — ничего ценного не сохранилось. Сплошной пепел.

— Но ведь так не бывает! — не выдержал Саламар. — Каким бы сильным ни случился пожар, всегда останется что-нибудь, что спасется от огня. Драгоценные камни или прочная мебель. Иной раз даже книги, если у них достаточно твердые переплеты.

— Тем не менее, — стоял на своем карлик. — Сгорело дотла! Дотла! На второй пожар я даже не пошел, нечего время терять...

Конан оглушительно захахотал и хлопнул карлика по плечу так, что тот едва не упал со скамьи.

— А люди? — спросил Саламар. — Люди тоже сгорели?

— Нет, — карлик покачал головой. — Они стояли вокруг и шумно причитали. Можно было полюбоваться на женщин, кому это интересно. На тех, которые обычно ходят, закутанные до самых глаз в покрывала, точно стигийские мумии, или путешествуют в носилках за задернутыми занавесками. Ну, я говорю о тех, кому нечем заняться, кроме как таращить глаза на чужих наложниц. Лично у меня полным-полно дел...

— Вряд ли нашего друга Тульписа могли бы заинтересовать женщины без бороды, могучей мускулатуры, да еще такие, что ростом выше трех локтей! — расхохотался Конан.

Тульпис зашипел и некоторое время не мог промолвить ни слова; когда же он обрел наконец дар речи, то произнес только:

— Не смей называть меня своим другом, проклятый верзила!

Конан пожал плечами.

— Если тебе больше нравится считать себя моим врагом — пожалуйста.

— Весь мир состоит из моих врагов, — сообщил Тульпис. — Любая громадина есть сущая

гадина, и все вы — враги для маленького человечка, ибо только о том и помышляете, как бы доставить ему побольше неприятностей.

— Не стану тебя разочаровывать, — начал было Конан, но Тульпис завизжал: «Не смей!» таким пронзительным голосом, что Саламар невольно схватился за уши, а Конан сморщился.

— Довольно, — сказал он. — Поговорим серьезно. Итак, ты утверждаешь, мой добрый Тульпис, что загорелось два дворца одновременно, что пропали все находившиеся во дворце вещи, но люди не пострадали?

— Сомнительно, — сказал Тульпис.

— Что именно? — осведомился Конан.

— Сомнительно... — повторил Тульпис. И недолго замолчал, рассматривая вино в своей кружке. Конан не торопил его. Наконец карлик произнес: — Видишь ли, в обоих случаях погибло по одному человеку. В первом дворце это была старая няня господина, которая жила на покое. Во втором — мальчишка евнух, которого недавно купили где-то в Иранистане.

— А прочие?..

— Прочие спаслись, как и было сказано.

— Что же объединяло старушку няню и мальчика-евнуха? — продолжал расспрашивать киммериец.

Тульпис закричал:

— С тобой вечно чувствуешь себя так, точно попал в застенок к начальнику стражи, чтоб его солнцем спалило! Что ты меня допрашиваешь? Что ты мучаешь меня? Ну возьми, возьми на

кухне крюки и ножи и подвесь меня над огнем! Давай, издевайся! Для тебя же не существует ничего священного, коль скоро ты собственного трактирщика и сбутыльника так терзаешь!

Конан смотрел на Тульписа так, словно прикидывал: не стоит ли принять совет карлика буквально. Затем проговорил, очень медленно, взвешивая каждое слово, как будто были эти слова золотыми монетами, и киммерийцу предстояло расплачиваться ими за некий товар:

— Если мы найдем между ними общее, то поймем причину.

— Причину чего? Философ! — фыркнул карлик.

— Причину беспорядков, — невозмутимо произнес Конан.

Саламар унылым тоном протянул:

— Лично я считаю, что причина мне известна... И чем дальше, тем хуже все происходит.

Конан бесцеремонно закрыл ему рот своей широченной ладонью.

— Что ты рот человеку затыкаешь? — спросил карлик, с подозрением глядя на Конана.

— Он надбел мне, — объяснил киммериец. — Твердит про свой глупый амулет, который сам же и проглотил...

— Человек, проглотивший амулет? — Карлик изумленно уставился на Саламара: Гнев закипал в маленьком человечке с новой силой.

Следует отметить, что гневался Тульпис почти непрерывно, но сила его негодования оставалась приблизительно на одном и том же уровне; зато

он знал множество оттенков дурного настроения и мастерски ими пользовался. Он играл на ярости столь же искусно, сколь хорошо обученные музыканты играют на флейте или арфе.

— Я не люблю людей, глотающих амулеты! — сказал карлик и скрестил на груди руки. — В них есть что-то нездоровое.

Конан хмыкнул и налил себе еще вина.

— Я бы не стал связывать проглоченный амулет и сгоревшие в Аграпуре дома, — сообщил киммериец.

— А кто их связывает, — проворчал карлик, — они не ковры, чтобы их связывать...

Допив вино, Конан бесцеремонно объявил:

— Мы останемся здесь на ночлег. Вероятно, проведем у тебя несколько дней. Нас разыскивает городская стража, так что попрошу тебя, Тульпис, убедительно попрошу — не болтай о том, что нас видел. Иначе в следующий раз я не буду столь снисходителен к твоим слабостям. Человечек ты маленький, а слабости у тебя большие, и, боюсь, рано или поздно они причинят тебе не приятности размером со слона.

* * *

Если Саламар рассчитывал на спокойную жизнь в таверне у Тульписа, вдали от шума и беспокойства, охвативших Аграпур в эти дни, то он сильно ошибся.

После прекрасно проведенной ночи, которую гирканец проспал в настоящей кровати, укрыва-

ясь настоящим одеялом и с подушкой, набитой свежим сеном, под головой; Саламар был вынужден вернуться к трудностям и невзгодам.

Началось все, естественно, с Конана. Неутомимый киммериец был на ногах с рассветом и вскоре растолкал Саламара.

— У тебя много дел, — сказал Конан, неприятно усмехаясь.

— У меня? — Саламар сел, сонно потирая глаза. — Для чего ты разбудил меня? Что тебе от меня нужно?

— Я спас тебя из тюрьмы, — напомнил киммериец. — Если бы не я, ты сейчас уже сгорел бы заживо. Или дождался бы палача, который отрубит тебе руку. Воровать — и то толком не умеешь!

— Я же говорил, что я неудачник, и все мое невезение — от этого предм... кх-х! — Саламар закашлялся, не желая раздражать могучего варвара.

Конан снизошел к его стараниям не раздражать собеседника и сделал вид, будто не рассыпал последнего слова, утонувшего в приступе неистового кашля. Дождавшись, чтобы гирканец успокоился, варвар продолжал:

— Итак, дружище, вот что мне удалось вытрясти из нашего хозяина. Во время каждого из пожаров сгорело по одному человеку. И это, думается мне, неспроста.

— Мы это вчера обсуждали, — зевнул Саламар. — Боги, Конан! Когда ты успокоишься? Я так устал!..

— Ты сидел в тюрьме и ровным счетом ничем не занимался, — напомнил ему киммериец. Саламар взмыл:

— Конан! Ты — варвар и убийца!

— Не смею отрицать очевидного. — Конан вздохнул.

— В тюрьме я, позволь заметить, не отыхал — как ты изволишь выражаться, — а страдал. Это занятие отняло у меня уйму сил. Конан! Пожалей меня!

— Нет уж, — отрезал киммериец. — Ты будешь делать то, что я велю. А велю я тебе следующее. Ты должен обойти все пожарища и поговорить там с людьми. Потолкай о том, о сем. Расспроси их о разных деталях. Я хочу, чтобы ты узнал как можно больше о погибших. Мы обязаны выяснить, какая существовала между ними связь. От этого многое зависит...

— Я сделаю все, что ты потребуешь, Конан, — заверил Саламар, видя, что спорить с варварам бесполезно. — Ты только корми меня вовремя и объясняй, ради всех благодетельных божеств Хайбории, зачем тебе нужно разбираться в аграпурских пожарах. Ты ведь не метишь на место главного тушителя пожаров в Аграпуре?

Конан сморщился.

— Здесь творится колдовство, я это чую, — сказал киммериец. — Я ненавижу колдунов. У меня от них мороз по коже. Они причиняют бедствия людям... и преследуют меня. И для того, чтобы колдуны начали меня преследовать, мне, заметь, не пришлось ничего глотать , —

просто я убил пару-другую этих негодяев, вот они и видят во мне угрозу. Кстати, правильно делают... Такого объяснения тебе достаточно?

— Ну, я ведь понимаю, что всей правды ты мне не скажешь, — обреченно махнул рукой Саламар.

— Правильно понимаешь.

— Хорошо... — Гирканец вздохнул. — Но почему я? Почему ты сам не можешь пойти?

— У меня запоминающаяся внешность, а стражники нас уже разыскивают, — сказал Конан невозмутимо и не без удовольствия отметил, что его собеседник позеленел от страха. — Тебя же они не узнают.

— Я тоже выделяюсь в толпе, — сказал гирканец.

— Ты переоденешься женщиной, вот и обманешь всех.

— Я... не могу. Я все-таки воин. Как мне перебороться женщиной, Конан! Ты хочешь, чтобы я совсем перестал уважать себя?

— Если я тебя не уважаю, то и тебе подобный подвиг под силу... Какой ты воин? — безжалостно сказал Конан. — Ты вор, и к тому же неудачливый. Сам ведь рассказывал, что изучал жизнь и привычки продажных женщин. Тогда тебе это понадобилось для того, чтобы втереться в доверие к бедной разбогатевшей шлюхе. Теперь воспользуйся своими знаниями ради того, чтобы спасти свою шкуру.

— А я не могу спасти мою шкуру попросту, убравшись из Аграпура? — с безнадежной наде-

ждой спросил Саламар и глянул на Конана пристально.

— Нет, — сказал Конан и потрогал большой кинжал, висевший у него на пояске.

* * *

Женская одежда, как выяснилось, вовсе не стесняла Саламара. Собственно, не существовало такой уж непроходимой границей между женской одеждой и мужской, во всяком случае, для гирканца: туника — чуть длиннее, покрывала — чуть более просторное. Не возникло особых трудностей и с тем, чтобы изображать женскую походку. Нужно было семенить, опустив голову — большего и не требовалось. Молодое смуглое лицо, видневшееся из-под покрывала, большие темные глаза, наполовину скрытые черной тканью, — все это превращало Саламара в «истинную женщину».

Конан, во всяком случае, остался доволен. «Тебя никто не узнает, даже если будет приглядываться, — заверял своего приятеля варвар. — Только будь осторожен: одинокая женщина легко попадает в неприятности. Держись как служанка знатной госпожи, которую отправили с поручением разузнать новости. Не вздумай изображать из себя важную даму! Похитят — не успеешь и глазом моргнуть. А похитители женщин, как правило, не слишком церемонятся. И когда тебя разденут, то обмана не простят. Нет ничего хуже разочарованного насильника. Их фантазии бывают порой изощренно жестоки».

Саламар оборвал наставления киммерийца:

— Довольно! Ничего не желаю больше слушать, ни о похитителях, ни о дамах, ни о насильниках! Время от времени мне думается, что ты нарочно надо мною издеваешься.

Конан пожал плечами.

— Я всего лишь даю тебе советы. И, поскольку людям свойственно упрямство, трачу время на объяснения — для чего надлежит следовать моим советам буквально. Заодно объясняю последствия...

Саламар махнул рукой и ушел, путаясь в покрывалах.

Конан возвратился к столу и вытащил еще один кувшин с вином, похищенный у хозяина маленькой таверны: тот спал прямо на столе, забравшись на столешницу и свернувшись в клубок между пустыми кувшинами, обедками, обглоданными костями и плошками, где еще оставалось немного от вчерашней трапезы.

Саламар появился в тавerne только под вечер. Конан встретил его приветственным взмахом руки, в которой была зажата гусиная ножка.

— Я оставил тебе самое вкусное, — вместо приветствия пьяным голосом произнес варвар. — Крыышко.

— О! — язвительно произнес Саламар.

— С куском грудки.

— Должно быть, это очень маленький кусок, — заметил Саламар, выпутываясь из своих покрывал.

Конан сделал широкий жест, приглашая его к столу.

— Для тебя — в самый раз. Наш хозяин ушел к себе. Сказал, что не может наблюдать за тем, как я ем и пью. По его словам, каждый мой ужин обходится ему в целое состояние, а две-три полноценных дневных трапезы киммерийца способны разорить любого карлика, особенно скрупого и склонного. Ну, это он так говорит. В любом случае, его здесь нет. Ушел страдать в одиночестве. Вероятно, так и зачахнет без нашего дружеского пригляда.

Саламар, в длинной и широкой женской тунике, но без покрывала, бросился к столу, схватил оставленный Конаном кусок печеного гуся и жадно принялся рвать мясо с костей.

— Целый день брошу голодный, — сообщил он с набитым ртом.

— Ты мог бы зайти в какую-нибудь таверну и перекусить, — предложил Конан.

Саламар глянул на него со злым прищуром.

— Не ты ли предупреждал, что однокая женщина часто попадает в неприятности? Как ты думаешь, подходящее ли место для таковой харчевни?

— Смотря для какой женщины.

— Для такой женщины, как я.

— О! — Конан фыркнул. — Разумеется, ты прав. Молодец, что не забыл моих дружеских советов. Но ты мог ведь купить какой-нибудь пирожок на улице.

— Я не знаю, как во всех этих штуках есть, —

зло сказал Саламар. — Покрывало закутывает почти все лицо. Отодвинуть покрывало и явить миру жующий рот? Или сунуть жирную булочку прямо под покрывала и чавкать там, будучи скрытой от мира? Понимаешь ли, для меня этот вопрос так и остался нерешенным. Я пытался подглядывать за другими женщинами, но ни одна из них, как на грех, не покупала ничего у уличных разносчиков.

— Да, — молвил Конан, — проблема оказалась серьезней, чем я предполагал. Пожалуй, сташу для тебя еще пару лепешек.

— Сделай одолжение.

— И рубленого чеснока.

— Он, должно быть, несвежий, — поморщился Саламар.

— Да нет, я сам его только что нарубил, — сказал Конан. — Мечом. Получилось не очень мелко, зато он совершенно свежий.

— И с шелухой, — добавил Саламар вполголоса.

Результаты его похода вполне удовлетворили Конана. Пожары действительно вызвали в городе множество пересудов, и среди бесполезных и досужих толков один слух держался устойчивее всех прочих, и его-то принес своему товарищу Саламар.

Старая няня погибла весьма странным образом. Одна из служанок видела, как старуха внезапно вскрикнула, подняла руки над головой — и тотчас она оказалась объятой пламенем. Приблизительно то же самое рассказывали и о маль-

чике, доставленном в гарем несколько дней назад. Вероятно, и в остальных случаях пожар начался именно с тех самых людей, которые не выжили: их тела загорелись сами собой.

— Разрази меня гром, если я понимаю, что это означает, — заключил свое повествование Саламар.

— Мне кажется, я понял, — кивнул Конан. От его опьянения словно бы не осталось и следа, хотя всего полчаса назад киммериец был изрядно навеселе. — Ты выяснил больше, чем я рассчитывал.

— Помнишь, мы говорили, что важно понять — есть ли между погибшими нечто общее, — сказал Саламар. Он сделал большой глоток из кувшина, со вздохом обтер рот и продолжил: — Так вот, все они были из разных мест. Вряд ли когда-нибудь встречались в самом Агратуре. Единственное, что их связывает, — одинаковый и весьма жуткий способ умереть. Поэтому, здесь действует какая-то магия?

— А сам ты как думаешь?

— Думаю, да. Магия. Древняя и весьма могущественная. Магия огня.

— Это не то, что ты имеешь в виду, — сказал Конан задумчиво. — Совершенно не то. Пожалуй, я расскажу тебе, потому что ты отныне — надежный человек.

— Почему это я вдруг стал надежным человеком? — возмутился Саламар.

— Что тебе не нравится? — вопросом на вопрос ответил Конан.

— До сих пор ты считал меня дурачком, которому нельзя поручить и самой малости. Ты наставлял меня так, словно я — глупый ребенок, ты растолковывал для меня очевидные вещи. И вдруг заявляешь, будто я...

— Положим, ты с тех пор сильно изменился, — сказал Конан. — Тебя устраивает подобное объяснение?

Саламар махнул рукой.

— Боюсь, я никогда не успею за ходом твоей мысли. Слишком уж неожиданные повороты она делает. Так что поговорим лучше о другом. Что ты хотел мне сообщить? Мне, такому новому и надежному?

— Магия магии рознь, — сказал Конан с важным видом.

Саламар покраснел и поперхнулся.

— Ты издеваешься надо мной? — прошептал он.

— Я только начал поучение. Перестань наконец считать меня своим врагом! Я ведь могу и рассердиться.

— Я тоже.

Конан покачал головой.

— Я только хотел сказать, что бывают маги, которые только тем и занимаются, что изменяют мир по собственному усмотрению. Им наплевать, если кто-нибудь при этом пострадает. Охота такому магу, к примеру, искупаться в жаркий день — он попросту берет и переносит озеро поближе к своему порогу. А то, что какие-нибудь рыбаки лишаются улова, что при этом пе-

ремещении гибнет рыба или, скажем, тонет какой-то незадачливый купальщик, — до этого ему и дела нет.

— Ну, я понял, понял. Таких магов ты ненавидишь и убиваешь везде, где только до них добираешься.

— Именно. Стрела, выпущенная луком твоих уст, угодила прямо в центр мишени моих помыслов, — сказал Конан и сделал замысловатый жест, который, по его представлению, должен был имитировать «придворные манеры». — Но есть ведь и другая магия. Магия чудесных существ. Положим, единорог. Я никогда, правда, не видел единорогов и ни одного не убил, но все же... Или дриады. Дриад я видел и тоже ни одной не убил.

— Немного однообразно, но в целом доходчиво, — сказал Саламар. Было заметно, что он опьянел и сделался смелее; трезвый Саламар не решился бы разговаривать со вспыльчивым киммерийцем подобным тоном.

— Эти существа не призывают магию себе в помощь, — продолжал Конан. — Они просто являются таковыми, каковыми являются. Они не стараются изменить свою природу, они лишь следуют своей природе... Это ясно?

— Да. Несколько лишь одно: о каком волшебном существе мы говорим с тобой сейчас.

— Ты проницателен. Говорю же, ты изменился — стал лучше. Поздравляю. — Киммериец кивнул с совершенно серьезным видом. — Я имею в виду феникса.

— Насколько я знаю, феникс — чудесная птица, которая раз в пятьсот лет сгорает...

Конан остановил своего собеседника, подняв палец.

— Она не просто сгорает — она вспыхивает сама по себе. Огонь исходит из ее сердцевины. А затем на том месте, где все произошло, появляется яйцо нового феникса.

— Замечательный, хотя и несколько хлопотный способ размножаться, — сказал Саламар. — Я знаю другой способ. И предпочитаю именно его.

— Время размножаться еще не спало, — наизнательным тоном произнес Конан. — Сперва зайдемся фениксом. Сдается мне, здесь все не так просто.

— Погоди, — остановил его Саламар. — Сдается мне, все не так просто и с тобой. Откуда ты знал, что встретишь в Аграпуре феникса?

— Думаешь, я здесь неспроста?

— Думаю, да, — кивнул Саламар. — Ты вообще не тот, кем кажешься.

Конан захохотал.

— Ну-ка расскажи мне! Открой свои мысли!

— Выглядишь ты простачком-варваром, громилой с огромным мечом; однако это лишь видимость. Твои цели, твои планы, твои побуждения — все это скрыто. Тебе известно очень многое. Ты умеешь пользоваться своими знаниями — редкое умение: большинство людей либо знает нечто, либо в состоянии нечто сделать; сочетание знания и умения встречается редко.

— Кром! Да я просто живое божество, если тебя послушать.

— Просто не вполне обычный человек, не скромничай, — сказал Саламар. — Если ты предпочтешь не рассказывать, откуда тебе известно про феникса и почему ты очутился в Аграпуре, практически одновременно с возгоранием волшебной птицы, — что ж, я пойму. Но сдается мне, у тебя имелись некие причины оказаться здесь, поблизости от странных пожаров.

— Если ты будешь помогать мне и дальше... — начал Конан.

— Нужно же чем-то наполнить бесполезные дни моей жизни! — ответил Саламар.

— В таком случае, слушай...

* * *

В одном из кварталов Аграпура есть странное место: это сад, где нет ни одной постройки. Кому принадлежит сад — неизвестно; он выглядит запущенным, и никто не дерзает входить туда. Колючие кусты разрослись, переплели ветвями все пространство между деревьями. И это не обычные колючки: они впиваются в тело неосторожного человека, поддавшегося любопытству, и срывают целые лоскуты кожи, так что бедняга не знает, каким богам молиться, чтобы унести ноги.

Деревья стоят там голые, без листьев и цветов. На земле, у корней деревьев, растут лишь ядовитые травы, к которым лучше не прикасаться: одного листика бывает довольно, чтобы

живое существо упало мертвым, истекая кровавой пеной.

Никто не знает, кому принадлежит этот сад. Никто не задает вопросов касательно него, а ограду предпочитают обходить стороной. И все же нашелся человек, любознательность которого взяла верх над осторожностью. Перебравшись через ограду, он ловко спрыгнул вниз. Человек этот был весьма осторожен и заранее выбрал себе для приземления место, где кустарник рос не столь густо; к тому же он надел кожаные штаны и плотную куртку, так что ядовитые шипы не прикоснулись бы к его телу. Он ожидал чего угодно, только не того, что его встретило...

В мгновение ока все переменилось. Жуткие заросли, где нет места ни для чего живого, каким выглядел участок, если смотреть с улицы, находясь по ту сторону ограды, превратился в ухоженный сад. Повсюду цвели крупные цветы: они свисали гроздьями с ветвей, нежно-розовые, нежно-голубые, фиолетовые, белые, они поднимались на гибких стеблях из земли, прикосновение их лепестков было нежным и прохладным.

Деревья, покрытые зеленою листвой, расступались, открывая дорожки, посыпанные желтым песком. Везде на маленьких лужайках, разбросанных по всему саду, стояли причудливые беседки; имелось несколько маленьких прудов, где резвились красные рыбки с пышными хвостами.

И, что самое интересное, внутри ограды сад казался огромным, в то время как снаружи он занимал весьма небольшое пространство:

Конан (разумеется, он и был тем самым бессстрашным человеком, что не побоялся забраться в жуткий сад) осторожно двинулся по дорожке и скоро увидел дворец с яркими витыми башнями и просторными витражными окнами по всему фасаду.

Навстречу ему вышла женщина. Киммериец остановился, рассматривая ее с возрастающим удивлением. Сказать, что она была прекрасна, — значит, не дать и малейшего представления о ее внешности. Она была небольшого роста, черноволосая, очень хрупкая на вид. Ее узкое лицо постоянно менялось: по нему как будто пробегали то свет, то тени. Ее румянец был золотистый, не розовый, а бледность, которая приходила ей на смену спустя всего лишь минуту, — выглядела се ребристой, точно запорошенное пеплом зеркало.

Одежда женщины представляла собой длинное просторное платье из красных птичьих перьев.

Конан остановился в нескольких шагах от нее.

— Кто ты? — спросила она тихим, грудным голосом.

Конан молча рассматривал ее.

Она вскрикнула, и в ее голосе зазвенела медь:

— Кто ты такой?

— Меня зовут Конан, — ответил варвар и замолчал, полагая, что сказал все необходимое для знакомства.

Женщина глубоко вздохнула.

— Прошло уже более ста лет с тех пор, как смертный человек решался войти в мой сад...

— В таком случае, уместно ли будет спросить тебя — кто ты такая? — заговорил киммериец.

Женщина побледнела, а затем на ее лицо вернулось золото румянца: она как будто смотрела в огонь.

— Я Бронвэг, возлюбленная Феникса. Мы играем в вопросы и ответы?

— Возможно, — сказал Конан.

— Хорошо, — кивнула Бронвэг. — В таком случае, теперь мой черед спрашивать. Зачем ты забрался сюда?

— Об этом месте говорили в таверне, где я сидел. Мне захотелось посмотреть, что здесь такого происходит. Я ответил на твой вопрос?

— Не трать свое право на вопрос ради такого пустяка...

— Хорошо, спрошу о другом. Где твой возлюбленный, Феникс?

— Он покинул меня.

— Почему?

— Не нарушай правил, сейчас мой черед спрашивать, — оборвала его Бронвэг. — Итак, Конан, где твоя родина?

— Я из Киммерии, моя родная страна находится далеко на севере, и там много высоких гор, а ледник царапает небеса.

— О! — проговорила Бронвэг. — Должно быть, там красиво.

— Везде, где я побывал, встречается красота, а я обошел почти всю Хайберию, — сказал Конан. — Итак, где твой возлюбленный?

— Я не знаю... — И вдруг она заплакала. — Больше ста лет назад я потеряла его, Конан! Он

ушел, и я не могу найти его, потому что магия нашей любви держит меня взаперти в моем саду.

— Не самое худшее место для жизни, можешь мне поверить, красавица, — утешил ее варвар. — Я побывал за пределами твоего сада и могу уверенно сказать, что почти везде гораздо хуже. Здесь нет ни пьяных рож, ни глупых правителей, ни развратных колдуний — разве что ты сама такова, в чем я сомневаюсь, — ни демонов, ни воров, ни грубых стражников, ни...

— Довольно! — вскрикнула Бронвэг. — Твои слова причиняют мне боль. Я и не думала о том, как ужасно живут люди за оградой моего сада.

— Знаешь, Бронвэг, если задуматься, то все не так уж и ужасно, — признал Конан. — Разнообразие и все такое. Скушать не приходится. Но здесь в любом случае изумительно красиво. И если у тебя нет недостатка в еде и питье...

— У меня ни в чем нет недостатка, даже в обществе, — сказала Бронвэг. — Я разговариваю с птицами и рыбами, в моем саду живут змеи с женскими головами — они любят поболтать и попеть со мной на закате...

Конан не любил змей, даже таких, у которых были женские головы, однако говорить об этом прекрасной Бронвэг не считал нужным: в конце концов, у хозяйки зачарованного сада собственные представления о том, что для нее лучше.

— Но я тоскую по моему возлюбленному! — продолжала она. И, искоса глянув на Конана, добавила: — Скажи, ты не встречал его в городе?

— Нет, — Конан покачал головой.

Во всяком случае, эта женщина его не домогалась. Если и имелось что-то, что Конан ненавидел, пожалуй, даже больше, чем колдунов и демонов, так это чародейки, которым непременно хотелось затащить киммерийца в постель, а после использовать в собственных целях, как правило — отвратительных.

Но Бронвэг, похоже, думала только о Фениксе.

— Как же вышло, что он оставил тебя? — спросил Конан.

Слезы медленно потекли по ее лицу, но, добравшись до середины щеки, они закипали и испарялись.

— Он улетел... Он сказал мне, что должен наполнить мир красотой и светом... Мои подруги-змеи разыскивали его повсюду. Они сказали мне ужасную вещь! Он принял облик человека и наполнил мир своими потомками. Он изменил мне!

— Если ты готова его простить, то он, думается мне, возвратится в твои объятия, — попробовал утешить Бронвэг ее собеседник-варвар.

— Я простила его, уже давно простила. То, что он сделал, было преступлением не по отношению ко мне, но по отношению к нему самому! Как ты не понимаешь? Прежде все было так просто. Он сжигал сам себя на волшебном костре и затем возрождался вновь: мне оставалось лишь ухаживать за золотым яйцом, которое обнаруживалось на пепелище, а затем ждать, пока вырастет птенец. Я видела, как он начинает узнавать меня, как он вспоминает о том, что я была ему и матерью, и возлюбленной, как он му-

жает... И затем наступал чудесный миг нашей свадьбы — мы возобновляли брак, и наступали столетия блаженства!

Но, уйдя от меня и связав себя с земными женщинами, он растратил естество Феникса. Его потомки — каждый из них — несет в себе несколько капель волшебной крови; однако каким образом произойдет возрождение Феникса на сей раз? Как это будет возможно? Они должны собраться в одном месте, они должны сгореть в один и тот же день, чтобы высвободилась чистая энергия чудесной птицы и возникло новое яйцо, зародыш новой жизни Феникса...

— Может быть, это уже происходит сейчас, — сказал Конан.

Бронвэг склонила голову набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ведь не знаем, как выглядят потомки Феникса, — пояснил Конан. — Не исключено, что судьба привела их в Аграпур, и скоро начнутся события, предшествующие появлению золотого яйца.

— Это было бы слишком прекрасно... — Бронвэг вздохнула, и еще несколько слезинок вскипело на ее золотых щеках. — Я боюсь, — призналась она. — Я чувствую приближение этого времени и испытываю сильный страх. Кто будет ухаживать за яйцом, кто убережет птенца, пока тот беспомощен?

— Ну, вряд ли я возьму на себя эту роль, — усмехнулся варвар. — Все-таки я не птичница, знаешь ли. Я воин.

— О, я сразу поняла, что ты воин! — похвасталась Бронвэг с какой-то совершенно детской гордостью. — Я научилась распознавать воинов. У них всегда есть оружие, у них гордый блестящий взор, и они могучи, горды...

— И еще у них, как правило, отвратительный характер, они раздражительны, вспыльчивы, пьяницы и драчунь, — добавил Конан. И поспешно удыбнулся своей собеседнице, чтобы та не успела испугаться: — Я не таков, Бронвэг. Думаю, некоторую утонченность и даже изысканность мне добавляет то обстоятельство, что изредка я промышляю не грабежами, а воровством и обманом. Это очень оттачивает манеры, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Судя по выражению прекрасного лица Бронвэг, она не поняла ни слова из сказанного варварам. Конан вернулся к прежней теме:

— Если ты обещаешь хорошенько вознаградить меня, то я попытаюсь отыскать золотое яйцо с маленьким Фениксом внутри и принесу его тебе.

Глаза Бронвэг заискрились.

— То, что ты говоришь, является верхом моих мечтаний! Но неужели ты сумеешь сделать это?

Конан пожал плечами.

— Почему бы и нет? Не существует невозможного, особенно за деньги.

— Деньги? Но что такое деньги? Я могу дать тебе драгоценных камней и золота, все, что ты захочешь. Выберешь сам.

— А, — сказал Конан, — ну тогда можешь на меня рассчитывать...

* * *

Часть этой истории Конан рассказал Саламару — самое основное.

— Так, по-твоему, все эти сгоревшие люди были потомками Феникса? — переспросил удивленный гирканец.

— Именно. Иного объяснения всем этим возгораниям быть не может. Теперь ты понимаешь, что я...

— Я понимаю, — медленно начал Саламар, — что ты заставил меня переодеться женщиной и отправил собирать для тебя сведения, в которых сам ты не нуждался! Ты ведь и без моей разведки прекрасно все знал, не так ли?

— Может быть, — невозмутимо отозвался Конан, — но я ведь должен был во всем окончательно убедиться. Общее между всеми погибшими одно: они были потомками Феникса. Кстати, это обстоятельство проясняет и наше с тобой чудесное спасение из огня пожара в тюрьме. Помнишь, когда мы бежали сквозь пламя, нас даже не обожгло?

— Кого как, — проворчал Саламар, но в глубине души он не мог не признать правоту киммерийца. Поведение огня еще тогда показалось Саламару не вполне естественным. Бежавшие узники находились прямо посреди пожара и все-таки практически не пострадали. И то же самое касалось и стражников.

— Погиб только старик, который сидел с нами в подземелье, — добавил Конан. — Помнишь, он отказался уйти?

— Но ведь его тело не загорелось.

— Откуда нам знать? Вероятно, там был еще один Феникс... а старик вспыхнул потом.

— Ну, разве что... — нехотя кивнул Саламар.

— У меня есть еще одно предположение, — сказал Конан. — Возможно, старик и есть Феникс... В таком случае, он загорится последним.

— А у меня есть вывод из всего, что ты мне наговорил, — Саламар вздохнул. — Если все в твоей истории сойдется, то золотое яйцо мы обнаружим на том самом месте, где находилась сгоревшая тюрьма. Так что имеет смысл поспешить, покуда искомое не выкопали из-под пепла другие, более расторопные люди. Когда имеешь дело с мародерами, ни за что поручиться нельзя. Такая уж это публика.

Конан сказал:

— А ты не дурак.

И задумался.

Пока киммериец размышлял, Саламар покончил наконец со своим куском гусятины и снова налил себе вина.

— Но как мы отправимся туда? — спросил Конан. — Нас ведь ищут. Забыл?

— Такое забыть непросто, — вздохнул Саламар. — Я даже готов снова переодеться женской, лишь бы не попасть в руки к аграпурской страже. Как вспомню, к чему меня приговорили... бр-р! Мороз по коже дерет.

— Да, однорукому воровать неловко, — признал Конан.

— Самое обидное заключается в том, что я на сей раз ничего не украд! — с горечью произнес Саламар. — Я утащил только тот амулет, который...

— Да, да, помню. Можешь не повторять. Но утащить золотое яйцо просто необходимо. Я обещал Бронвэг, да и вообще... Как представляю себе, что какой-нибудь пройдоха завладеет этим предметом, а после, когда на свет появится Феникс, будет содержать волшебную птицу у себя в клетке...

— Скорее, продаст ее какому-нибудь богатею, — вставил Саламар.

— Да, а тот посадит ее в клетку, — упрямо стоял на своем Конан. — В любом случае, это не приятно. Птица должна летать в поднебесье. Не для того сгорели все потомки Феникса, чтобы их возрожденный предок протомился пятьсот лет за решеткой.

— Может быть, это научит его не бросать возлюбленную ради сомнительного удовольствия «повидать мир», — сказал Саламар.

— Ну, мало ли какие поступки совершают люди ради сомнительных удовольствий, — заметил Конан.

В конце концов они решили, что на пепелище тюрьмы пойдет карлик Тульпис, а Конан отправится с ним в образе чернокожего слуги. Киммериец разделся до пояса, вымазался сажей и пошел будить Тульписа, который почивал сном праведника в своих комнатах.

Саламар на время остался внизу один. Вскоре до его слуха донесся вопль ужаса: видимо, этот крик испустил Тульпис, увидевший, как над его ложем склоняется гигантских размеров негр и скалит белые зубы.

Спустя некоторое время Тульпис в сопровождении отчаянно черномазого Конана спустился вниз.

Карлик был очень возбужден. Он размахивал руками и говорил очень быстро и бессвязно, то и дело останавливался, поворачивался к Конану и хватал его за пряжки пояса.

— Ты уверен? — долетали до Саламара его отрывистые восклицания. — Даст драгоценные камни? Золотое яйцо? Может, не стоит нам отдавать ей яйцо, коль скоро оно золотое? Заберем себе, а? Вдруг она не заплатит? И вообще, как ты мог довериться женщине в платье из птичьих перьев? Ах, Конан, всему-то тебя приходится учить — ты как ребенок, право слово! Где это сказано, что человек должен доверять женщинам в платьях из птичьих перьев?

— И еще у нее слезы на щеках закипали и испарялись, — добавил Конан, явно желая подразнить карлика.

Но на сей раз киммериец не достиг цели. Тульпис только отмахнулся:

— Ничего особенного — у женщин со слезами всегда так: только что ревела в три ручья — и вот уже улыбается и чего-то от тебя добивается вкрадчивым голосом.

— Твое знание жизни и женщин меня ужасает, Тульпис, — сказал киммериец.

При виде Саламара карлик замер на месте. Он выпутил глаза и уставился на гирканца.

— Что? — спросил Саламар с кривой улыбкой. — Ты успел забыть о моем существовании?

— А это кто такой, Конан, а? — карлик обернулся к Конану, указывая на Саламара большим пальцем из-за плеча. — Откуда ты выкопал такую образину?

— Мы приходили к тебе вчера вдвоем, — напомнил Конан. — Он сидел в той же тюрьме, что и я. А в тюрьму я попал благодаря тому, что один владелец харчевни не умел — или не захотел — держать язык за зубами... Это обстоятельство также не следует выпускать из внимания.

— Совершенно не обязательно напоминать человеку о его просчетах и ошибках, — огрызнулся Тульпис. — К тому же я замазал свою оплошность, накормив тебя, как царя, и закрыв глаза на все прочие твои проделки в моей харчевне. Так что теперь объясни мне, откуда взялось это... э... лицо.

— Мне надоело слушать, как вы оба издеваитесь! — проговорил Саламар, поднимаясь с места и направляясь к карлику и его рослому товарищу.

Результат превзошел все ожидания. Тульпис заорал: «Ай, ай, не подходи, не прикасайся ко мне!» — и шарахнулся в сторону, норовя заскочить за спину киммерийцу. Конан широко ухмыльнулся, демонстрируя ошеломленному Саламару белоснежные зубы.

— В чем дело?! — Саламар в отчаянии опустил руки. — Да о чём он говорит? Почему он не может меня вспомнить, но еще и боится?

— К несчастью, у меня нет при себе зеркала, Саламар, — отозвался Конан, — но поверь мне на слово: твоя наружность претерпела существенные изменения. Теперь я вполне верю твоей болтовне насчет артефакта. С резными кхитайскими палочками следует вести себя чрезвычайно осторожно.

Саламар покачал головой. Жест безнадежности. Никто ничего не желал объяснять ему. Гирканец на всякий случай ощупал свое лицо, прошел ладонями по всему телу. При одной только мысли о том, что он, возможно, превратился в женщину или покрылся бородавками, его прошиб холодный пот. Но ни бородавок, ни явственных примет женского тела он на себе не обнаружил.

— Странно все это, — пробормотал Саламар, усаживаясь обратно за стол.

Конан взял Тульписа за плечо.

— Идем, у нас много дел. Хватит трястись — ничего страшного, в сущности, не произошло...

— Может быть, — бормотнул карлик, — но рожа... ужас!

Они вместе вышли на улицу, оставив Саламара в состоянии страха перед неизвестностью.

* * *

В Аграпуре пахло гарью. Дым пожарищ тянулся по улицам, и прихоти ветра разносили его

по всему городу. Десятки людей, оставшихся без крова, слонялись повсюду. Кое-кто отправился жить к родственникам; но большинство впало в настоящее отчаяние — в одночасье потеряв все свое имущество, эти богачи, ставшие бедняками, продавали то единственное, что у них еще оставалось: рабов и наложниц. На вырученные деньги они снимали комнаты в гостиницах. Однако было очевидно, что надолго этих денег не хватит, так что всем им приходилось думать над тем, как устраивать свою жизнь дальше.

Таким образом, рабы подешевели, а комнаты в гостиницах подорожали, и это не могло не скаться на общем состоянии торговли в Аграпуре. Двое или трое работников погнали свои карараваны дальше, разочарованные тем, что встретили их здесь.

— В конце концов, ничего не потеряли только эти бедолаги, — сказал Тульпис, кивая на очередного раба-носильщика, который переходил из рук в руки. — Какая ему разница, чьи носилки тащить на плечах?

— Разве что прежде он носил легонькую госпожу, а теперь будет носить тяжеленного господина, — предположил Конан.

Но сбить Тульписа с мысли оказалось практически невозможно. Карлик скроил жуткую физиономию.

— Где ты видел, чтобы госпожа была «легонькой»? Все аграпурские госпожи — толстенные коровы, и таскать такую тушу, да еще увенчанную драгоценностями, — то еще удовольствие!

— Можно подумать, ты подрабатывал носильщиком! — поддел приятеля Конан.

— Я, разумеется, не занимался подобной ерундой, — с достоинством возразил карлик, — однако у меня бывали клиенты из этого разряда.

— Ты пускал к себе в харчевню рабов? — удивился Конан.

— Тс-с! Незачем кричать об этом на весь квартал! — Карлик сильно покраснел. — Деньги у них водились и ничем не отличались от денег, которыми расплачиваются свободные... И нужно ведь человеку где-нибудь посидеть и отдохнуть за плошкой сдобренной мясом каши, да так, чтобы не им помыкали, а он требовал от служанок почтительности и внимания?

— Вероятно, нужно, — согласился Конан. — Никогда об этом всерьез не задумывался. У меня всегда находились другие темы для размышлений.

Тульпис безнадежно махнул в его сторону рукой.

Возле бывшей тюрьмы, превратившейся теперь в груду дымящихся развалин, никого не было, ни стражников, ни мародеров. Да и в самом деле, что можно было взять из тюрьмы — даже если бы здесь, в виде исключения, пламя и пощадило бы что-нибудь из вещей? Оружие? Вряд ли оно будет пригодно после того, как побывает в таком пожаре. Оковы и цепи? Решетки? Смешно даже предположить, что они понадобятся кому-то из горожан.

Конан вспоминал, как пламя расступалось, пропуская беглецов. Он понимал, что нечто подобное происходило и во всех остальных случа-

ях. Огонь, пожиравший дома, был особенным и предназначался лишь для того, чтобы сгорел сам Феникс. Вероятно, предметы, погибшие при этом, «рассматривались» чудесным огнем как топливо.

— Ну что, — проворчал карлик, останавливаясь перед грудами пепла, — будем, стало быть, здесь шарить?

Он ступил на пепел и тут же с проклятием отскочил.

— Он горячий!

— Разумеется, здесь ведь недавно все пыпало, — заметил варвар насмешливо.

Тульпис уставился на приятеля с яростью.

— По-моему, ты переоделся моим слугой, так что попытайся вести себя соответственно.

— Это как? Кланяться тебе, что ли?

— Хотя бы...

— Я и так вынужден сгибаться в три погибели, когда с тобой разговариваю, — небрежно произнес Конан, — что еще тебе надоено?

— Принеси палку. Будем ворошить пепел палкой.

Конан протянул карлику небольшую дубинку, предусмотрительно захваченную им из харчевни. При этом он размахивал левой рукой, выписывая в воздухе вензеля. Тульпис подозрительно прищурился:

— Что это такое, а? Энволтация?

— Ты о чем? — удивился Конан.

— Ну, что ты делаешь рукой — все эти штуки и загогулины? Ты не колдуешь, а?

— Я?! Да как тебе такое в голову могло прийти?! — взревел Конан. — Я пытаюсь изображать изысканные манеры хорошо вышколенного слуги.

— Не получилось, — фыркнул карлик. — Если уж тебе охота корчить из себя хорошо вышколенного слугу-негра, — при слове «охота» Конан изобразил крайнее негодование, — то возьми себе вторую палку и помогай мне искать.

Они встали рядом с пеплом и принялись тыкать в мягкие горы. Поднялась невесомая пыль, воздух сделался серым. Карлик расчихался, раскашлялся, из его глаз потекли слезы.

Конан осведомился:

— Что это с тобой?

— Не видишь? — огрызнулся Тульпис. — Я страдаю. И не понимаю, почему на тебя вся эта пыль не действует. Все нормальные люди от нее начинают кашлять и задыхаться.

— Вероятно, с тобой это происходит потому, что ты близок к земле, — отозвался Конан. — Я же довольно от нее далек.

После этого хвастливого замечания он оглушительно чихнул и даже смущился на миг. Тульпис, казалось, почувствовал себя полностью удовлетворенным. Карлик возобновил поиски с усиленной энергией.

Конан сказал:

— Не размахивай палкой так яростно. Неровен час разобьем яйцо...

— Не разбив яйца, не сделаешь яичницу, —

сказал харчевник. — И пирога тоже не испечешь.

— Наша цель, если ты еще помнишь об этом, коротышка, — не яичница и даже не пирог, а яйцо Феникса, — напомнил Конан.

Карлик оперся на свою дубину и уставился киммерийцу в лицо, глядя снизу вверх и двигая запорошенной пеплом бородой.

— Как его можно разбить, ведь оно золотое, — спросил Тульпис.

— Возможно, оно лишь выглядит золотым, — предположил Конан, — а на самом деле хрупкое, как и любое яйцо, только покрыто позолотой.

— Не нравится мне все это, — сказал Тульпис.

Они оставили палки, и Конан принял осторожно разгребать пепел рукой, обмотанной плащом. Внезапно киммериец замер.

— Что там? — наслел на него карлик. Тульпис страшно боялся, чтобы напарник его не обманул и не скрылся с драгоценным яйцом. — Покажи! Ну, покажи, что ты нашел? Это оно?

Конан осторожно высвободил руку из плаща и, пренебрегая жаром, сомкнул пальцы на гладкой сфере, которую нащупал под слоем пепла.

Медленно он вытащил на поверхность яйцо. Оно оказалось большим, на ощупь прохладным, несмотря на то, что возникло в самых недрищах пожара и, не принадлежи оно к миру чар и волшебства, непременно должно было бы быть раскаленным докрасна. От скорлупы исходило слабое свечение. Казалось, внутри яйца помещается небольшая горящая лампа.

Конан взял яйцо в руки — оно с трудом помещалось у него на обеих ладонях — и обратился к Тульпису:

— Расстели на мостовой плащ. Завернем его. Не тащить же его всем напоказ. Да и повредить страшно.

— Дай я, ты не умеешь, — засуетился Тульпис. — Я заверну, я и понесу...

— Если ты споткнешься, я отрублю тебе голову, — предупредил Конан. — Может быть, из твоего обезглавленного тела вылетит крылатый конь или выскочит прекрасная юная девушка.

— Где ты набрался подобной чушей? — Тульпис даже задохнулся от возмущения.

— Я внимательно слушал сказки, когда их рассказывала мне моя старая кормилица.

— Не было у тебя никакой кормилицы, ни старой, ни молодой, — отрезал Тульпис.

— Откуда ты знаешь? — удивился варвар.

— Оттуда! — Тульпис с торжеством вздернул бороду. — Оттуда, что ты как-то раз сам рассказывал мне о своем детстве. Когда напился у меня в харчевне. И, кстати, не заплатил.

— Вероятно, ты подмешал мне в питье порошок правды, а это противозаконно, — сказал Конан. — Довольно болтать. Оно тяжелое, и я боюсь сжать его слишком сильно.

Тульпис снял плащ и засуетился вокруг Конана. Тот наклонился и бережно уложил яйцо Феникса на складки плаща. Тульпис тотчас обернулся добычу в несколько раз, сделал узелок и выпрямился, держа его в руках.

— Лично я готов отправляться за драгоценными камнями и золотом прямо сейчас. Где живет возлюбленная нашего яйца? Ты что-то не упоминал об этом. Сколько я ни копаюсь в голове, — тут карлик поскреб себя по волосам твердыми ногтями, — не могу припомнить, чтобы ты называл ее жилье.

— Потому что она обитает в Проклятом саду, — сказал Конан.

Карлик споткнулся и едва не упал. В последний миг киммериец подхватил его под локоть.

— Осторожней! — прошипел Конан. — Иначе, клянусь, я выполню мою угрозу и срублю твою голову, вместе с бородой и волосами!

— Ты убийца, — сказал Тульпис. — Как же ты сумел пробраться в Проклятый сад? Всему Аграпуре известно: любой, кто перелезет через ограду, умрет жуткой смертью. Ты видел эти шипы? А эти ядовитые растения? Да там даже пауки дохнут от отравы, настолько ужасен там самый воздух!

— Видишь ли, Тульпис, я в Аграпуре человек новый и многое не знал, — пояснил Конан. — Например, не знал, что в Проклятый сад залезать так опасно, как ты говоришь. Поэтому и залез.

— И? — жадно спросил Тульпис.

— Как видишь, я жив-здоров. Так что приглашаю тебя с собой. Кроме самой хозяйки, есть еще женщины-змеи и наверняка там водится парочка дриад. Нужно расспросить ее.

— А золото и драгоценные камни? — продолжал Тульпис. — Она не лжет, как тебе показа-

лось? Она действительно даст нам все, что обещала?

— Будь ты женщиной, у которой всяких богатств навалом, — разве ты не наградил бы тех, кто принес тебе возлюбленного обратно? — поинтересовался Конан.

Тульпис призадумался.

— Да еще возлюбленного такого тихого, кроткого, заточенного в яйце. Наверняка он будет очень послушным и милым мальчиком, когда вылупится. Нет, Конан, думаю, ты прав — если она не коварна и не так злобна, как прочие представительницы ее племени; она нам с тобой, несомненно, заплатит. Мне хочется прыгать от радости!

— Только не с яйцом.

Проклятый сад предстал их взору еще более жуткий и угрюмый, чем обычно. Тульпис невольно замедлил шаг, рассматривая голые ветви деревьев, острые длинные шипы, торчащие повсюду на ветках, стрекучие растения, заполняющие все свободное пространство между сволами. Затем он повернулся к своему рослому спутнику:

— Конан, ты уверен, что мы не забираемся туда себе на погибель?

— Уверен, уверен, — сказал Конан. — Я ведь уже побывал там.

— А вдруг что-нибудь изменилось?

— Что могло измениться? — удивился киммерец. — Должна ведь она где-то жить, не так ли! Не станет возлюбленная Феникса обитать в таком отвратительном месте. Нет, все это — лишь

видимость для жителей Аграпура, чтобы они не вздумали нарушать покой хозяйки. Дай-ка сюда сверток.

Конан взял сверток с золотым яйцом и повесил его на один из прутьев решетки. Затем подхватил под мышки Тульписа и перебросил его через ограду. Карлик пролетел по воздуху, вопя и дрыгая в полете коротенькими ножками, а затем исчез, едва лишь коснулся земли. Конан улыбнулся и подтянулся наверх.

Внизу все было как прежде: красивые растения, свежий воздух, плеск воды вдалеком пруду, где резвились рыбки, и пение фонтанчика. Тульпис сидел на земле, потирая ушибленный зад, и изумленно таращился по сторонам.

— Магия! — прошептал карлик.

Конан спрыгнул вниз, взял сверток, и оба приятеля двинулись по дорожке, туда, где виднелись башенки дворца.

Бронвэг выбежала им навстречу.

Она заранее простирила руки, лицо ее сияло иказалось таким прекрасным, что сердце сжималось от странной боли: мнилось, любое дуновение ветерка, любая мелочь может лишь разрушить это совершенство. Хотелось, чтобы мгновение длилось вечно, — хотелось созерцать красоту до бесконечности...

— Я вернулся, Бронвэг, как и обещал, — торжественным тоном провозгласил Конан.

Он остановился в трех шагах от нее, расставив ноги и приняв горделивую позу. Карлик рядом с киммерийцем тоже застыл с важным видом.

Но на Бронвэг это все не произвело ни малейшего впечатления. Она не отрываясь смотрела на золотое яйцо.

Затем взяла его в руки и прижала к груди.

— Что я могу сделать для вас? — спросила она спустя некоторое время.

Тульпис поклонился, а Конан просто сказал:

— Ты обещала одарить меня драгоценными камнями и золотом, если я выполню обещание, — так что принеси десяток-другой изумрудов покрупнее, и мы будем жить.

Бронвэг повернулась и пошла к своему дворцу. Наряд из птичьих перьев волочился за нею по ступеням.

Тульпис гневно сказал Конану:

— Как ты мог разговаривать с нею подобным тоном — и о подобных низменных вещах? Какие изумруды? Какое золото? Такая красота не должна присасаться к презренному металлу и к не менее презренным самоцветам. Она должна питьться ароматом божественных трав, она вкушает амброзию — и все ее мысли должны быть так же возвышенны. Ты не имел права загрязнять их своей алчностью. Удивляюсь тебе, киммериец! И ты еще говорил, — правда, ты был тогда исключительно пьян, — что намерен сделаться королем! Да какой из тебя король, если ты не умеешь разговаривать со знатными дамами!

— Я прекрасно умею разговаривать с дамами, будь они хоть знатными, хоть незнатными, — возразил Конан. — И все они оставались довольны.

Тульпис лишь покачал головой.

— Неотесанный варвар, и ничего более. Разговаривать с тобой — попусту терять время.

В этот момент рядом что-то прошуршало. Карлик наклонился и увидел маленькую изумрудную змейку с женским торсом и головкой. Змейка была совсем крошечная, длиной в руку. Ее лицико, бледное, с раскосыми зелеными глазами, обрамляли золотые волосы, и такие же золотые полоски обвивали гибкое тело с зеленой чешуей.

— Нага! — воскликнул Тульпис.

— Карлик, — удивленно проговорила нага.

Она обвилась вокруг ноги Тульписа, поднялась повыше, и теперь ее лицико раскачивалось на уровне глаз карлика. Крохотные торчащие грудки утыкались в бороду Тульписа.

Харчевник едва не потерял сознание, когда осознал последнее обстоятельство. Он закатил глаза и несколько раз громко лязгнул зубами.

— Насколько я помню, карлики всегда враждовали с нагами, — заговорил Конан.

Тульпис зашипел на него, и нага, повернувшись в сторону киммерийца, оскалила рот, полный острых зубов, и также испустила тихое шипение.

— Мы не враждаем, — кратко пояснил Тульпис.

Нага осторожно прикоснулась губами к щеке Тульписа, а затем скользнула обратно на землю и прошептала:

— Приходи, когда захочешь, — я буду ждать...
И исчезла в траве.

Бронвэг появилась почти сразу же после этого. Конан подозревал, что нага потому и скрылась — женщина-змейка почувствовала приближение хозяйки.

Наверняка Бронвэг не слишком радуется, видя, как ее придворные наги заводят романы с гостями мужского пола. Впрочем, теперь все переменится: отныне Бронвэг будет занята новым Фениксом, так что Тульписа ждут увлекательные дни в Проклятом саду.

Бронвэг несла плетеную корзину, в которой лежали, как фрукты, сверкающие самоцветы: изумруды, рубины, сапфиры и несколько кусков хрустеля. Было очевидно, что Бронвэг не понимает истинной стоимости камней в мире людей и оценивает их лишь с точки зрения красоты, потому что хрусталем, самым дешевым из всех, она явно гордилась.

— Смотрите, какой прозрачный, — сказала она, показывая на кусок камня. — А эти так и светятся. Мне нравятся.

— Надеюсь, мы тебя не слишком обедним, если заберем все это! — сказал Конан, быстро принимая корзину из рук хозяйки.

Она пожала плечами.

— Эти камни растут у меня в главном зале дворца, у внутреннего пруда, — пояснила она. — Там есть деревце, оно любит цвети... А плоды у него сами видите какие.

— Очень красиво, — произнес карлик с самым серьезным видом. — Потрясающая красота! Только это ведь и ценно, не так ли?

— Ты понимаешь толк в жизни и ее удовольствиях, — одобрительно улынулась Бронвэг.

Она, впрочем, все время оглядывалась на дворец и явно беспокоилась. Конан понял это сразу.

— Мы не будем тебя больше задерживать, прекраснейшая, — сказал он. — Желаю тебе счастья с новым Фениксом, Бронвэг.

Он поцеловал ее в лоб, и она поспешно убежала. Все ее помыслы действительно были заняты золотым яйцом. И, будь Тульпис женщиной, которой вернули возлюбленного, он поступил бы точно так же.

* * *

Приятели очутились на улице. Сад сразу утратил всю свою прелест и вновь глядел из-за ограды жутким монстром, клубком агрессивных ветвей.

И хотя Аграпур был прекрасен, все же обоим, и Конану, и Тульпису, казалось, будто краски вокруг как-то потускнели: реальный мир был куда менее ярким и уж совершенно точно куда менее волшебным.

— Я влюблена, — произнес Тульпис, глядя вдаль. — Увиденное потрясло меня. Отныне я предаю проклятию самую идею наживы. Я поклоняюсь только красоте... Покажи-ка мне те чудесные камни, которыми наделила нас Бронвэг! Я хочу напитать мое зрение их красотой.

Конан бросил взгляд на корзинку, прикусил

губу и протянул ее своему спутнику. Тот сунулся посмотреть — и тотчас шарахнулся в сторону.

— А где самоцветы? — завопил карлик.

В корзине лежала гора гнилых фруктов. Никаких драгоценных камней там не было.

— Вор! — заорал Тульпис на Конана и затоптал ногами. Он в ярости подпрыгивал на месте. — Ты украд ал все самоцветы! Немедленно снимай куртку и показывай, где ты их спрятал! Я знаю — ты сделал это, пока я, погруженный в мечты о наге, перебирался через ограду. Ты — ловкий воришко, Конан, и я доберусь до тебя! Не думай, что, раз ты такой вёрзила, я не найду на тебя управы! Нет уж, мой господин, сидеть тебе в тюрьме за кражи и убийство!

— Кажется, ты только что откровенничал, что отныне предаешь проклятию любую наживу и все презренные думы об обогащении, — напомнил Конан. — И вот, стоило тебе увидеть, что рубины с изумрудами исчезли, как ты впадаешь в бешенство. Где логика, Тульпис? Где справедливость? Разве можно тебе верить? Пожалуй, стоит рассказать малютке наге об этом.

— Она и сама непостоянна, змея, — сказал Тульпис. И накинулся на Конана с кулаками: — Где ты их прячешь? Отвечай!

Конан вздохнул. Он только теперь понял, что драгоценных камней не существует, — во всяком случае, их не существует по эту сторону ограды. И вся надежда заработать в Аграпуре обернулась прахом... как это случалось с киммерийцем уже не раз.

— Я не брал наших камней, — сказал Конан. — Смотри.

Он вынул из корзины гнилое яблоко и бросил его через ограду. И едва негодный плод пересек невидимую линию, отделяющую Проклятый сад от улиц Аграпура, как в воздухе сверкнул самоцвет. А затем скрылся — навсегда.

Тульпис повесил голову.

— Теперь понятно, почему Бронвэг не выходит в город, — пробормотал он. — Неизвестно еще, какой она предстала бы нам, будь она здесь, а не там...

— Неизвестно, кстати, какими она видит нас с тобой, когда мы забираемся туда, — заметил Конан.

Карлик схватился за голову.

— Везде иллюзии! Идем, Конан, выпьем. Я угощаю. Все равно ты меня почти разорил... И вообще, в Аграпуре мне делать больше нечего.

— Я так не думаю, — остановил его Конан. — Сейчас большой спрос на комнаты, ведь многие остались на улице. Бери плату чуть пониже, чем остальные, и от клиентов у тебя отбоя не будет. К тому же ты обещал маленькой наге свидание. Может быть, она и была иллюзией, но очень уж красивой...

Карлик повздыхал немного, а затем, свесив голову, поплелся обратно — к харчевне.

* * *

Отчаявшись найти зеркало, Саламар налил в чашу воды, подождал, пока поверхность ее станет гладкой и наклонился, рассматривая свое лицо. Сперва ему показалось, что никаких перемен в его внешности не произошло, но затем он тихо ахнул: нет, одна перемена, и притом весьма существенная, случилась.

Все его лицо было покрыто мелкими кхитайскими письменами, в точности повторяющими надпись, сделанную на костяной палочке — магическом предмете, который служит для перемены участи смертного человека.

Саламар так и не изверг из себя свой артефакт. Он сам в него превратился.

Осознавая это обстоятельство, он изрядно напился, так что возвращение Конана с Тульписом прошло для гирканца незамеченным: Саламар попросту крепко спал.

Наутро Конан собирался покинуть Аграпур. Все дела здесь были закончены, а стража наверняка не простит киммерийцу дерзкого побега и будет искать способа отомстить. Следует провести время где-нибудь еще, пока здесь все уляжется.

А там, кто знает, быть может, Конан и вернется. Судьба переменчива, и Саламар — яркое тому доказательство.

Раздавленный случившимся, гирканец следил из угла за тем, как Конан собирается в дорогу. Карлик принес ему немного лепешек и со-

лонины, налил во флягу сильно разбавленного вина.

— А с этим мне что делать? — спросил Конана Тульпис и кивнул в сторону Саламара. — На что мне это расписаное чудище?

— Не знаю, — Конан пожал плечами. — Поставь его в угол, пусть служит для украшения. Или для устрашения пьяных клиентов. Как начнет кто-нибудь буйнить...

— Если он действительно превратился в магический предмет, — сказал карлик, — то держать его в доме попросту опасно.

— Я не предмет, — подал голос Саламар, — я ведь еще человёк.

— Это требуется доказать, — возразил Тульпис.

— Что же мне делать? — завопил несчастный Саламар.

— Можешь пойти и утонуться, — проворчал карлик.

— Я возьму его с собой, — решил Конан.

— Подумай десять раз, киммериец, — предсторег его карлик. — Я бы на твоем месте десять раз подумал. Или одиннадцать.

— Да я уже подумал... Саламар в том виде, в каком он существует сейчас, представляет собой великолепное оружие, — произнес Конан с важным видом. — И я намерен использовать его.

— Как?

— Положим, живет какой-нибудь гнусный богатый, — начал Конан. — А мы к нему запускаем Саламара... и спустя месяц, самое большее, наш богатый идет ко дну. Ну как, здорово придумано?

— Здорово, — кисло улыбнулся Саламар. — А ты не боишься, Конан, что подобные неприятности начнутся у тебя?

— Во-первых, они у меня не прекращаются, — сказал Конан, — так что перемены в моей судьбе могут произойти только к лучшему. А во-вторых, Саламар, учти: я сам — одна большая сплошная неприятность.

Дуглас Брайан
ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Глава первая
Мастерская «Пьяный орел»

евозможно! — решительно объявил старый Минта, когда Эрингил явился к нему со своим изобретением. — Ты сошел с ума, сын мой, и я не намерен потворствовать тому, что непременно станет причиной твоей безвременной гибели.

— Знаешь ли, почтенный Минта, за что я ненавижу весь род людской — или, точнее выразить, большую его часть? — медленно проговорил Эрингил. — Как раз за это слово — «невозможно». Никогда прежде я не предполагал, что услышу его от тебя!

Мастер моргал в полумраке. Эрингил видел, как быстро подрагивают его короткие ресницы, слишком короткие, потому что мастер не раз и

не два попадал в пожары; а уж сколько раз обгорали у него ресницы, брови и волосы — никто и сосчитать не мог.

— Ты сейчас в отчаянии, а когда человек находится в таком состоянии, он не должен выносить никаких суждений, — отозвался Минта. — Так что, пожалуй, я воздержусь от дальнейших вопросов, да и поддакивать тебе тоже не стану.

Эрингил, обессиленный долгим и бесплодным спором, опустился на чурбачок, служивший в мастерской табуретом для посетителей. Сам Минта сидел на скамье, установленной напротив рабочего стола.

И чего только не было разложено на этом столе! Инструменты, заготовки, даже стекло, способное показывать предметы в увеличенном виде.

Минта держал мастерскую, которая украшалась странной вывеской: парящая в поднебесье птица, явно хищная, с растопыренными лапами, разинутым клювом и вытарашенными черными глазами. Из клюва птицы выпадал предмет, имевший сходство с зубилом, равно как когтистые лапы роняли нечто вроде молотка. Внизу же, далеко на земле, под птицей, виднелась фигура беспечно гуляющего человека.

По слухам (а касательно Минты всегда гуляло множество самых разнообразных и невероятных слухов), некогда случилось так, что один мыслитель из Ианты, прибывший в Вольфгард для встречи с известным в ту пору жрецом, автором трактата «О хайборейских божествах» (там

были собраны сведения о более чем двухстах богах, пользующихся славой и поклонением по всей Хайборее), услыхал от своего собеседника о мастере Минте и отправился поглядеть на сие диво. Но в саму мастерскую он так и не зашел, остановленный на подходах к ней другой загадкой. Как вкопанный остановился он перед вывеской.

Увиденное им изображение настолько потрясла иантийского философа, что он тотчас отправил раба в дом, где остановился, с поручением доставить ему письменные принадлежности. Это было исполнено, и философ перерисовал картинку с вывески к себе.

И затем, вернувшись домой, он потратил десятки лет, исследуя очень простую (и вместе с тем умозрительно неразрешимую) проблему: почему у орла столь странный вид и попадут ли тяжелые предметы, вываливающиеся из клюва и лап хищной птицы, на голову человечку, гуляющему внизу?

Он рисовал траектории полетов, вычерчивал схемы, учитывал движение ветра и приблизительную тяжесть падающих предметов. Он создал целую науку о свободном падении тяжестей (что и прославило его впоследствии). Но ответа на свой вопрос он так и не получил.

А между тем стоило поступить так, как сделал в свое время Эрингил, который всего лишь вошел в мастерскую к Минте и спросил:

— Дядя Минта! А что это у тебя нарисовано на вывеске такое странное?

И Минта подробно объяснил мальчику, что к чему, а попутно рассказал обо всем, что успел передумать за долгие годы своей жизни.

Вывеска эта обозначает «пьяного орла» — и именно так называлось то заведение, где подвизался Минта в Вольфгарде. Мастерская эта была удивительной — и единственной в своем роде, поскольку Минта не делал какие-то определенные вещи. Он был мастер на все руки и не желал себя связывать обязательствами.

Вот, скажем, гончар состоит в гильдии гончаров, он создает из глины кувшины, плошки, миски, горшки и кружки. Он 'может' вылепить замечательную по красоте посуду, расписанную или фигурную. Но все его изделия в любом случае — только из глины, и из одной лишь глины.

Или, к примеру, ткач. Таковой делает ткани из ниток, и ткани эти могут быть дивными по качеству, радовать глаз затейливым узором, их прикосновение к телу дарит негу... Но его творчество ограничивается только тканями и исключительно тканями.

Минта же был в состоянии изготовить практически что угодно. В его большом доме на окраине Вольфгарда имелись инструменты на любой вкус: и ткацкий стан, и гончарный круг, и специально оборудованная кузница, и мастерская для работы с тончайшими ювелирными изделиями. Минта мог починить плуг или сплить одежду, ему приносили старые, доставшиеся еще от предков золотые вещи, и мастер превращал их в украшения тончайшей работы. Не было, ка-

залось, на свете ни одного ремесла, которое не покорилось бы мастеру Минте:

Его уважали мужчины и обожали дети; женщины же считали Минту колдуном и обходили его дом стороной. Почему-то в городе считалось, будто общение с Минтой может закончиться для женщины бесподием, — вероятно, потому, что сам он никогда не был женат и сам недолюбливал женщин.

Никто в Вольфгарде толком не знал, кто он такой. Говорили, будто Минта — сын древнего демона, унаследовавший от своего жуткого отца если не бессмертие, то долголетие, а также сопряженное с этим таинственное проклятие. Говорили еще, что никакой он не сын демона, а незаконнорожденный отпрыск одного из хайборийских владык (назывались самые разные имена).

На самом же деле Минта был сыном деревенского гончара, и вырос он в окрестностях Вольфгарда. Очень рано мальчик понял, что не хочет следовать по стопам своего отца. И не потому, что ему не нравилось лепить горшки и плошки, — просто он уже в десять лет делал это гораздо лучше своего почтенного родителя и несравненно искуснее, чем это получалось у его старшего брата. Следствием стали котушки — со стороны брата, и попытка свалить на мальчишку всю работу — со стороны отца.

И Минта сбежал из дома. Несколько лет он провел в скитаниях и везде, куда бы ни заносила его судьба, прибивался к какой-нибудь мастерской. Там он не гнушался никакой работой, при-

служивал хозяевам, прибирался, подносил и уносил инструменты и заготовки, бегал к клиентам. Одни мастера относились к услужливому мальчику по-доброму и учили его всему, что знали сами; другие лишь придириались и стремились превратить его в слугу. Но в любом случае Минта запоминал все, что видел, и даже от недоброхотов ухитрялся почерпнуть немало полезного для себя.

Некоторое время он отдал войне, служа то в отрядах наемников, то в охране караванов. Случалось ему и торговать, но это занятие также оказалось Минте не по душе.

И в конце концов, лет тридцати, он вернулся в Вольфгард.

Там судьба наконец улыбнулась ему: как раз в это время в Вольфгарде умерли, один за другим, бездетные супруги, приходившиеся дальней родней матери Минты. В завещании они указали, что их большой дом на окраине Вольфгарда должен быть передан первому же родственнику, который будет обнаружен, независимо от степени родства.

И таковым оказался Минта.

Он поселился в доме под внимательными взглядами соседей. Те просто сгорали от любопытства: как распорядится свалившимся на него с неба сокровищами безвестный голодранец?

Минта их не разочаровал. Он не стал избавляться от «милых мелочей», которыми старушка забивала свои комнаты, равно как и не вынес на свалку источенную жучками мебель, явно люби-

мую старичком, ее супругом, — все эти диванчики, скамеечки для ног, теплые кресла-качалки. Он даже не стал увольнять слуг, хотя те только бездельничали и по мелочи растаскивали хозяйское добро.

Минта не избавился ни от одного предмета. Напротив, он деятельно начал приобретать. Сперва приобрел гончарный круг. Кругом заговорили о том, что новый хозяин дома, вероятно, будет изготавливать кувшины. Но следующей покупкой стало оборудование для кузницы, а затем Минта пригласил в гости живописца и заказал у него вывеску.

Вывеска, как нетрудно догадаться, ничего не прояснила, напротив, вызвала лавину новых крикотолков.

И постепенно дом начал «подчиняться» новому хозяину. Первыми не выдержали, как это обычно случается, люди: слуги начали увольняться сами, один за другим. Минта охотно отпускал их и даже давал им немного денег (которых те совершенно не заслужили) — «на обустройство в другом месте».

Некоторое время хозяйство Минты висело на волоске — он остался один в большом, наполовину разоренном доме. Затем в хозяйстве мастера появились совершенно иные люди, абсолютно не похожие на прежних обитателей большого дома.

Это были бродячие подмастерья, отчасти бездельники, отчасти же — весьма одаренные молодые люди. Они охотно помогали мастеру и перенимали у него секреты мастерства. Минта, в

отличие от своих прежних хозяев, не скучился на уроки. И когда какой-нибудь юноша, набравшись премудростей в избранном для себя деле, оставлял мастера и шел дальше, с намерением основать собственное дело, Минта всегда радовался и давал ему добрые напутствия.

Щедрость была одной из лучших черт его характера.

* * *

Частыми посетителями Минты стали дети. Эрингил был одним из первых мальчиков, постучавшихся в его дверь.

Он был сыном аристократа^и и очень рано начал осознавать свою принадлежность к знатному роду.

Это был высокий не по годам мальчик с копной пшеничных волос и ясными голубыми глазами, немного надменный в общении со сверстниками, но вместе с тем вежливый и добрый: Эрингил считал, что злые проделки, свойственные подростковому возрасту, принижают его аристократическое достоинство.

В возрасте десяти лет он уже неплохо владел мечом, и это также наполняло его гордостью.

Друзья, ровесники, дети вольфгардских воинов, были заинтригованы появлением мастера Минты не меньше, чем их родители, и после нескольких часов, посвященных воинским упражнениям, когда мальчики отдыхали, между ними состоялся разговор.

Начал один, который был постарше других. Он был сыном простого воина и стыдился своего отца. В глубине души он благоговел перед знатностью и богатством и трясясь от ужаса при одной только мысли, что ему запретят посещать занятия вместе с маленькими аристократами. Однако еще больше он боялся, что об этом его страхе признают, и потому скрывал свои чувства под маской грубости. Никто столько не задирал приятелей, сколько этот парень. Он умел быть по-настоящему дерзким и иногда нешуточно обижал других.

— Говорят, будто в Вольфгарде появился демон, — небрежно обронил он, вытирая с лица пот полотенцем.

Ребята обступили его, любопытствуя.

— Расскажи подробней, Тол! — просили они. — Откуда ты знаешь? Какой он из себя, демон?

Тол снисходительно улыбался.

Он нашел взглядом Эрингила — вот чьей дружбы он желал бы добиться! — и мальчик улыбнулся ему:

— В самом деле, Тол! Что тебе об этом известно? Тол пожал плечами.

— Что ж, раз никто из вас ничего не знает...

По словам Тола выходило, что демон возник ниоткуда, «свалился из пустоты», принял облик человека лет тридцати-сорока. Он сделал так, чтобы умерли двое бездетных супругов, завладел их жилищем, выгнал оттуда всех слуг и теперь занимается неизвестно чем, один в громадном доме с закрытыми ставнями.

— Оттуда лишь доносятся иногда стук, скрежет или странный визг, когда нельзя с точностью определить, кто издает столь странные и неприятные звуки: не то водят металлом по стеклу, не то издеваются над живым существом... а то и вызывают некое создание из преисподней. Никто ведь не бывал внутри его дома!

— Кто рассказал тебе все это? — настойчиво спросил Эрингил.

Тол вынужден был признать:

— Молочница...

— Ты разговариваешь с молочницей? — изумились другие ребята.

Тол понял, что выдал себя: как ни старался он имитировать поведение истинного аристократа, все же низкое происхождение дало себя знать. Ни один маленький аристократик, даже сгорающий от любопытства, не стал бы сплетничать со всезнающей молочницей. Подслушать разговор — еще куда ни шло, но беседовать с нею самому...

— Я поймал ее на... одном деле, — соврал Тол. — И она, чтобы откупиться, выболтала мне все, что было у нее на уме. В том числе обмолвила она и про демона. Что тут такого?

— Да ничего, — пожал плечами Эрингил. — Зачем ты оправдываешься? Ты не совершил ничего постыдного.

Тол глянул на него с ненавистью. Просто нечестно, что этому парню даром дается то, над чем Тол работает не покладая рук. Откуда у Эрингила эта осанка, этот разворот плеч, эта

спокойная манера разговаривать с низшими по происхождению — не обижая, но и не нарушая дистанции, которую установила между ними сама судьба?

«Он никогда не забывает о том, кто мой отец, — думал Тол. — Эрингил всегда наполнен сознанием своей аристократичности. Все его предки были воинами, в то время как мой дед еще был крестьянином... Чтобы он провалился, старый хрыч!»

Вслух же Тол произнес:

— На самом деле неплохо было бы произвести разведку. Если в городе действительно есть теперь собственный демон, хорошо бы решить, как поступать с ним дальше: уничтожить или подчинить. В конце концов, ручной демон может сослужить Вольфгарду хорошую службу.

Последняя фраза особенно понравилась Толу. Вот так-то! Умение думать о пользе для всего города — признак истинной аристократичности и высоты духа. Ну, что теперь запоет гордец Эрингил?

А Эрингил, ничего не подозревающий об истинных мыслях и мотивах Тола, подхватил:

— Отличная идея! Думаю, кому-нибудь из нас стоит попросту зайти туда в гости, сделать вид, что обознались, — или еще как-нибудь...

— Вот ты и зайди к нему, — послышались голоса со всех сторон.

Эрингил огляделся по сторонам. Мальчики шумели, возбужденные новой затеей. Никому из них, понятное дело, не хотелось соваться в лого-

во к демону, но выяснить, что же у него там творится, стало вдруг пределом мечтаний. И «доброволец» уже имелся.

Эрингил понял, что отступать нельзя.

— Хорошо, — согласился он. — Я пойду. Можете меня не сопровождать.

— А кто нам поручится, что ты расскажешь всю правду об увиденном? — спросил один из младших мальчиков.

Эрингил насмешливо улыбнулся.

— Никто. Если бы ты пошел вместо меня, то всей правдой об увиденном владел бы ты; но, поскольку эта честь выпала мне, я и сообщу вам все, что сочту нужным. А что не сочту нужным пересказывать — уж не обессудьте, оставлю при себе.

И он гордо удалился.

Некоторое время Эрингил стоял перед вывеской, изображающей «пьяного орла», и раздумывал над ее смыслом. Почему-то ему казалось при этом, что злой демон не смог бы заказать художнику подобную картинку. Демоническая ирония имеет несколько иной оттенок, насколько мог судить Эрингил, всегда внимательно слушавший разные рассказы на эту тему.

Перед друзьями мальчик сохранял полное спокойствие и демонстрировал свою решимость встретиться с жутким существом лицом к лицу, но очутившись перед домом, Эрингил струхнул.

Неожиданно ставни распахнулись, и наружу высыпался человек лет сорока (как и говорили), лысеющий, с обгоревшими белесыми ресницами.

Он поморгал красноватыми веками, подвигал лицом, скрочив последовательно несколько грибов, и спросил паренька:

— Ты кто, а?

— Я Эрингил, — сказал мальчик.

— А я Минта, — заявил человек. — Можешь называть меня «дядя Минта». Полагаю, я достаточно взрослый для подобного обращения.

И мальчик неожиданно выпалил:

— Дядя Минта! А что это у тебя нарисовано на вывеске такое странное?

После этого они провели вместе почти целый день. Минта обрадовался собеседнику — с ним в Вольфгарде почти никто не общался: нельзя же считать общением краткие разговоры о покупках с продавцами из соседних лавок!

Эрингила интересовало все, что он видел, и Минта подробно рассказывал об инструментах, о ремеслах, о местах, где он побывал, путешествуя по свету, и о своем желании открыть «всеобщую мастерскую».

— Ты ведь понимаешь, что я не стану отбивать хлеб у других мастеров, — увлеченно говорил Минта, — потому что не намерен заниматься изготовлением предметов, сделать которые под силу любому. Нет, ко мне пойдут именно ради необычных вещей! Ради того, что нельзя получить ни в каком другом месте. Вот о чем я думаю...

— Они считают тебя демоном, — сказал мальчик.

Минта поперхнулся.

— Много глупостей я слыхал, но такую — впервые! С чего они это взяли?

— Ты не похож на прочих людей, — пояснил Эрингил.

Минта покачал головой.

— Люди изумительно глупы: любой человек, который хотя бы чуть-чуть от них отличается, для них уже сразу и демон, и оживший мертвец, и выходец из преисподней...

Эрингил усмехнулся. Неожиданно Минта посмотрел на него испытующе:

— Скажи-ка, парень, ты ведь тоже так считал?

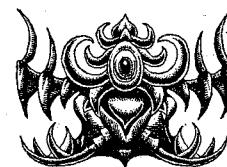
— Может быть, — уклончиво ответил Эрингил.

Минта засмеялся:

— А ты храбрец! Явился ко мне, твердо убежденный в том, что увидишь демона... Такое не всякому под силу.

— Ничего особенного, — сказал Эрингил. — Я спорил с другими мальчиками, что сделаю это. Так что подскажи: каких небылиц им наплести на твой счет.

И остаток вечера они придумывали вдвоем жуткие истории...

Глава вторая

Девушка из замка на скале

С тех пор прошло около десяти лет. Дружба, завязавшаяся между Минтой и Эрингилом, со временем только окрепла. От Минты подросток узнавал самые разнообразные вещи. Мастер горазд был рассказывать обо всем, что повидал на своем веку. Его взгляд на людей и события сильно отличался от общепринятого — и, как считал Эрингил, чаще всего оказывался более точным и верным, нежели у всех остальных людей. У Эрингила очень рано выработалось обыкновение проверять любое суждение, любое поучение или впечатление у мастера Минты.

Родному отцу мальчик доверял не так, как верил мастеру. И Минта никогда не обманывал ожиданий.

Именно Минта стал поверенным первой любви Эрингила.

Юноше исполнилось тогда восемнадцать. Он был высоким и крепким, полным сил и уверенности в себе. «Львенок-двуухлетка» — называл его Минта, и нельзя было подобрать более точного

определения. Скуластое лицо Эрингила обветрилось, светлые глаза луцились, густые пшеничные волосы падали на плечи, и Эрингил имел обыкновение стягивать их узким ремешком.

Девушку звали Ульбана, и больше всего на свете она любила лошадей...

Эрингил встретил ее случайно на равнине, за Вольфгардом. Молодой человек охотился с соколом. Это занятие позволяло ему оставаться один на один с лошадью и птицей, вдали от людей. Он не брал с собой слуг, объясняя свое намерение тем, что «люди низшего происхождения мешают аристократическим забавам» — его отца вполне устраивали подобные выскакивания.

Так что никто не нарушал желанной тишины глупыми разговорами и попытками услужить «его милости». И «его милость» мечтал невозбранно...

Мечты Эрингила в ту пору не имели в себе ничего героического. Юноша прекрасно отдавал себе отчет в том, что он — неплохой воин и при случае сумеет постоять за себя и за своих товарищей. Это не увлекало его и не становилось предметом его грез; он относился к воинскому искусству именно как к ремеслу, которым он овладел (нетрудно догадаться, что такой подход к делу привил ему мастер Минта).

Если о чем-то Эрингил и мечтал, так это о любви. Минта ничего не знал об этом. Вероятно, любовь и отношения с женщинами оставались единственной областью, где у Минты не имелось никакого опыта. У него даже мнения своего на

сей счет не было. «Просто я как-то не успел, — оправдываясь, говорил мастер, — всегда находились какие-то другие занятия...»

«По всей видимости, — думал Эрингил, — боги решили обделить Минту этим свойством — умением любить. Ничего странного! Человек не может владеть всеми дарами сразу. Боги понимают это, возможно, даже лучше, чем сами люди. Минта может изготовить абсолютно любой предмет, более того — он изобретатель: он придумывает и делает вещи, которых никто никогда до него не делал. Никому и в голову не приходило создавать нечто подобное!

И хотя почти все его механизмы не работают, а странные сосуды ломаются... это неважно. Мысль Минты работает, не зная отдыха. Он не в состоянии одновременно с тем что-то чувствовать, тем более — к женщине. Любовь, насколько мне известно, отнимает очень много жизненных сил».

Эрингил мог сколько угодно развивать теории по этому поводу, но когда любовь настигла его, юноша поначалу даже не узнал ее.

Случилось все очень быстро. Всадник показался на равнине, и Эрингил насторожился: обычно он охотился в полном одиночестве, которое никто не нарушал. Но всадник — имелся, он приближался стремительно и неотвратимо. Эрингил напрягся, коснулся рукой меча. Хотя войны сейчас, вроде бы, не велось, всегда следовало оставаться начеку — мало ли какой негодяй встанет на пути.

Всадник приблизился и осадил коня. Эрингил увидел невысокого хрупкого юношу примерно своих лет, в плотно надвинутой на брови шапочке, с разевающимся за плечами коротким плащом и стройными ногами в обтягивающих лосинах и мягких сапожках.

Почему-то вид этих обтянутых ног вызвал у Эрингила особенное раздражение: слишком уж юнец выставлял их напоказ, как будто гордился ими! Мужчине не следует гордиться своей внешностью, во всяком случае, не так откровенно.

Эрингил нахмурился.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил он.

Незнакомый юнец поднял брови и насмешливо покачал головой.

— А ты что здесь делаешь?

— Я охочусь.

— А я катаюсь.

— Убирайся подальше от меня! — сказал Эрингил. — Как бы я не проучил тебя!

— Ну, ты и нахал! — заявил юнец. — Эта долина тебе еще не принадлежит.

— Насколько я знаю, она никому не принадлежит — это дикие земли, — возразил Эрингил.

Юнец захохотал.

— Нет, дружок, здесь ты ошибаешься! Вон до того дерева — видишь? вон там растет одинокий дуб, — до того дерева действительно дикие земли, но от дуба и до скалы земля принадлежит одному человеку. Очень богатому человеку. Человеку с дурным характером, вспыльчивому, жадному... и ненавидящему чужаков, которые

охотятся с соколами там, где не имеют права находиться.

— Ну так познакомь меня с этим вспыльчивым и жадным негодяем, чтобы я мог переломать ему кости! — резко сказал Эрингил. — Должно быть, он твой хозяин, если ты так рьяно за него вступаешься, да еще расписываешь столь живописно!

Юнец подбоченился.

— Тебе повезло — ты можешь осуществить свое намерение прямо сейчас!

— Не хочешь же ты сказать, что ты и есть тот самый человек? — удивился Эрингил.

— Что тебя удивляет? Знатность и богатство не зависят от возраста. А я унаследовала все это, едва родилась.

С этими словами юнец сдернул с головы шапочку, и длинные шелковистые черные волосы упали ему на плечи. Мгновенно лицо юнца преобразилось: то, что раздражало в юноше, восхищало в девушке. Капризно изогнутые брови, темные миндалевидные глаза, пухловатые губы без малейших признаков пробивающихся усов (еще бы!)...

И ноги, вызывающие выставленные напоказ, сразу же сделались предметом самого искреннего восторга Эрингила. Теперь он испытывал к девушке благодарность за то, что она выставила напоказ свои изумительные бедра и коленки.

Она улыбалась.

— Как твое имя? — спросила она. — Должна ведь я знать, кто переломает мне кости.

— Меня зовут Эрингил из Вольфгарда, — представился юноша, — и я охотно переломал бы тебе кости в объятиях...

— О, так ты умеешь быть любезным!

— Скорее, искренним. Ты очень привлекательна.

— Мое имя — Ульбана.

— Очень тебе подходит.

Не сговариваясь, они поехали бок о бок. Ульбана рассказывала:

— Поначалу я просто взбесилась, когда увидала на моих землях всадника. Я давно уже тебя замечала, но прежде не успевала догнать и запугать как следует. У меня была даже мысль накопать здесь ям-ловушек, но в таком случае могла пострадать лошадь, а допустить этого я не могу... Ты веришь в переселение душ?

— Никогда об этом не задумывался, — признался Эрингил. — Мне довольно моей теперешней жизни, а то будущей я как-то не заботился.

— Я верю, — проговорила девушка задумчиво. — Я просто убеждена в том, что когда-то была лошадью. Я люблю этих животных гораздо больше, чем когда-либо смогу полюбить человека. Во всяком случае, так мне кажется... Казалось, — поправилась она, искоса глянув на Эрингила. — Ты ведь тоже любишь?

— Лошадей? — рассеянно переспросил он, поскольку в этот самый момент думал о ее груди, пытаясь представить себе ее форму.

При дворе короля Бритунии существовала такая игра: какая-нибудь дама (полностью одетая)

садилась на трон, и десяток кавалеров, претендующих на ее благосклонность, рисовали ее обнаженной. Тот, кто угадал, как на самом деле выглядят ее груди, получал право провести с данной ночью.

Пару раз Минта участвовал в подобном развлечении, но, естественно, никогда не имел даже малейшего шанса на выигрыш, — дамы в его изображении выглядели жуткими монстрами, а их грудь неизменно напоминала соски кормящей суки. Одна дама даже подослала несколько слуг с дубинками, чтобы они тайно побили Минту, подкараулив его в темном переулке.

Эрингил так глубоко задумалася обо всем этом, что не сразу понял суть вопроса Ульбаны. «Любишь?» — проговорила девушка, и внезапно молодой человек понял: да, он влюбился в нее, влюбился с первого взгляда. Влюбился еще до того, как понял, что перед ним — не взбалмошный юнец, а весьма эксцентричная, но невероятно притягательная девушка.

— Да, я люблю, — проговорил Эрингил.

Она продолжала как ни в чем не бывало:

— Я так и поняла! Мы — родственные души. Вероятно, ты тоже когда-то был лошадью.

«О чём она говорит? — удивлялся Эрингил, слушая звучание ее голоса. — Какие лошади? Надо поддержать беседу, не то она сочтет меня дураком».

И произнес с очень важным видом:

— Вообще сходство между людьми и животными бывает весьма забавно. Вероятно, по этому

сходству можно определять, каковы были предыдущие жизни. Например, у нас есть один сержант, поразительно похожий на хомяка...

Девушка уставилась на Эрингила с удивлением:

— Ты хочешь сказать, что внешне я похожа на кобылу?

Эрингил в свою очередь удивился:

— Разве я это имел в виду?

— Но ведь ты говорил о сходстве между телами, в которые последовательно воплощается душа!

— Я? — Эрингил покачнулся в седле. У него кружилась голова. — Боги, какой я осёл!

— Конь или осел? — уточнила девушка. — Есть еще лошаки и мулы...

Впереди, по счастью, уже выросла скала, и можно было различить на ее вершине замок. Эрингил никогда прежде не подъезжал сюда достаточно близко, чтобы видеть этот замок. Древнее строение казалось частью скалы, поэтому оно оставалось почти неразличимым на фоне камней.

Ульбана придержала коня и улыбнулась.

— Нравится? — с гордостью она тряхнула волосами и указала на замок. — Здесь жили мои предки. Здесь наша семейная усыпальница, здесь хранится наш родовой меч...

— Очень красиво, — искренне признал Эрингил. — Неужели ты живешь здесь совсем одна?

— Разумеется, нет! — девушка засмеялась. — У меня есть слуги и стража. Правда, большого отряда и не требуется: замок стоит так, что ник-

то за несколько столетий даже не пытался взять его штурмом.

— Кем были твои родители? — спросил Эрингил. И смущился: — Прости, я задаю слишком много вопросов!

— О, нет! — Ульбана с улыбкой покачала головой. — Правда, я почти не знала отца с матерью, но говорить о них мне приятно. Они были достойными людьми. Мать умерла при родах, а отец погиб спустя год в стычке с какими-то врагами нашей семьи. Меня вырастили преданные слуги. Я не лгала, когда говорила, что с рождения являюсь владелицей замка и имени предков. Правда, наше имя угаснет вместе со мной — если даже я и выйду замуж, то буду вынуждена уйти в чужую семью...

Неожиданно Эрингил принял решение.

— Если ты окажешь мне честь и согласишься стать моей, я приму твое имя, отказавшись от своего.

Она, казалось, онемела. Некоторое время Ульбана смотрела на юношу, словно испытывая его, затем спросила:

— Неужели ты говоришь искренне?

— Разумеется! Как же иначе разговаривать с тобой, да еще о таких серьезных предметах?

— Но тем самым ты оборвешь свой род!

— У меня есть братья... Я не так много значу для нашего имени, — солгал Эрингил.

Братья у него действительно имелись, однако Эрингил был старшим, и отец возлагал на первенца очень большие надежды, так что безрас-

судное решение жениться на почти незнакомой девушке и взять себе имя ее рода станет для родителей Эрингила настоящим ударом.

Тем не менее молодой человек в глубине души был убежден в том, что он прав: его судьба решилась в одночасье.

— У тебя есть семь дней на раздумья, — сказала Ульбана, коснувшись его руки. — Если ты не изменишь свое решение, приезжай сюда и протруби в этот рог. — Она сняла с пояса и подала ему большой костяной рог. — Я услышу. На замке появятся флаги, они будут означать мое согласие, и тогда ты поднимешься ко мне наверх, и мы заключим брак. Если же ты, после здравого размышления, придешь к выводу, что твоя мысль жениться на мне была безрассудной, — я все пойму и не буду держать на тебя зла. В этом случае просто не приходи.

— А рог? — Эрингил указал на дар девушки. — Что мне делать с твоим рогом?

— Оставь себе на память. Повесь в пиршественной зале. Он будет напоминать тебе о твоем благородстве.

Она засмеялась и поскакала прочь от Эрингила, в сторону замка.

* * *

Минта, узнав о случившемся, вполне одобрил выбор своего друга.

— Нет ничего лучше такой вот взбалмошной девицы, — заявил мастер. — Из них получаются

прекрасные жены. И матери, особенно для мальчиков. Хотя и девочки у таких вырастают очень хорошие. Добротные девочки.

— Откуда тебе знать? — удивился Эрингил. — Ты ведь не разбираешься в женщинах, Минта!

— Возможно, я слушал разговоры других мужчин, — отмахнулся Минта. — Или мне подсказывает сердце... Как ты сам считаешь?

— Я не знаю, потому и поделился с тобой.

— Ты поделился со мной потому, что привык делиться со мной всем происходящим... Посмотрись-ка в зеркало.

Эрингил подошел к необыкновенно ясному серебряному зеркалу и глянул. На него смотрел из витой рамы молодой человек с немножко встревоженным лицом. На его скулах горел румянец, глаза лихорадочно блестели.

— У меня на удивление дурацкий вид, — сказал Эрингил, отворачиваясь от зеркала.

— Именно! — радостно подхватил Минта. — А глупое выражение лица означает лишь одно: мужчина влюблен и счастлив. Поэтому скажу тебе вот что, дружок: женись на этой девочонке — и да помогут тебе боги!

* * *

Совсем иначе воспринял сообщение старшего сына о намерении жениться отец Эрингила.

— Я не ослышался? — медленно проговорил грузный человек с обильной проседью в черной

бороде. — Ты действительно намерен отказаться от нашего имени ради своей прихоти?

— Это не прихоть, отец, — попытался объяснить Эрингил. — Я полюбил ее в первое же мгновение, как увидел... поверь мне, моя любовь — истинна, как истинны звезды на небе, как истинна вода в ревущем водопаде...

— Довольно! — поморщившись, оборвал отец. — Я не желаю ничего слушать. Я запрещаю тебе даже думать о подобной женитьбе. Ты должен продолжать наш род.

— У тебя есть и другие сыновья, — напомнил Эрингил.

Отец безнадежно махнул рукой.

— Двое младших — еще неразумные младенцы, и одним только богам ведомо, что из них вырастет. Твой средний брат — ничтожество, у него только тряпки на уме да богатство — этот возьмет себе в жены безродную богачку. Не знаю уж, какие дети будут от подобного брака. Но ты, Эрингил! Ты истинный аристократ. Ты — настоящий носитель нашей крови, наших традиций. При одном только взгляде на тебя я радовался тому, что не угаснет все то, чем так гордились наши предки — и чем гордился я.

— Пойми, отец, моя судьба связана отныне с этой девушкой, — еще раз попытался объясниться Эрингил. — Я никогда не смогу забыть ее. Даже если я откажусь от счастья и возьму себе в жены какое-нибудь родовитое ничтожество, которое ты мне, несомненно, уже приглядел, — даже

тогда я буду постоянно помнить о ее глазах, о ее бедрах, о том, как она говорила со мной...

— Я запрещаю тебе думать о ней! — Отец поднялся с кресла и решительно стукнул кулаком по стене. — Выбрось ее из своих мыслей! Она тебя погубит!

— В ней мое спасение и мое счастье, — упрямко повторил Эрингил. — Не заставляй меня становиться непочтительным сыном, отец, вспомни: ведь я всегда старался доставлять тебе радость.

— Велика ли радость от того, что твой первенец оставил все, к чему был предназначен? Нет, Эрингил, отныне ты будешь сидеть дома взаперти до тех пор, пока не поклянешься, что забудешь ту девчонку.

— Подобной клятвы, отец, я дать не могу. Ты можешь даже пытать меня — сердце мое знает, к чему оно стремится.

— Разговор окончен. Тебе запрещается выходить из дома, — сказал отец и оставил сына в одиночестве.

* * *

Эрингил, впрочем, не слишком стремился вырваться на волю: у него имелось в запасе целых семь дней, а отец даже не подозревал об этом! Поэтому юноша спокойно сидел под замком и не заговаривал больше о своем желании жениться на Ульбане.

Если бы он лучше знал своего отца, то не был бы так беспечен!

Первое, что предпринял тот, — навел справки касательно таинственной девушки, владелицы замка на скале. Действительно, донесли ему, есть такой замок — почти двадцать лет никто не слыхал о том, чтобы там жили какие-то люди. Впрочем, замок действительно находился в таком месте, что нужно было, во-первых, знать о его существовании, а во-вторых, очень хотеть туда забраться, чтобы действительно выяснить что-либо о его обитателях.

Какие-то люди там жили. Когда-то. Если верить легендам, они принадлежали к древнему и знатному роду, но то было ужасно давно — род их почти совершенно вымер. Осталась ли последняя в роду — дочь? Возможно. Такая вероятность не исключается. Впрочем, никто о ней никогда не слыхал...

Наконец вернулся один из наиболее ретивых сыщиков и доложил, что замок на самом деле стоит до сих пор, что взять его штурмом невозможно и что хозяйкой этой скальной крепости считается совсем юная девушка, которой слуги преданы до крови и даже до смерти.

— Неужели она так красива? — не выдержал отец Эрингила.

— Не могу судить, — честно признался сын. — В женской красоте я не разбираюсь. Моя работа — факты и обстоятельства, а не оценки. Тем более такая неуловимая штука, как красота. Впрочем, — он задумался, — вряд ли ее можно счесть именно красивой. Притягательной? Вероятно. Для определенного сорта

людей. Я имею в виду, готовность полюбить. Ну, приблизительно то же самое, что у животных, когда они начинают испускать разные запахи и метить территорию...

— Довольно! — поморщившись, оборвал его старый аристократ. — Ты прав, твое дело — обстоятельства, а не их оценка. И да спасут меня боги от шпионов, рассуждающих о природе женской красоты и плотского влечения!

Он заплатил сыщику, и тот удалился, недоверяя.

Заканчивался шестой день заключения Эрингила. Юноша уже изыскивал способы освобождения, причем такие, чтобы отец не догадался и не наказал слуг, которые помогли молодому господину выбраться на волю. Он перебрал десяток вариантов и ни на одном пока что не остановился.

Тем временем в дом явился очень необычный человек. Он был высоким, худым, со странно вздернутыми плечами. С головы до ног его окутывал плотный черный бархатный плащ. И сколько бы отец Эрингила ни говорил о своем презрении к неродовитым богатеям, сколько ни демонстрировал отвращения к торгашескому духу, тем не менее он сразу же определил по одному только виду этого плаща: незнакомец исключительно богат, коль скоро мог позволить себе такую дорогую вещь. Бархат был высочайшего качества: не только очень красивый и плотный, но и практически водонепроницаемый: подобный плащ остается сухим и очень красивым даже во время дождя.

— Прошу тебя — чувствуй себя гостем в моем доме, — пригласил странного посетителя старый аристократ.

Тот молча снял плащ, отдал его слуге и прошел в комнаты. От предложенного вина отказался.

Незнакомец был очень смуглым, с крупным ястребиным носом и пронзительными желтыми глазами, особенно заметными на фоне темной кожи. Абсолютно черные волосы обрамляли узкое лицо с глубокими продольными морщинами.

— Мое имя Велорнис, — представился он, — и, полагаю, я — именно тот человек, который исправит для вас неприятную ситуацию...

* * *

Эрингил исчез из дома под утро заветного седьмого дня. Войдя в комнату, где был заперт юноша, слуга обнаружил выломанную оконную раму и веревку, связанную из поясов и порванной одежды. Наследник исчез. Впрочем, после встречи с Велорнисом отец Эрингила не впал в ярость и отчаяние, как ожидалось: он лишь потер руки и объявил всем, что скоро «блудный сын» явится домой с видом исключительно печальным, но покорным.

— Он подчинится, — уверенно говорил отец, — ему попросту придется принять свершившееся. Увы! Может быть, сейчас мне и жаль мальчика, потому что он все-таки мой сын, но необходима твердость. Впоследствии Эрингил и

сам признает мою правоту и будет мне благодарен.

Никто ничего не понимал. Впрочем, требовать объяснений от господина никто и не подумал.

* * *

Эрингил бежал по улицам Вольфгарда, торопясь поскорее выбраться из города. Времени оставалось у него немного, а между тем проделать весь путь предстояло пешком. Чтобы не разбудить слуг, он отказался от идеи взять в конюшне лошадь, поскольку несколько человек ночевали именно возле конюшни и могли услышать, как юноша прокрадывается в стойла.

Эрингил даже не заглянул к Минте — некогда. Ему просто повезло, что отец велел запереть его, не позволив даже переменить одежду. Таким образом, рог, врученный Эрингилу Ульбаной, оставался при молодом человеке.

Бот он миновал городские ворота — стражники только-только отворяли их. Равнина простиралась перед ним, такая огромная, такая необъятная! Когда Эрингил был верхом, она казалась ему тесной, потому что он несся, как ветер, и конь охотно переходил в галоп, радуясь, как и его хозяин, встречному ветру. Но сейчас Эрингилу пришлось бежать самому...

Тем не менее замок на вершине скалы медленно приближался. Вот уже стала различима сама скала, вот Эрингилу почудилось, будто он видит на ее вершине древнее строение. Он при-

бавил шагу, воодушевленный мечтами. Скоро, совсем скоро он поднесет рог к губам и прогрубит, призывая свою возлюбленную спуститься к нему в долину и взять его к себе в замок... Сейчас его мечта осуществится!

Неожиданно Эрингил споткнулся. Слишком уж он счастлив. Стоит ли доверять этому чувству? Обычно прежде всегда так случалось: стоило какому-то делу сложиться наилучшим образом, и какая-нибудь мелочь вмешивалась в самый неожиданный момент и все портила. Не вышло бы так и сейчас!

Он тряхнул головой, отгоняя неуместные сомнения. Что за глупости! О чём он только думает? Кто или что помешает ему проделать последние шаги? От счастья его отделяют лишь несколько полетов стрелы. Нужно бежать дальше.

И тут произошло невероятное. Эрингил замер, запрокинув голову наверх.

Замок, венчавший скалу, медленно отделился от своего насеста и поднялся в воздух. Это выглядело так же неестественно, как если бы орлиное гнездо возомнило себя орлом и вздумало взлететь вслед за птицей.

— Не может быть! — прошептал Эрингил.

Но нет, зрение не обманывало его. Замок действительно взмыл над скалой и постепенно набирал высоту.

Эрингил видел, как ветер треплет цветные флаги, — знаки, вывешенные Ульбаной в знак того, что она ожидает возлюбленного к себе и готова принять его.

Может быть, она — волшебница и может летать вместе со своим жилищем? Может быть, она направляется ему навстречу?

Но какое-то потаенное чувство подсказывало Эрингилу, что первое впечатление было правильным. Замок взлетел не по собственному желанию. Чья-то рука управляет им. И Ульбане известно об этом не больше, чем самому Эрингилу.

Внезапно он подумал о девушке. Что она испытывает сейчас, находясь там, наверху, беспомощная, захваченная в плен чьей-то злой волей? Плачет ли она, пытается ли спастись? Только бы она не вздумала прыгнуть вниз, желая избежать печальной участи пленицы!

Эрингил вдруг понял, что он должен сделать. Он должен дать ей понять, что пришел, что любит ее по-прежнему и что его желание взять ее в жены неизменно. Она будет надеяться. Она будет жить ради их будущего — что бы ни случилось сейчас, Эрингил придет к ней на помощь.

Он поднес рог к губам и громко затрубил, раз, другой и третий. Сильный звук разнесся над равниной. На мгновение Эрингилу показалось, что между зубцами стены летящего замка мелькнула тонкая девичья фигурка в развевающихся светлых одеждах... Но затем все скрылось среди облаков.

Эрингил остался стоять один посреди пустой долины. Только теперь молодой человек понял, что всегда ощущал присутствие на скале замка. Строение, где обитали люди, пусть даже и остававшееся невидимым, все-таки одушевляло до-

лину. Теперь долина была поистине пуста — и мертвa.

— Я потерял ее! — прошептал Эрингил, не чувствуя, как слезы текут из его глаз. — Да помогут мне боги, я ее потерял!

Он повернулся и, скимая в кулаке рог, побрал назад, в сторону Вольфгарда.

* * *

— Твой проект невозможен! — объявил мастер Минта, когда Эрингил явился к нему с рисунком, изображающим корзину, подвешенную к шару.

— Почему? Если человек может опуститься на морское дно, находясь внутри подобного шара, наполненного воздухом, то почему бы ему не покорить и вторую стихию, не менее капризную, нежели водная? — возразил Эрингил. — Не ты ли учили меня изобретать вещи, которых никто прежде никогда не делал?

— Не воображай себя моим подмастерьем, — огрызнулся Минта. — Ты все-таки аристократ. Рано или поздно ты возьмешь в руки меч, усядешься на неудобный жесткий стул и начнешь распоряжаться судьбами других людей.

— Пока что я не в состоянии распорядиться даже собственной судьбой, — возразил Эрингил. — И ты, который называл себя моим другом, отказываешься мнé помочь!

— Пока ты предавался отчаянию, я наводил справки насчет этого Велорниса, — сказал Минта. — Ничего утешительного. Это колдун.

— Какая новость! — язвительно промолвил Эрингил. — По-моему, насчет колдуна можно было догадаться сразу, не наводя никаких спровоек.

— Да, колдун, — невозмутимым тоном продолжал Минта, — родом из Иранистана. Он учился у самых страшных магов Стигии, если хочешь знать.

— А если не хочу? — прошептал юноша.

Не обращая внимания на последнее замечание своего молодого собеседника, Минта вел рассказ дальше:

— Никто не знает, когда и почему он пришел в Вольфгард. Во всяком случае, прежде его здесь не видели. Не исключено, что он узнал о трудностях, которые возникли у твоего отца...

— Остановись! — попросил Эрингил. — Я не хочу услышать о том, что это мой отец его вызвал. Боги мне свидетели, я никогда не желал огорчать моего отца и если уж сделал это, то лишь потому, что обстоятельства оказались сильнее моего намерения...

— Оставим сейчас твои намерения, — оборвал Минта. — Будем рассматривать только факты, в полном отрыве от наших побуждений. Велорнис появился чрезвычайно вовремя — с точки зрения твоего отца. Я, кстати, не думаю, что твой родитель его вызвал: вряд ли он вообще прежде подозревал о существовании этого мага. Нет, Велорнис сам проznал обо всем. За свои услуги он запросил, говорят, немалые деньги — и получил их.

— Странно, что отец согласился принять услуги от колдуна, — задумчиво проговорил Эрингил. — Насколько я его знал, он не слишком-то доверяет магии. Никогда к ней не обращался. Даже целителей не призывает, если в доме кто-нибудь болеет. Предпочитает обходиться домашними средствами. Неужели моя предполагаемая женитьба заставила его пренебречь собственными принципами?

Минта покачал головой.

— О нет, разумеется, нет. Велорнис убедил его прибегнуть к магии, приведя совершенно неотразимый довод. По словам мага, он сам влюблен в эту девушку, в Ульбану. Дескать, он знал ее с самого ее появления на свет, и с той самой минуты, как она открыла глаза и узрела солнце, он уже не сомневался в том, что она предназначена ему в подруги и спутницы. Велорнис изобразил перед твоим отцом муки безнадежно влюбленного, у которого, дескать, собираются отнять невесту.

Вот тогда-то твой отец и дал согласие. А деньги — что ж, просто небольшая сумма на расходы. Всего-навсего пятьсот золотых. Нечто вроде свадебного подарка...

Эрингил с мукой во взгляде уставился на своего собеседника.

— Итак, я узнаю худшее: на Ульбану претендует колдун, обучавшийся в Стигии! Он похитил ее, перенес вместе с замком неведомо куда, — а я остаюсь здесь, и даже ты отказываешься помочь мне!

— Ну, я не говорил, что совершенно не согласен тебе помогать, — промямлил Минта. — Не напирай на меня! Больно уж ты торопишь события.

— Если я не потороплюсь, Ульбана окажется в полной власти колдуна, и тогда я потеряю ее навсегда.

— Давай еще раз рассмотрим твои чертежи, — предложил мастер. — Пока я тут тебе рассказывал, кое-какие мыслишки закрались в мою голову...

Проект Эрингила представлял собой летучий шар. Шар, пустой внутри, предполагалось сшить из козьих шкур, наполнить его теплым воздухом, так, чтобы он мог поднять корзину с сидящим в ней человеком.

— Я видел, как взлетает платок, если в комнате топится печь, — говорил Минта. — Здесь ты прав: теплая струя поднимает предметы, в то время как холодный воздух напротив опускает их вниз. Но каких размеров должен быть шар, чтобы поднять твою корзину в воздух?

Эрингил покачал головой.

— Помоги мне разобраться. Я и сам не знаю, как рассчитать все точно, а времени нет — нужно спешить.

Минта вздохнул:

— Мне всегда было трудно возражать людям, наделенным хорошим воображением.

Они провели остаток дня в расчетах, а затем Эрингил истратил все имевшиеся у него деньги на покупку выделанных козьих шкур, и Минта принялся за дело...

Глава третья Землетрясение в Хезере

Воздушный шар не спеша летел над землей, подгоняемый ветром. Зрелище открывавшееся Эрингилу из корзины, подвешенной к летучему шару, захватывало, и юноша не мог оторвать взора от проплывающих внизу рек и маленьких селений. Люди выглядели отсюда совсём крошечными, домики казались игрушечными, но самыми симпатичными представлялись домашние животные, коровы и лошади: в детстве у Эрингила было много подобных игрушек из дерева: их вырезал и делал из глины все тот же Минта.

«Удивительно, — думал Эрингил, — какую большую роль мастер Минта играет в моей жизни! Когда я был мальчишкой, он делал мне игрушки, а теперь сшил для меня настоящий летучий шар, чтобы я мог спасти мою возлюбленную от колдуна...»

Молодой человек старался не думать о том, что покинул отцовский дом, вероятно, навеки: отец не простит ему выходки с побегом на воздушном шаре. Не говоря уж о намерении жени-

ться и изменить имя. Но менее всего отец склонен прощать другим людям вмешательство в его планы — а Эрингилу с помощью мастера Минты удалось разрушить наиболее сложный и наименее уязвимый из всех отцовских планов.

Не было бы неприятностей у мастера Минты...

Однако, насколько знал Эрингил, мастер и сам умел постоять за себя. Да и не станет гордый аристократ унижаться местью какому-то ремесленнику.

Некоторые из находящихся внизу людей замечали шар и показывали на него пальцем, иные сбивались в толпы и размахивали снизу руками, некоторые воображали, будто со стороны летуна им грозит какая-то опасность, закрывали головы руками и стремительно убегали прочь.

Неожиданно глазам Эрингила открылась странная картина: человек сорок мчались по равнине. Они бежали, пешие, с оружием в руках и что-то кричали.

Могло показаться, будто они бегут в атаку на врага, но в том-то и дело, что никакого врага не было и в помине: сколько Эрингил ни вглядывался, равнина перед ними была пуста — ни одного отряда, бегущего навстречу первому.

Затем Эрингил обозвал себя дураком — за то, что не увидел с самого начала очевидного: те, кто бежал во главе отряда, на самом деле не принадлежали к числу преследующих — они были преследуемыми. Иными словами, человек сорок гнались за двумя. И вот-вот должны были их настичь.

И в самом деле, это произошло. Тогда тот, что несся первым, вдруг остановился и развернулся лицом к преследователям.

Это был высокий загорелый человек с длинными черными волосами. Он был вооружен огромным мечом, который сейчас вылетел из ножен и сверкнул в лучах солнца.

Второй, поменьше ростом, смуглый, с рябым лицом, также приготовился к заведомо безнадежному сражению.

До Эрингила донеслись их громкие голоса. Едва они остановились, как толпа окружила их, и закипела схватка.

Гигант с большим мечом разил налево и направо, вот уже упали первые убитые... Сзади на воина наседало сразу двое, и его товарищ едва успел отбить эту атаку. Но и рябому приходилось нелегко. Некоторое время они с черноволосым бились спиной к спине, но было совершенно очевидно, что скоро численный перевес противников даст о себе знать, и обоих скрутят — если только сразу не убьют на месте.

Эрингил колебался недолго: он сбросил веревку, которая имелась у него в корзине, и конец ее, завязанный узлом, ударил гиганта по плечу.

Тот поднял голову и увидел, что рядом по воздуху проплывает летучий шар. Прочие, увлеченные боем, пока что этого не замечали. Недолго думая, гигант подхватил одной рукой своего приятеля, другой вцепился в веревку, и шар потащил обоих дальше, чуть приподняв над землей.

Преследовали, точно свора разгоряченных дракой собак, бросились бежать следом. Черноволосый карабкался наверх; его спутник неловко цеплялся за веревку и за ноги ползущего вверх товарища.

Эрингил понимал, что под тяжестью троих «седоков» корзина неизбежно опустится гораздо ниже, но оставить двоих на растерзание сорока он не мог: подобное противоречило законам чести.

Летучий шар действительно пошел не так высоко, но все же на достаточном расстоянии от земли, чтобы преследователи остались с носом. Наконец оба приятеля оказались в корзине. Отдуваясь, они прижались к плетеным бортам. Черноволосый проговорил:

— Впервые вижу подобную штуку!

Его рябой приятель молча косил глазами по сторонам, и вид у него был вороватый — ни дать ни взять что-то успел стянуть и теперь боится разоблачения.

— Меня зовут Эрингил, — представился молодой человек. — Добро пожаловать на борт!

— Ты безрассуден, — покачал головой черноволосый гигант. — Броситься на помощь к незнакомым людям, взять их к себе на летучий шар... А если бы мы оказались бандитами?

— За бандитами не гонится сразу сорок человек, — возразил юноша. — К тому же, среди тех, кто вас преследовал, почти не было настоящих воинов — в основном сброд из числа разъяренных горожан. Не знаю уж, чем вы им досадили,

но явно не разбоем. Хотя, — добавил он, желая быть вполне искренним и пристально глядя в лицо черноволосому, — я не исключаю такой возможности, что иногда вам случалось промышлять и разбоем. В таком случае — да будет моя судьба ко мне благосклонна! Я — человек чести, и в любом случае не намерен отступаться от моих правил.

— Вот это по-нашему! — засмеялся черноволосый.

Эрингил заметил, что при слове «судьба» его рябой приятель сильно вздрогнул и опустил глаза.

Черноволосый между тем продолжал:

— Что ж, ты не только великодушен, но и наблюдателен, и второе качество поможет компенсировать зловредное влияние первого: великодушные живут мало, наблюдательные — долго; так что я предсказываю тебе среднюю продолжительность жизни... Меня зовут Конан из Киммерии, и я твой должник, а это многое значит, уж поверь. Мой друг — Саламар Гирканец, познакомься. Надеюсь твои дела достаточно плохи, чтобы его присутствие не принесло тебе беды.

Последнюю фразу Эрингил не вполне понял, поэтому он решил просто рассказать свою историю.

— А ты уж решай сам, Конан, насколько плохи мои дела.

Когда рассказ был закончен, синие глаза Конана весело блестели. Он переглянулся с гирканцем:

— Как ты считаешь, Саламар?

Гирканец уныло кивнул:

— Думаю, хуже некуда. Колдун, украденная девушка, гнев отца, перспектива потерять не только наследство, но и самую жизнь... Полагаю, я не причиню ему вреда.

Эрингил подумал, что Саламар вряд ли смог бы причинить ему особенно большой вред — если учесть, что Эрингил учился владеть оружием с девяти лет и всегда считался очень одаренным фехтовальщиком, а гирканец выглядел хилым и, главное, в нем отсутствовал тот особый огонек, тот внутренний жар, который делает человека победоносным, не позволяет проигрывать.

Саламар выглядел угасшим, измученным.

— Ты, вероятно, полагаешь, будто Саламар не способен сейчас и тритона убить, — пробицательно заметил Конан, прочитав несложные мысли Эрингила. — Смею тебя заверить в том, что ты ошибаешься. Многие допускали эту ошибку, считая Саламара совершенно безобидным парнем. Он носит в себе такое оружие, какое не снилось даже самому разрушительному урагану. Кстати, именно из-за этого нас и хотели растерзать эти добрые люди.

— Поясни, — попросил Эрингил. — Времени у нас много, скрась нам путешествие.

— Вряд ли рассказ о бедах и неудачах способен что-либо скрасить, — засмеялся киммериец, — однако твою просьбу я выполню: ты спас нас и имеешь право знать, от чего.

Погляди внимательней на Саламара. Видишь эти отметины на его лице? Смею предположить,

что вежливость и хорошее воспитание не позволили тебе разглядывать моего приятеля пристально, а напрасно — стоило бы присмотреться. Это вовсе не следы от ожогов или рябины, оставшиеся после дурной болезни. Это — кхитайские письмена. Перед тобой — человек, наделенный очень неприятной особенностью: он перемещает судьбу. Только когда более низкой точки падения не существует, — к примеру, если ты больная шлюха, живущая на помойке и кашляющая кровью, — лишь тогда эта перемена участии бывает к лучшему. Во всех остальных случаях близость Саламара сперва опустит тебя на дно жизни и лишь потом начнет приподнимать над обстоятельствами. Понимаешь?»

— То есть, богатые становятся в его присутствии бедными, процветающие — нищими, здоровые — больными и так далее? — уточнил Эрингил.

Конан весело кивнул.

— Но ты сам-то как жив остался? — удивился Эрингил.

— Вероятно, меня амулет не воспринимает. Считает чем-то вроде стихийного бедствия, — усмехнулся варвар. — Я ведь и сам горазд причинять неприятности. Хотя и приятности от меня случаются, спроси хоть Амиду из Хезера...

— Амиду ты уже ни о чем не спросишь, ведь она погибла, — глухо проговорил Саламар.

— Бедняжка, — Конан вздохнул. — Мне до сих пор жаль ее. Однако вернемся к причине, по которой нас хотели растерзать. Итак, мы, гони-

мые судьбой, скитались по Хайбории. Промышляли мы преимущественно тем, что запускали Саламара в какой-нибудь богатый дом, а потом, когда на ничего не подозревающих богатеев обрушивались беды, участвовали в разграблении. Естественно, деньги у нас не держались, поскольку амулет не выносит стабильности. И, просадив в несколько дней все, что другие люди наживали десятилетиями, мы перебирались в другой город. Иногда я сдавал Саламара в аренду. Не шевельнув и пальцем, он осуществил весьма жестокую месть по меньшей мере в семи случаях, и клиенты всегда были довольны. Случалось нам и восстанавливать справедливость. Сколько бедняг мы подняли из помойной кучи и поставили на ноги?

— Четверых, — сказал Саламар.

— Маловато, — заметил Эрингил.

Конан отмахнулся:

— Нам было некогда заниматься благотворительностью. Наконец мы добрались до Хезера, и вот там-то нас настигла настоящая неприятность. Видишь ли, в этом городе жил человек, который для чего-то развлекался изучением кхитайских письмен. Как он сам объяснял, нужно ведь чем-то занять время, а изучение кхитайских письмен для обитателя города, стоящего в отрогах гиперборейских гор, — самое трудоемкое и бесполезное занятие на свете.

— Согласен, — кивнул Эрингил.

— Этот господин был единственным, кто сумел прочитать надписи на коже Саламара. Естес-

твенно, не все — большая их часть скрыта под одеждой, но и того, что он разобрал на правой щеке моего приятеля, оказалось довольно: он сразу понял, чем чревато наше появление в Хезере. Будучи честным человеком, он сперва по хорошему попросил нас уйти из города. «Я знаю, кто твой спутник, — сказал он мне, — и клянусь богами, я сделаю все, чтобы удалить его отсюда. Лучше уходите добром, иначе я устрою вам очень большие неприятности. Учтите, я уверен в моей правоте и потому не остановлюсь ни перед чем: если понадобится, я запущу к вам в комнату ядовитую змею или попрошу трактирщика отправить ваше пиво».

Естественно, он был прав, но я отказался уходить. «Куда же нам идти? — спросил я. — Мой друг устал и нездоров. Ему нужен отдых».

В общем, мудрец не успел ничего предпринять, он только-только добрался до ратуши и рассказал отцам города о существующей опасности, как в Хезере началось землетрясение. Здесь очень давно не было никаких землетрясений. Более того, никто не замечал предвестий бедствия (а предвестия всегда бывают, пусть даже просто сновидения у двух-трех наиболее чутких человек). В общем, город почти провалился под землю.

Больше всех пострадали, разумеется, зажиточные горожане, а самые нищеброды обогатились, роясь на развалинах. И скоро уже весь Хезер знал, кто виновен в бедствии. Нас выследили и решили уничтожить. Людям всегда нужно со-

рвать злобу на ком-то, кого они полагают виновными в собственных бедах!

— Но мы действительно были виновны, — сказал Саламар. — Точнее, я. Боги, до чего же я устал носить в себе эту вещь!

— Как же вышло, что ты сделался таким? — спросил Эрингил. — Отчего-то я сомневаюсь в том, что таковым ты родился на свет.

— Нет ничего проще, — грустно ответил Саламар. — Я его проглотил...

Несмотря на трагизм ситуации, Эрингил расхохотался, и Конан присоединился к нему.

— Сам не понимаю, почему я до сих пор не расстался с этим человеком, — добавил киммериец, усмехаясь. — Нетрудно догадаться, что у меня от него одни неприятности.

— Я вижу впереди странную вёшь, — перебил Саламар.

Все трое сразу замолчали и повернулись в ту сторону, куда показывал гирканец.

Над землей, на высоте в десять человеческих ростов, висел замок. Зрелище было странным, противоестественным: огромное каменное строение, зависшее над пустотой. Вокруг него еле заметно подрагивало золотистое сияние — следы сильной магии. А внизу булькало огромное болото, так что если бы пленица и набралась бы решимости и прыгнула с высоты своей летучей тюрьмы вниз, на землю, она погрузилась бы в смердящую гнилую трясину.

Эрингил не мог не отдать должного изобретательности колдуна. В самом деле, Велорнис учел

все особенности характера Ульбаны. Гордая красавица согласилась бы умереть, лишь бы не стать пленницей мага. Она решилась бы на смерть, но гнусное болото не оставляло ей даже такого исхода. Прыгнув вниз, она угодила бы в сердцевину мягкого «ложа» из жидкой грязи. Она осталась бы жива — и много дней после не могла бы избавиться от омерзительной вони.

Летучий шар опустился — Эрингил потянул за веревку, и теплый воздух вышел из большого кожуха, сшитого из козьих шкур.

— Мы не можем ночевать в воздухе, — пояснил Эрингил. — К тому же остается надежда на то, что колдун нас еще не заметил. Тогда мы могли бы подобраться к замку завтра на летучем шаре и попросту забрать оттуда девушки.

— Угу, — сказал Конан. — А также ее няню, старую кормилицу, двух преданных слуг, одного конюха, пять мальчиков на подхвате, десяток фрейлин, кухарку, шесть поварят... Я никого не забыл?

— Свору охотничьих собак, трех левреток и шесть любимых лошадей, — криво улыбнулся Эрингил. — Ты прав, киммериец. У нее в замке полно людей и животных, и ко всем у нее особенное отношение. Она не согласится оставить их на произвол судьбы.

— Достойная хозяйка, — вставил Саламар.

Конан и Эрингил одновременно повернулись в сторону гирканца и уставились на него. Тот чуть смутился:

— Я имел в виду именно то, что сказал.

— Никто не подвергает сомнению твои слова и намерения, — успокоительным тоном произнес Эрингил.

Конан коснулся плеча молодого человека:

— Можешь перед ним не заискивать. Его злоречие никак не связано с тем, как он относится к людям. Амулет действует помимо его воли.

— Я и не заискивал, — смутился Эрингил. — Просто хотел выразить доброе отношение...

— Не трать на это время, — повторил Конан. — Я все жду, когда он окончательно утратит человеческий облик...

— Ты безжалостный негодяй, — сказал Саламар своему спутнику. — Если бы я мог, я давно уже вверг тебя в такие бедствия; какие всему прочему человечеству и не снились. Но, как ты справедливо заметил, это не в моей власти.

— Нужно было вовремя принять рвотный корень, — сказал Конан. — Давайте ужинать.

В молчании они проглотили все припасы Эрингила — лепешки, сыр, фрукты, запили вином из его фляги и начали устраиваться на ночь. И всю ночь слышно было, как ворочаются в болоте странные существа, как вздуваются и звучно лопаются на поверхности земли пузыри.

* * *

Ульбана удивленно смотрела на человека, внезапно появившегося у нее в покоях. Прежде она никогда его не видела и не могла понять,

каким образом он очутился в замке. Вряд ли он сумел войти незамеченным — в конце концов, подняться по крутым склону скалы и проникнуть за ворота было не так-то просто.

Незнакомец был высоким, вздернутые острые плечи придавали ему сходство с сидящей на трупе птицей-стервятником. Когда он откинулся лицом капюшон, Ульбана вздрогнула: ей почудилось, будто она видела это лицо во сне. Должно быть, она и сейчас спит и грезит... Нехороший сон.

Внезапно она вспомнила, что настал седьмой день после ее разлуки с Эрингилом: молодой человек, как и было условлено, всё это время не искал встречи с нею и обдумывал свое решение вступить в брак с наследницей замка на скале. Сегодня он придет! Она ощущала прилив радости.

Эрингил любит ее — он не откажется от своего намерения назвать ее супругой. И никакое сопротивление гордого отца не остановит возлюбленного Ульбаны. Он приедет на равнину и затрубит в рог, который она ему дала, и тогда...

Приснившийся ей человек произнес негромким глухим голосом:

- Ульбана.
- Уйди, — пробормотала девушка. — Сейчас я проснусь, и тебя здесь не будет.
- Ульбана, ты не спиши, и я на самом деле здесь.
- Кто ты? — Она вдруг широко распахнула глаза, удостоверившись в том, что все действительно происходит наяву. — Кто ты такой и как попал сюда?

— Мое имя Велорнис, и я — один из самых могущественных магов во всей Хайбории...

— Уходи. Как бы ты ни был могуществен, никто не помешает мне сегодня...

— Я знаю, о чём ты мечтаешь, глупая женщина, — маг скривился. — О любви! Забудь об Эрингиле. Он не придет.

— Нет, он придет! — уверенно возразила девушка. — Я чувствую это сердцем.

— Сердце! Какая ерунда! — Велорнис дернул углом сухого рта. — Никакая любовь не в состоянии побороть моей великой магии.

— Что ты сделал? — Ульбана напряглась. Страшная мысль мелькнула у нее в голове: не причинил ли этот жуткий колдун вреда Эрингилу? — Говори!

— С Эрингилом не случится ничего дурного, да и с тобой тоже, если ты будешь хорошей девочкой и согласишься стать моей, — криво усмехнулся колдун.

От неожиданности Ульбана опешила.

— Но я не могу быть твоей! — выпалила она. — Я ненавижу тебя. Ты отвратителен. Ты стал мне отвратителен с первого же мгновения, как я увидела тебя. От тебя несет мертвечиной. Убирайся, мерзкая тварь! Ступай к тем пузырям земли, что породили тебя.

Колдун преспокойно уселся в кресло напротив Ульбаны.

— Что ж, я пытался говорить с тобой по-доброму. Женщина, запомни: ты не в силах противиться моей воле. Если ты не пожелаешь подчи-

ниться мне, я заставлю тебя. Есть силы, которые не желают видеть тебя рядом с Эрингилом. Одна из этих сил — его отец. Как ты и опасалась, аристократ не захотел, чтобы его сын отказался от родового имени ради того, чтобы продолжить твой род, а не собственный. И наличие младших сыновей не смягчило старика: он запер Эрингила и не позволит ему выйти наружу до тех пор, покуда ты не исчезнешь. Не хочешь же ты, чтобы он томился всю жизнь взаперти?

— Я найду способ освободить его! В конце концов, его отец не вечен.

— Тебе придется ждать лет двадцать, прежде, чем старик отдаст концы, — засмеялся маг.

— Но ведь я могу убить его...

— Как?

— Я... подошлю к нему убийц.

— Дорогая, это невозможно, — заявил Велорнис, — поскольку ты теперь — моя пленница. Вторая причина невозможности твоего брака с Эрингилом заключается как раз в том, что я намерен самолично завладеть тобой, хочешь ты этого или нет.

— Что за удовольствие владеть женщиной, которая испытывает к тебе отвращение? — спросила Ульбана, цепляясь за последнюю надежду.

— О, — отозвался маг с многозначительной улыбкой, — тебе этого не понять... В любом случае, для тебя уже поздно. Пока ты спала, я произвел надлежащие заклинания. Выгляни в окно.

Девушка машинально приблизилась к окну и тотчас отпрянула, охваченная ужасом. Замок бо-

льше не стоял на скале — он висел в воздухе над равниной.

Ульбана повернулась к колдуну. Тот с победным видом наблюдал за нею.

— Теперь ты поняла, что противиться мне бесполезно? — осведомился колдун. — Ты, твой замок, твои слуги — все вы в полной моей власти. Если ты разозлишь меня, я попросту уроню замок на землю, и все вы погибнете. Я знаю, — он сделал быстрый предупреждающий жест, — что твоя жизнь тебе безразлична, коль скоро я посмел отнять у тебя твою великую любовь, — последние два слова маг произнес, кривя губы, — однако вряд ли ты останешься равнодушной к гибели своих слуг! Подумай хорошенько: из-за твоего упрямства умрут ни в чём не винные люди, люди, которые тебе доверяют, которые зависят от тебя, — люди, которых ты приняла как наследство вместе с этим замком...

Ульбана надменно вскинула голову:

— Они преданы мне до смерти — они знают, что, если понадобится, я возьму их жизни. Любой из них готов умереть ради меня, так что помни, колдун: я пожертвую и собой, и ими, не задумываясь. Не смей посягать на меня.

— Я подожду, — отозвался Велорнис. — Мне теперь спешить некуда. Замок будет висеть в воздухе, и никто из вас не сможет покинуть его, пока ты добровольно не согласишься стать моей. И тогда ты поймешь, что напрасно теряла время на сопротивление. Аиши было слишком поздно. Впрочем...

Он вздохнул.

— Мне даже жаль, что я не увижу, как ты прощаешься с этим юным глупцом, с Эрингилом. Он обречен томиться взаперти, как я уже говорил, и даже не будет знать, где ты находишься и какова твоя судьба. Впрочем, быть может, лет через пять я напишу ему письмо. Расскажу о том, как счастлива его бывшая невеста с другим мужем...

И в этот миг послышался звук рога. Оттолкнувшись от себя колдуна, Ульбана снова бросилась к окну.

По равнине бежал человек в разевающемся плаще. Время от времени он останавливался, защищал голову и дул в рог; и звук широко разносился по всей равнине и, отражаясь от гор, летел вспять.

Ульбана отвернулась от окна и послала колдуну торжествующую улыбку:

— Я буду ждать! — сказала девушка. — Мой возлюбленный на свободе, он готов взять меня в жены, он знает, что я в плена — я буду ждать, пока он найдет способ меня спасти.

— Что ж, — угрюмо согласился колдун, — у него есть впереди лет сорок-пятьдесят. Потом, полагаю, будет уже слишком поздно.

* * *

Разумеется, ни Конан, ни Эрингил не собирались ждать так долго. Конан вообще не был склонен откладывать дела на сколько-нибудь

ощутимый срок: варвар совершал свои подвиги мгновенно — либо не брался за них вовсе.

Саламар, напротив, казалось, совершенно пал духом. Трудно было винить его в этом: он действительно чувствовал себя опустошенным, вымощанным. Шутка ли — послужить причиной стольких бедствий!

— Мне следовало умереть, — говорил он, глядя в огонь с застывшей на лице безнадежностью. — Я заслужил смерти — в отличие от всех этих людей, погибших по моей вине. Удивляюсь, как это меня до сих пор еще не прикончили.

— Однако в тех случаях, когда тебя действительно хотят прикончить, ты сопротивляешься и зовешь на помощь, — заметил Конан. — И вообще, помолчи немного. Своим нытьем ты мешаешь мне думать.

Они проснулись утром возле остывшего костра и первым делом произвели разведку. Результаты их отчасти успокоили: замок Ульбаны по-прежнему висел на старом месте, над болотом, где все так же равномерно вздувались и лопались пузыри. Никаких следов близкого присутствия мага не наблюдалось.

Эрингил предложил было затрубить в рог, чтобы подбодрить Ульбану.

— Если она услышит, то поймет, что я нашел ее и готов прийти к ней на помощь, — сказал юноша.

Конан тотчас отверг его предложение как верх нелепости.

— Если Ульбана будет знать, что ты поблизос-

ти, то трудно ожидать от колдуна, чтобы он не догадался о смысле сигнала.

— Возможно, его здесь нет.

— Слабая надежда! Если бы я был колдуном и похитил девушку — уж я не сводил бы с нее глаз! — заявил Конан. — Как ни умен колдун, женщина всегда хитрее. Даже небольшого жизненного опыта довольно, чтобы понять сие нехитрое обстоятельство.

Эрингил угрюмо отмолчался. Между тем Конан продолжал раздумывать вслух:

— Есть способ его убить... — Он показал на свой меч. — Ни одна магия долго не могла продержаться против старой добродусти!

— Дело хорошее, но для того, чтобы вызвать колдуна на поединок, нужно сперва его найти, — сказал Эрингил.

Конан с комическим видом пожал плечами.

— Почему-то об этом я не подумал.

— Давайте просто заберем Ульбану, — вернулся к старой идеи Эрингил.

— Если она откажется уплыть с тобой и бросить на произвол судьбы своих домашних, — что ты будешь делать? — резонно возразил Саламар.

Конан сказал:

— У меня есть идея получше... Давайте пропадим колдуна Саламара!

Эрингил удивленно уставился на киммерийца и его товарища. Молодого аристократа поразило не столько предложение Конана, сколько реакция на него гирканца: Саламар ничуть не удивился. Он не выказал ни возмущения, ни даже

простого недовольства. Похоже, подобный трюк приятели продевали и раньше.

— Дай-ка мне рог, — обратился Конан к Эрингилу. — А сам куда-нибудь спрячься. Хотя бы закопайся под кустами. Не нужно, чтобы этот негодяй тебя видел. Я скажу ему, что убил тебя... Ты понял?

Молодой человек медлил, не решаясь расстаться с подарком возлюбленной.

— Я верну тебе эту безделушку, — обещал варвар. — Вместе с замком и девицей. Доверься мне. Из тех, кто мне доверялся, еще никто не был разочарован.

— Кроме десятка-другого тех, кого ты обласкали, — вставил Саламар.

— Об этом мог бы и не напоминать, — укоризненно обернулся к нему Конан. — Вечно ты не вовремя вылезешь!

* * *

Когда раздался сигнал рога, мощный и уверенный, Велорнис не поверил собственным ушам. Всю ночь он проспал и не видел, как на закате к замку подплывал летучий шар, поэтому появление поблизости каких-то людей оказалось для него новостью.

Что до Ульбаны, то она заперлась в своих покоях и не подходила к окнам, поэтому и для девушки пение рога оказалось новостью.

Она выбежала из комнаты, впервые за долгое время, и столкнулась с колдуном, который так-

же спешил в большой пиршественный зал замка, откуда можно было увидеть трубящего в рог.

— Рад видеть вас, дорогая! — улыбнулся Велорнис. — Вы тоже встревожены этими странными звуками?

— Скорее, обрадована, ведь они означают только одно: Эрингил на свободе и нашел меня! — ответила Ульбана с вызовом.

— На вашем месте я бы сожалел об этом неразумном поступке молодого человека, — возразил колдун. — Боюсь, отныне его судьба будет весьма плачевной, а жизнь существенно укоротится.

— Не будь столь самонадеян! — отрезала Ульбана, но ей стоило больших сил скрыть нахлынувшую тревогу.

То, что оба они увидели сквозь широкие окна пиршественного зала, скорее, изумило их, нежели вызвало какие-либо иные чувства. На равнине стоял, широко расставив ноги, совершенно незнакомый человек, рослый, широкооплечий и мускулистый. Его черные волосы развевались на ветру, за мощным плечом виднелась рукоять меча. Подняв голову, он дул в рог, а затем, подбоченясь, смотрел на замок, словно ожидая, что оттуда кто-нибудь выйдет к нему и спустится по воздуху, как по ступенькам.

Создавалось такое впечатление, будто незнакомца совершенно не волнует то обстоятельство, что замок висит на воздухе, над ядовитым болотом. Можно подумать, замки только и делают, что летают, точно птицы.

— Кто это? — спросил Велорнис у Ульбаны, с подозрением глядя на девушку. — Ты его знаешь?

— Я впервые вижу этого человека, — вполне искренне ответила она.

— Полагаю, следует с ним поговорить, — решил колдун. — Он не просто так явился сюда и дует в этот рог тоже с неким намерением. Надеюсь, он на моей стороне. Надеюсь ради него самого — было бы жаль уничтожать столь великолепный человеческий экземпляр.

С этими словами Велорнис быстро вышел из зала, оставив после себя слабое дуновение ветра, который всегда поднимал, взмахивая полой просторного плаща.

Из окна девушка видела, как ее тюремщик остановился на пороге замка. Он произнес несколько слов на непонятном древнем языке — шипящем языке, при одном только звуке которого волосы дыбом вставали на голове: то были заклинания стигийской магии. Затем Велорнис сделал быстрый жест рукой, как будто нечто поднимал с земли наверх.

Болото, простертное внизу, под замком, словно бы ожило, заслышав заклинание. Пузыри начали вскипать и лопаться куда быстрее, чем прежде, а затем два или три пузыря, надуввшись, слились в один, и этот большой пузырь начал медленно подниматься к замку. Дрожа и переливаясь всеми цветами радуги, он замер как раз у порога, возле ног колдуна.

Бросив еще несколько слов, Велорнис шагнул прямо в пузырь. Прорвав на миг тончайшую обо-

лочку, он вошел прямо в середину, после чего пузырь вместе со своим «седоком» начал опускаться.

Ульбана слышала и видела все. Велорнис не боялся демонстрировать при ней силу своего колдовского могущества: он знал, что девушка достаточно благоразумна для того, чтобы не воспользоваться заклинаниями. Даже если бы она их правильно запомнила и произнесла без ошибок — вряд ли она сумела бы справиться с магической силой, которая всегда высвобождается при применении древней стигийской магии.

А кроме всего прочего, Ульбана испытывала такое отвращение ко всему, что имело отношение к волшебству — и особенно волшебству Велорниса.

Поэтому он без опасений пользовался при ней этим заклинанием. В любом случае, ловушка держит пленицу крепко — Ульбана не сбежит.

Конан смотрел, как пузырь не спеша опускается на землю, немного в стороне от ядовитого болота. В течение нескольких секунд пузырь еще сохранял свою форму — смятая сфера стояла на земле, дрожа и сильно раскачиваясь, а затем с громким треском она лопнула, и блестящие, переливающиеся брызги разлетелись во все стороны.

И из пузыря, точно из гигантского яйца, «вылупилась» рослая фигура в черном. «Странно, — думал Конан, — некоторые люди на удивление напоминают гротескные изображения. Положим, если бы какой-нибудь скульптор сделал такую

статую и назвал ее «Злой Колдун», цивилизованные господа, ценители искусства, сказали бы, что он преувеличивает и высмеивает свою модель. Однако ж вот передо мной живой Злой Колдун — и выглядит он точь-в-точь так, как их принято изображать»...

Колдун устремил на Конана пронзительный взгляд и спросил:

— Это ты трубил в рог, смертный?

— Каждое твое слово несет в себе зерно истины, — ответил киммериец. — Я смертный; я трубил в рог; я — это я. Ни одной ошибки! Полагаю, это говорит о твоей великой проницательности.

— Ты совершенно прав, — не поддался на провокацию Велорнис. — Скажи-ка мне, человечек, откуда у тебя этот рог?

— Не вижу причин, по которым у меня не может быть рога.

— Отвечай! — прикрикнул на Конана колдун. — Женщина, которая находится в замке вместе со мною, узнала звук этого рога — вся так и встрепенулась, метнулась к окнам и была (скажу тебе по секрету) страшно разочарована, когда увидела тебя... а не кого-то другого.

— Что ж, — отозвался Конан с неприятной улыбкой, — если ты осведомлен о стольких подробностях, могу добавить к ним еще одну: я убил человека, владевшего этим рогом, и воспользовался сам имуществом, попавшим ко мне в руки.

— Добрая весть — и я, пожалуй, стану разговаривать с тобой дальше, а не испепелю сразу, как намеревался поначалу.

— Никогда не следует испепелять собеседника прежде, чем он выскажетсѧ, — заявил Конан, бесстрашно глядя в глаза Велорнису.

— Насмешки тебе не помогут, — предупредил колдун. — В любом случае, у тебя должна иметься чрезвычайно веская причина вести себя столь шумно там, где обитаю я. Зачем ты звал меня?

— Я хотел предложить тебе сделку, великий маг, — сказал киммериец.

Тот вздернул бровь и глянул на Конана с нескрываемым недовольством.

— Ты полагаешь, глупец, что великому Велорнису будут интересны сделки с каким-то... как тебя зовут?

— Какой-то Конан из какой-то Киммерии, — сказал Конан. И добавил, не удержавшись: — В иных местах меня знают как Магову Смерть. Это потому, что я убил много колдунов и магов.

Последнее замечание Конана Велорнис пропустил мимо ушей. Он передернул острыми, вздыбленными плечами и раздул ноздри крупного горбатого носа.

— Говори о своем деле поскорее, иначе я убью тебя, — прошипел маг. — Ты начинаешь раздражать меня, Конан из Киммерии.

— Что ж, твое общество также не доставляет мне удовольствия, поэтому для нас обоих будет лучше, если мы покончим с делом поскорее, — согласился Конан. И махнул рукой в ту сторону, где сидел, скорчившись и приняв самый унылый вид, Саламар.

— Посмотри на этого человека, маг.

Велорнис медленно повернулся голову и уставился на Саламара. Под тяжелым взглядом колдуна Саламар съежился. Он почувствовал, как мороз прошел по его коже колючими пальцами, как кровь в его жилах начала густеть и застывать: одна магия ощущала присутствие другой. «Как бы они не взорвались прямо в моем теле! — подумал гирканец панически. — Никогда не знаешь, что может произойти в подобном случае».

— Пусть подойдет, — велел колдун.

Конан махнул Саламару:

— Приблизься. Господин желает рассмотреть тебя получше.

Саламар послушно встал и подошел поближе.

— Сними плащ, — приказал Конан.

Саламар скинул плащ и остался обнаженным по пояс. Конан хозяйствским жестом похлопал его по плечу.

— Видишь? — обратился он к колдуну. — Это настоящие кхитайские письмена. Перед тобой — человек, который является магическим предметом. И я намерен продать его тебе. За очень небольшую сумму — скажем, в сто золотых.

Колдун сморщил нос.

— Ты попросту разрисовал его ничего не значащими каракулями, а теперь пытаешься выклянчить у меня денег.

— Ничего подобного! — Конан выглядел по-настоящему рассерженным. — Неужели ты, великий стигийский маг, не умеешь читать кхи-

тайские иероглифы? Говорю тебе, они настоящие. Один человек в Хезере — он, правда, умер во время землетрясения, но к делу это не относится, — словом, он прочитал иероглифы и сразу разобрал, что они подлинные. Он даже постиг их глубинный смысл, однако вновь обретенное знание ему не помогло, и он, как я уже упоминал, умер в Хезере.

Во время всей этой болтовни Велорнис внимательно рассматривал стоявшего перед ним Саламара. Гирканец ежился под тяжелым взглядом колдуна и, казалось, мечтал лишь об одном: оказаться как можно дальше от этого места.

— Сто золотых? — наконец проговорил Велорнис. — Не слишком ли много?

— Поверь, амулет действует, — сказал Конан и стукнул себя кулаком в грудь. — Еще как действует! Ты слыхал о землетрясении в Хезере?

— Ты упоминаешь о нем уже в третий раз, — сказал маг. — Что такого примечательного в этом землетрясении?

— О, много... Но главное — оно случилось благодаря кое-чему вмешательству. Очень могущественный талисман. Бьет без промаха. У тебя есть враги? Может быть, неосуществленные желания? О, колдун, я, может быть, и ненавижу все ваше племя, однако не стал бы предлагать неработающий амулет даже врагу.

— Почему, в таком случае, ты продаешь его мне?

— Две причины. — Конан поднял два растопыренных пальца. — Во-первых, мне нужны деньги, а ты готов заплатить. Во-вторых, мне нуж-

ны большие деньги, а у тебя как раз и имеются большие деньги. Ну как, убедил я тебя?

Маг щелкнул пальцами, и в руке у него появился мешочек, расшитый золотом и стеклярусом: Велорнис встрихнул его, и Конан услышал, как звенят золотые монеты.

— Можешь не пересчитывать, — молвил Велорнис, — ровно сто.

— Э нет, — проговорил Конан, — а как я узнаю, что эти монеты — не иллюзия? Для такого, как ты, создать из воздуха видимость золотых монет — пара пустяков.

— Уверяю тебя, эти монеты так же истинны, как и иероглифы на коже твоего раба, — произнес волшебник. — Если ты обманул меня, и этот человек, которого ты мне продал, окажется ничем, монеты исчезнут; если же он действительно является живым магическим предметом — монеты останутся у тебя, и никто не усомнится в их подлинности.

— В таком случае, я совершенно спокоен, — объявил Конан. И подтолкнул в спину обреченно моргающего Саламара: — Ступай. Вот твой новый хозяин. Мне ты больше не нужен — служи ему по мере своих сил и способностей, будь усерден и все такое...

Саламар обернулся, чтобы глянуть на Конана в последний раз, и киммериец разглядел в его глазах странное отчаяние.

Саламар боялся. Им уже не раз доводилось разыгрывать сцену с «продажей» гирканца, но никогда еще у Саламара не было таких дурных предчувствий.

— Все будет хорошо, — одними губами проговорил Конан.

Гирканец еле заметно покачал головой и шагнул к Велорнису.

Маг вызвал еще один пузырь из земли, втолкнул туда свое приобретение, вошел вслед за Саламаром сам — и пузырь медленно поплыл вверх, направляясь к замку.

«Хорошо, что не я там нахожусь, — подумал Конан. — Я непременно попытался бы убить мага прямо внутри пузыря — и одним только боем известно, чем бы это закончилось!»

* * *

Ульбана встретила своего тюремщика презрительной улыбкой.

— Удалось ли тебе уничтожить кого-нибудь беззащитного, Велорнис? Надеюсь, ты одержал победу над человеком, не способным противостоять твоей могущественной магии? Будь иначе — я разочаровалась бы в тебе.

— Напрасны твои насмешки, Ульбана, — ответствовал маг. — Я вовсе не имел в виду уничтожать кого-либо. Ты приписываешь мне чересчур низменные побуждения. Нет, я всего лишь поговорил с тем человеком.

Ульбане очень хотелось спросить, откуда неизвестный взял рог, которым призывал волшебника. Неужто кто-то напал на Эрингила и убил его, завладев чудесным рогом? Нет, нет, этого не

может быть! Девушка гнала от себя страшные мысли.

Велорнис добавил с усмешкой:

— Он хотел продать мне живой магический предмет. Я, разумеется, купил. Заколдованный человека — в обмен на заколдованное золото. Если человек окажется фальшивкой, золотые монеты тотчас превратятся в глину.

Саламар появился перед Ульбаной и некоторое время стоял молча, моргая и вздыхая. Ему очень не по себе было в этом подвешенном над землей замке. Да и Велорнис его пугал — от одного только вида колдуна у Саламара мороз шел по коже.

К счастью, маг скоро ушел, оставив гирканца наедине с Ульбаной.

Девушка смотрела на него сочувственно.

— Хотела бы я подбодрить тебя, — проговорила она вполголоса, — однако не могу. Я здесь такая же пленница, как и ты. Впрочем, мне приходится хуже, чем тебе: Велорнис домогается моей любви и угрожает в случае решительного отказа уничтожить всех, кто мне дорог.

— Возможно, он скажет тебе, что Эрингил мертв, — предупредил Саламар шепотом, — но ты не верь.

Ульбана побледнела и схватила его за руку.

— Ты видел его?

— Совсем недавно.

— Что с ним?

— Абсолютно ничего дурного, если не считать того, что он огорчен вашей разлукой и сходит с

ума при одной только мысли о том, что ты в плену.

— Кто ты? — спросила Ульбана, пристально глядя на Саламара.

— Я — воплощенное несчастье, — ответил он. — Везде, где бы я ни появился, заканчивается благоденствие. Впрочем, — добавил он, — заканчиваются и беды. Страждущие и процветающие меняются местами. Я — живое оружие. Надеюсь, скоро ты увидишь, как оно действует.

— Разве ты не можешь рассказать мне об этом заранее, чтобы я была готова, когда все начнется? — удивилась Ульбана.

— В том-то и дело, дорогая госпожа, что я понятия не имею о том, как все произойдет...

— Желаю тебе удачи, — прошептала Ульбана, улыбаясь ему сквозь слезы.

«Какая девушка! — думал Саламар. — И почему это так выходит, что одних мужчин любят прекрасные женщины, а другим достаются одни только шлюхи?»

Впервые в жизни, кажется, он задумался над этим всерьез, и ответ не замедлил: «Вероятно, потому, что эти самые другие никогда не пробовали завязать отношения с хорошими женщинами и довольствовались случайными знакомствами в кабаках... Но как я могу предлагать свою любовь порядочной девушке, если и встреча та-ковую, коль скоро любая встреча со мной принесет ей несчастье?»

Он покачал головой, отгоняя печальные мысли.

Ульбана между тем о чем-то спрашивала его. Ему пришлося попросить ее повторить вопрос, и она охотно произнесла еще раз:

— Как ты намерен действовать?

— Мне не нужно действовать, — терпеливо разъяснил он. — Мне достаточно находиться поблизости. Видишь эти отметины на моей коже? Они сделают все без моего вмешательства.

Велорнис, внезапно появившись поблизости (ни один из двоих собеседников не слышал, как колдун подошел), окликнул Саламара властным и грубым тоном:

— Эй, ты! Иди сюда. Я намерен исследовать тебя. Сдается мне, твой бывший хозяин все-таки жулик и подсунул мне негодный товар.

Саламар послушно приблизился к колдуну и, уже уходя вслед за ним из залы, повернулся и бросил на Ульбану короткий взгляд через плечо. Девушка кивнула ему и снова подошла к окну.

Колдун привел Саламара в комнату, которую выбрал в замке для себя.

Там было темно, только коптило несколько медных ламп весьма причудливой формы: одна изображала дракона, корчившегося в предсмертных муках, фитиль высовывался из прикушенного раздвоенного языка сыхающей рептилии; другая представляла двух псов, пожирающих дохлого кабана, одна собака рвала пятак зверя, не замечая, как сама поранилась о торчащий клык, другая впилась в ляжку. Прочие также выглядели весьма отталкивающе. Воздух в комнате был затхлым.

Колдун велел Саламару раздеться и начал свое исследование. Он взял тонкую раскаленную иглу и вонзил ее в один из знаков на коже гирканца. Тот взвыл и попытался удрать, но оказалось, что не может двинуться с места: его удерживало какое-то заклинание.

С глазами, полными слез, Саламар обратился к магу:

— Раз уж ты закодировал меня, не мог бы ты применить чары, которые позволили бы мне не испытывать боли при твоих опытах на моем теле?

— Не рассуждай! — оборвал его колдун.

— Но мне больно!

— Мои опыты как раз и заключаются в том, чтобы проверить, испытываешь ли ты боль. Возможно, эти значки просто являются частью твоей натуры и не несут в себе никакой магии.

— Неужели ты не в состоянии распознать магию, когда видишь ее перед собой? — удивился Саламар. — Тот человек, что продал меня тебе, чует магию за несколько полетов стрелы. У него, как он выражается, волоски на загривке поднимаются дыбом, едва лишь он ощущает близость какого-нибудь заклинания.

— Я не столь одарен от природы, — сказал Велорнис. — Всему, что я умею, я научился путем долгих опытов, страданий и упражнений. Я совершил немало ошибок прежде, чем мои заклинания начали действовать как надо.

Саламар развелся.

— Смотри, не соверши какой-нибудь ошибки сейчас! Последствия могут быть непредсказуе-

мы, потому что я сам — магия. Тот человек сказал тебе чистую правду, когда расписывал мои волшебные свойства.

— Впервые в жизни вижу, чтобы человек, сам не владевший магией, являлся магическим объектом сам по себе, — пробормотал колдун, не обращая внимания на жалобные завывания Саламара.

Из ранок, нанесенных иглой колдуна, текла кровь. Значки упорно не сходили с кожи гирканца. Не являлись они татуировкой, не исчезали после того, как Велорнис прижег один из них железным прутом.

— Ты убьешь меня! — кричал Саламар, дергаясь в тщетных попытках высвободиться. — Великие боги, что ты делаешь? Опомнись — ты убьешь самого себя!

— Обо мне не заботься — я сам сумею позабочиться о себе, — бормотал колдун, увлеченный своими изысканиями.

— Почему ты не дал себе труда изучить китайские письмена, гнусный невежда? — вопил Саламар, исходя пеной. — Чему тебя обучали в Стигии? Лемурийскому языку? Боги, оставь же меня!

Расширенными от ужаса глазами гирканец смотрел, как Велорнис помешивает в прозрачном сосуде какую-то шипящую субстанцию, над которой поднимался желтоватый парок.

— Что это? — орал он. — Яд? Ты решил убить меня? Учи, тебе это не сойдет с рук! Конан! Конан! Спаси меня! Будь ты проклят, колдун! Бу-

дьтэ прокляты вы все! Будь проклята моя глупость! Зачем я согласился? Зачем я обокрал Магринту? Лучше бы я жил с родителями и унаследовал отцовское дело... Не делай этого, Велорнис, клянусь — ты пожалеешь!

Велорнис, не слушая, взял палочку с намотанным на ее конец лоскутком, окунул в адское варево и смазал один из иероглифов на коже Саламара. Поднялась отвратительная вонь, кожа на месте мазка пошла пузырями и лопнула, обнажив мясо. Гирканец сипел и закатывал глаза, он бы упал, если бы заклинание не удерживало его на ногах. Тем не менее он потерял сознание.

Но и под лопнувшей кожей, прямо на голых мышцах видны были иероглифы.

— Странно, — бормотал Велорнис. — Похоже, тот проходимец — как там его называют? Конан? — не согнал. Парень действительно просто пропитан магией. Следовало бы свериться с книгами и выяснить, какого рода эта магия. Жаль, что она связана с хрупкой человеческой плотью. Впрочем, возможно, если его убить, то магия отделятся от своего ненадежного носителя — и тогда я смогу пользоваться ею более свободно. Стоит попробовать, ведь я ничем не рисую.

С этими словами Велорнис взял кривой, острый, как бритва, нож, которым он обычно совершал жертвоприношения, когда того требовал обряд, и поднес лезвие к горлу пленника.

В тот самый миг Саламар очнулся. Он увидел лезвие и понял, что сейчас произойдет. Гирканец

раскрыл рот, чтобы крикнуть, однако не смог произнести ни звука — ужас сковал его горло железным обручем. Саламар мог лишь хрипло сипеть.

И тут случилась весьма странная вещь. Колдун ощутил сопротивление: нож касался как будто не податливого человеческого горла, а твердого камня. Спустя миг сталь рассыпалась на множество осколков, и каждый из них впился в колдуна.

Сковывающая магия отпустила Саламара, и гирканец повалился на пол комнаты. Ноги отказывались держать его, каждая рана, нанесенная колдуном, горела и саднила. Кроме того, как понял вдруг Саламар, болели все иероглифы, которыми было исписано его тело. Он ощущал каждый из них в отдельности. Они как будто жили собственной жизнью, двигались, рвались на волю.

«Мне стало так плохо, что хуже уже некуда, — сообразил Саламар. — Вот в чем дело. Когда он взял нож, чтобы убить меня, магия взбунтовалась против меня самого. Неужели сейчас моя судьба наконец-то изменится?»

Так оно и было. Прямо на глазах происходили странные изменения в естестве гирканца. На коже вздувались пузыри, но они не лопались, а превращались в плотную оболочку, обволакивающую каждый иероглиф в отдельности. Затем все как будто взорвалось, в глазах у Саламара покернело, и от страшной боли он потерял сознание.

Очнулся он спустя несколько часов. Кто-то вылил на него ведро холодной воды. Открыв глаза, Саламар увидел незнакомого человека, а за его плечом — встревоженную Ульбану.

Гирканец чуть пошевелился, лежа в луже, и девушка вскрикнула:

— Он жив!

Незнакомый человек обернулся к Ульбане:

— Сдается мне, так, госпожа, он не помер, так что напрасно ты волновалась.

— Ступай, — велела ему девушка, и человек, видимо, один из слуг Ульбаны, вышел, унося с собой ведро.

Ульбана по-прежнему стояла в дверях, не решаясь войти в комнату, занятую колдуном.

— Что здесь произошло, Саламар? — спросила она. — Ты можешь говорить?

— Кажется, — просипел он.

— Сядь. Ты лежишь передо мной, а это выглядит непристойно.

Признавая правоту ее слов, Саламар попробовал сесть — и это ему удалось, к великому его удивлению. Вся кожа его горела, голова раскалывалась от боли, позвоночник ныл так, словно гирканца недавно избили дубинкой.

— Прости, госпожа. Где колдун?

Он огляделся по сторонам, но никого не увидел.

— Я сама хотела спросить тебя о том же, — сказала девушка. — Что здесь произошло? Ты помнишь хоть что-нибудь? И куда подевался Велорнис?

— Боги, госпожа! Неужели ты так жаждешь увидеть его?

— Я жажду увидеть его труп! — жестко оборвала девушка. — Пока остается хотя бы малая опасность, что он жив и затаился, я не буду знать покоя!

— Я попробую встать, — сказал Саламар. — Уйдем отсюда.

Он честно сделал попытку подняться на ноги, но это ему не удалось, и он выбрался из комнаты на четвереньках. Дальше, опираясь на руку Ульбаны и хватаясь за стены, Саламар кое-как прошел за ней в большой пиршественный зал. Там он без сил повалился на скамью и тут только обнаружил, что из всей одежды на нем осталась только набедренная повязка, да и та промокла насеквоздь и слабо прикрывала то, что ей полагалось прикрывать.

Гирканец сдернул со стены какой-то старый гобелен и завернулся в него. Ульбана слабо улыбнулась.

— Вижу, ты получил хорошее воспитание. Впрочем, — добавила девушка, — я успела рассмотреть тебя.

— Вряд ли зрелище тебе понравилось, — пробормотал он.

— Вообще-то, если уж говорить совсем откровенно, интересовал меня не твои мужские достоинства и не твоя телесная красота, — сказала Ульбана храбро, — но значки на твоей коже.

— А что с ними?

— Они исчезли.

Саламар в панике провел по бокам ладонями, как будто мог почувствовать наличие или отсутствие иероглифов путем простого прикосновения.

— Говорю тебе, их нет, — повторила Ульбана.

— Нужно искать! — лихорадочно блуждая глазами по зале, произнес Саламар. — Пока мы не отыщем эту штуку и не поймем, куда делся колдун, нам не знать покоя. Замок... Он все еще висит в воздухе?

Ульбана кивнула. Саламар откинул голову назад и обессиленно закрыл глаза. Не поднимая век, он повторил:

— Ищи. Прикажи слугам. Осмотрите весь замок. Это очень важно.

— Но что мы должны найти? — спросила Ульбана, недоумевая. — И что происходит? Ты можешь объяснить?

— Нет, — сказал Саламар. — Поверь мне, если бы я мог, я бы рассказал тебе все, но я не понимаю и трети из случившегося со мной и со всеми нами... Я даже не знаю, как выглядит предмет, который следует отыскать. Единственное, что мне известно: на нем должны быть китайские значки, такие, как были на мне. А теперь, госпожа, если в тебе есть хоть капля сострадания к несчастному дураку, — оставь меня. Дай мне просто прийти в себя.

— Во мне есть не капля сострадания, а целое море! — возмутилась Ульбана. — Я могу даже прислать к тебе слугу. Он подаст питье и, если хочешь, принесет одежду...

— Питье, одежду, и еще хорошо бы — крвать... — пробормотал Саламар.

Он опять провалился в небытие.

Ульбана отдала соответствующие распоряжения и принялась бродить по замку. Время от времени она выглядывала наружу, но ничего нового из окон не видела: замок все еще находился в воздухе, внизу до сих пор вздувались пузыри, и трясина оставалась такой же зловонной и ядовитой.

Наконец она наткнулась на нечто, вызвавшее у нее ужас и отвращение: это был полуопознанный мутный шар, размером приблизительно с человека. Предмет этот лежал на полу под лестницей, возле самого порога, за которым не было больше ничего — там начиналась пустота, обрывающаяся в пропасть. Ульбана никогда прежде не видела ничего подобного.

Шар этот вдруг напомнил ей икринку, из которой должна вывестись рыбка. Желеобразная масса подрагивала при малейшем сотрясении воздуха, так что Ульбана приближалась к шару очень осторожно: она боялась, что тот может лопнуть и забрызгать ее лицо — одним богам ведомо, что тогда случится!

«Икринка» — это слово оказалось наиболее точным сравнением, потому что когда Ульбана наклонилась над шаром, она увидела, что внутри мутного, поросшего редким жестким черным волосом «желе» лежит человек.

Она не сразу узнала в нем Велорниса. Маг скорчился, поджав колени под подбородок и об-

хватив их руками. Он был полностью обнажен, и девушка увидела, что вся его кожа покрыта китайскими письменами. Письмена эти воспалились, они были пылающего багрового цвета и по самым краям гноились.

— Боги! — прошептала девушка. — Саламар был прав. Не знаю, как это произошло, не знаю, какие силы здесь были пробуждены к жизни, но это случилось... Ни один нормальный, честный человек не должен находиться рядом с таким... Это противоестественно, отвратительно!

Она набралась храбрости и подтолкнула носком шар ближе к порогу. Прикосновение было упругим, как будто девушка дотронулась до кожаного меха, до краев наполненного водой.

Дрожь пробежала по желеобразной поверхности волосатого шара, а затем он сдвинулся с места, мгновение покачался на краю — и полетел вниз, навстречу вздувающимся и лопающимся пузырям земли.

* * *

— Ты уверен, что с твоим другом ничего не случится? — спрашивал у Конана Эрингил.

— Почему тебя так заботит этот пройдоха гирканец? — удивился Конан. — Нет, я не хочу сказать, что его судьба мне полностью безразлична, но он вполне в состоянии сам за себя постоять. Да еще так, что окружающие костей не соберут!

— Вот именно, — сказал Эрингил и помрачнел. Он думал о своей возлюбленной, и кимме-

риец сразу понял это — выражение лица выдало молодого аристократа.

— С Ульбаной ничего дурного не случится, — успокоил его Конан. — Если она сейчас страдает, значит, скоро вы оба обретете счастье. Редкий случай. Обычно человеку недостаточно плохо, чтобы появление поблизости Саламара не обернулось катастрофой.

И тут они увидели, как из замка вывалился некий бесформенный предмет. Трясясь и меняясь каждое мгновение, он пролетел по воздуху и упал прямо в трясину.

— Берегись! — крикнул Конан.

Он не понял, что это такое, но инстинктивно почувствовал: от вещи столь отвратительной до бра ожидать не приходится.

Странная штука рухнула прямо в болото и спустя миг взорвалась. Кусочки плоти неестественно причудливой формы разлетелись во все стороны, каждый упал на землю и мгновенно впитался в почву, так что повсюду можно было видеть теперь красные, пылающие иероглифы.

Трясина по-прежнему бурлила, порождая пузыри и уничтожая их.

Зато замок начал движение. Он плыл в обратном направлении — к той скале, на которой некогда стоял.

Эрингил перевел взгляд на Конана.

— Ты понял, что произошло?

— Нет, — признался киммериец. — Слишком многое случилось вещей одновременно. Но замок снова двигается, и это, думаю я, сейчас самое

главное. Нам нужно спешить за ним вслед, чтобы снова не потерять твою Ульбану... и моего приятеля впридачу, — добавил он.

* * *

Обратный путь занял гораздо больше времени: пока снова надували теплым воздухом летучий шар, пока ждали попутного ветра — минуло несколько дней, прежде чем Эрингил и Конан смогли наконец подняться в воздух.

Эрингил все время беспокоился. Вдруг магия занесет замок вместе с Ульбаной куда-нибудь далеко, в какое-нибудь далекое королевство — а то и в иной мир, куда-нибудь, где, возможно, до сих пор обитают лемурийцы (если такое, конечно, возможно)?

Конан, как умел, успокаивал его.

— Иероглифы, что вывалились из пузыря, ясно свидетельствуют о том, что магия Саламара разрушена.

— Но это совершенно не означает также и того, что разрушена магия Велорниса, — возражал молодой аристократ.

— Полагаю, эти две магии взаимосвязаны, — авторитетным тоном утверждал Конан. — Поверь человеку, который знает целых два кхитайских иероглифа!

Последний аргумент, как ни странно, возымел на Эрингила магическое действие: юноша успокоился. Он не был бы так спокоен, если бы знал, что в свое время кхитайский приятель Ко-

нана, маленький каллиграф, обучил его написанию и чтению иероглифов «пивная» и «публичный дом» — дабы Конан не попадал впросак и не принимал одно заведение за другое (в Кхитае перепутать их ничего не стоит, ибо и там и там присутствуют выпивка и улыбчивые женщины, однако в одном случае доступна выпивка, а в другом — женщины).

* * *

Покидая замок на скале, Конан и Саламар ни разу не обернулись.

— Ульбана — прекрасная девушка, — сказал Саламар своему приятелю, когда они наконец встретились и смогли поговорить без лишних ушей, — но очень уж аристократичная. Я просто не знал, куда деваться от ее изысканности. В ее присутствии можно сидеть лишь в тех случаях, когда сидит она сама; стоит ей встать — нужно тотчас вскакивать, иначе это будет нарушением этикета. Вот и получается, что сидишь, выпиваешь — и не расслабляешься, а только тем и занят, что следишь за ее передвижениями. Стоит ей встать — вскакивай. Если она, упаси боги, входит в комнату, где ты развалился, как тебе удобно, в креслах — опять же, вставай, кланяйся. И этот ее Эрингил — ей под стать, только он почему-то совсем не напрягается от соблюдения этикета, ну а я — другое дело, у меня от Ульбины с ее супругом все кости ноют.

— И сам ты, Саламар, все время ноешь, —

поддел его Конан. — Но в общем я с тобой согласен. Эти аристократы бывают ужасными занудами. Забавно смотреть, как они влюблются. Ты когда-нибудь имел случай наблюдать за брачными играми павлинов? Поедем в Туран. Там этих павлинов — как на поле боя ворон. Ужасно смешные!

Саламар улыбнулся.

— Избавиться от проклятия, да еще разбогатеть — разве это не счастье? Мне давно следовало сообразить, что магия иероглифов действует и на меня самого. Как ты догадался, что колдун доведет меня до крайней степени отчаяния — и тем самым освободит от проклятия?

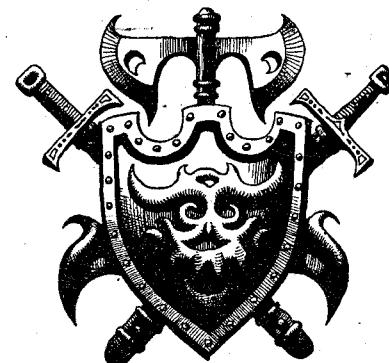
— Я много убил колдунов и хорошо изучил их повадки, — скромно сказал Конан. — Ничего больше. Когда ты наберешься опыта, ты тоже научишься решать такие загадки сходу, не особенно напрягаясь.

— Да? — сказал Саламар и ехидно прищурился. — В таком случае, почему ты ждал больше года и мучился вместе со мной, то зарабатывая, то теряя деньги — и неся повсюду смерть и разрушение?

— Ну, — отозвался Конан невозмутимо, — возможно, мне было любопытно — что еще может произойти? От жизни всегда следует ждать внезапных событий, и Конан-варвар — одна из главных неожиданностей, которые может преподнести тебе судьба.

Дмитрий Ивахнов
Наталья Баулина

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ *Страны и народы*

АКВИЛОНІЯ

«... но самое гордое королевство в мире — Аквилонія, жемчужина Запада»

Немедийские Хроники

А. — передовое хайборийское королевство, основная военная и экономическая сила на западном побережье моря Вилайет.

История

Основание А. — покрыто мраком. Согласно легенде, жрец Эпимитриус основал небольшое королевство, которое в будущем превратилось в А., что было предрешено самим Митрой. Эпимитриус предсказал, что настанут времена, когда сила Сета вновь возрастет и Великий Змей захочет покорить хайборийские народы. Сам Эпимитриус боролся с Сетом в течение двух столетий и в конечном итоге низверг Змея в бездну преисподней, но и сам погиб. Согласно легенде, его прах погребен у подножия горы Голамайры (*Golamira*), но его дух является королям А. в дни невзгод.

Другая версия основания А. Состоит в том, что А. — это часть древней Валузии и Ахерона. После того, как эти страны были разгромлены хайборийцами, коренное население смешалось с племенами хайборийцев, что и дало начало новой нации. В романе Р.Говарда «Час Дракона», в

частности, говорится, что северные части Ахерона находились в долине р. Ширки.

В течение 1200 лет, А. росла на запад, поглощая мелкие королевства. К таковым относятся Гандерланд и Пуантен. Непокорные, не пожелавшие присоединиться добровольно, попросту заевозывались с помощью меча и огня, как, например, Боссонские топи.

История А., мало отличается от истории других хайборийских государств: мятежи против заевователей, междуусобные войны, зарождение и гибель династий, эпидемии и засуха. Несмотря на это А. развивалась и расширяла свои границы. Но стратификация общества приводила к определенному гедонизму, аквилонцы постепенно становились изнеженной, утонченной нацией, ибо военные кампании затрагивали лишь профессиональных военных. Крестьяне спокойно пахали и жали, не заботясь о вражеском нашествии, щедрая земля дарила урожаи, население увеличивалось.

Через какое-то время, населением А. мог управлять самый слабый самодержец — народ был доволен и причин для восстаний не было. В 1278 г. п.п.А. , король Хаген решил расширить А. за счет пиктских земель между р. Громовой и Черной. Он разделил эту территорию на четыре части — Конаджохару (*Conajohara*), Орисконти (*Oriskontie*), Конавагу (*Conawaga*) и Чохирю (*Scohira*) — и назначил правителем каждой своего доверенного вассала. Эти нобили были обязаны предоставить земельные наделы на вверенных им терри-

ториях каждому, кто имел силы и желание удержать их и дать отпор набегам пиктов. Вскоре после этого король Вилер погиб, и данная политика стала проводиться в жизнь его племянником Нумедидесом.

Гораздо труднее было защитить водные границы. Ибо, в отличие от Боссонских Топей, имеющих в качестве естественной границы р. Громовую, широкую и полноводную, р. Черная была гораздо уже, имела более медленное течение и легко могла быть пересечена пиктскими каноэ.

Боссонцы и пикты воевали между собой тысячелетие. С тех пор, как Боссонские Топи стали частью А., то королевская власть старалась защитить своих подданных от набегов дикарей.

К счастью, пикты были разделены на тысячи племен, неспособных объединиться в единую силу. Это помогло А. постепенно очистить свою западную границу от пиктских племен и обживать эти дикие местности.

Восстание пиктов

Произошло в 1285 г. п.п.А. Возглавил в.п. пиктский колдун Зогар Саг, после того, как был захвачен и оскорблен аквилонскими пограничными отрядами. Он сумел взять в союзники вождей нескольких пиктских племен около Конаджохары, которые объединили свои силы, чтобы напасть на аквилонцев. Зогар Саг отравил несколько колодцев в форте Тусцелан, и повел пик-

тских воинов на штурм форта. Так, за одну ночь форт Тусцелан и Конаджохара были потеряны. Из 750 человек, составляющих гарнизон Тусцелана, в живых остался только один. В ту пору Конан находился в форте Тусцелан. Он первым обнаружил нападающих и предупредил об опасности поселенцев, которые вместе в аквилонскими частями сумели остановить орды пиктов, и избежать нападения на Велитриум, но Тусцелан и Конаджохара так и не были восстановлены.

После падения Конаджохары, многие поселенцы бежали в Орискони или Чохиру, но другие основали новые поселения близ форта Тхандара на Реке Боевого Скакуна, южнее Чохирь. Эти поселения впоследствии выросли в собственную провинцию Тхандара, во главе с избранным военным губернатором и только名义ально входили в состав А.

Король Нумедидес почти не обратил внимания на вновь созданную провинцию. Он не стал посыпать туда отряды и одобрил кандидатуру выбранного губернатора — Бранта, сына Дрого. Тхандарцы образовали собственную армию, назвав своих солдат рейнджерами, построили собственные укрепления и сумели выжить без помощи А..

Гражданская война (1286-1288 гг. П.п.А.)

В соответствии с феодальными обязательствами, аквилонское крестьянство вынуждено было

тяжело трудиться, чтобы обеспечивать богатые и мощные кланы своих нобилей. Несмотря на то, что многочисленные мятежи и революции меняли династии — социальная система общества оставалась незыблемой. Классовые различия в А. были гораздо жестче, нежели в других странах, например в Немедии. Дворянство А. всегда имело неограниченные привилегии по отношению к другим классам. Король Нумедидес был последним из династии тарантийских венценосцев и имел небольшой политический авторитет в правительстве. В эпоху правления Нумедидеса процветало чернокнижие, разврат, взяточничество и чинопочтание. Сам король окружил себя фаворитами, а всю имперскую власть сосредоточил в руках колдуна Туландра Ту. Фактически, Нумедидес был безумен, что объясняло его противоречивые действия. Туландра Ту сумел создать обширную сеть собственной тайной полиции, поэтому аквилюонские нобили, чрезвычайно недовольные происходящим, вынуждены были соблюдать строгую конспирацию.

В 1286 п.п.А., Конан вернулся в Тарантию герцогом Конаджохары. Со временем его авторитет стал мешать многим дворцовым фаворитам, осуществлять свои интриги и Конан был подложно обвинен в измене и после королевского суда заточен в Железной Башне, откуда он сумел сбежать и тайно покинуть Тарантию.

Несмотря на то, что Нумедидес не имел поддержки ни у дворянства, ни у народных масс, никто из благородных нобилей не сумел бы най-

ти союзников, чтобы выступить против законного короля и свергнуть его. Равно, как никто из нобилей не имел достаточно авторитета, чтобы возглавить мятеж. Все хорошо помнили, чем закончился бунт Фельона Таурэнского, случившийся вскоре после гибели короля Вилера (см. К.Грант, Н. О'Найт «Конан — полководец», в рус.пер. «Псы войны»). Но Конан пользовался всеобщим уважением, как герой Конаджохары и идеально подходил на роль вождя. Видя это, к нему примкнули дворяне южных областей, под предводительством Троцера графа Пуантенского; духовенство, недовольное развитием антимитрианских культов (Дексите); и частично, армия. Началась борьба за аквилюонскую корону. Конан нашел сокровища Траникоса и, благодаря обретенным средствам, смог начать формировать армию на юге Пуантена и в Зингаре.

В стране произошел раскол — половина аквилюонцев поддержала Конана, другая половина — Нумедидеса, главным образом из-за того, чтобы не допустить восшествия на трон чужеземного варвара. Некоторые дворяне тайно поддерживали Конана, но публично сохраняли нейтралитет, умышленно сообщая Нумедидесу ложные сведения о численности и дислокации войск Конана. Но, с течением времени, к Конану примкнули даже Черные Драконы, личная гвардия короля.

Туландра Ту обрушил мощь своего колдовства против Конана. Казалось, сама природа борется против Освободителя — ураганы сверхъестественной силы мешали продвижению освобо-

дительной армии. Многие новобранцы (особенно крестьяне) дезертировали, испугавшись колдовства. Однако в 1288 п.п.А., Конан тайно прибыл в Тарантию с небольшим отрядом. Он сумел войти во дворец и задушил Нумедидеса прямо на ступенях трона и провозгласил себя королем Аквилонии. (см. Л. Спраг де Камп «Конан Освободитель», в рус.пер. «Под знаменем Черных Драконов»)

Современная ситуация

Положение Конана все еще неустойчиво. Хотя его контроль над Пуантеном и Западной Маркой бесспорен. Однако многие провинции видят в лице Конана узурпатора-варвара, бесчестно занявшего трон Тарантии. Враги А. неустанно следят за событиями в этой стране. Так, Немедия крайне не заинтересована в усилении власти Конана. Она готовит военные отряды в поддержку законным претендентам на трон. Коф и Шем относятся лояльно к новому королю и собираются признать его полномочия. Стигия, как всегда, занимает выжидательную позицию.

Враги и союзники

Союзники А. — Аргос и Офир. Но хайборийская политика инициирует определенные разногласия у трех стран по политическим вопросам. Поэтому на дипломатическом поприще эти страны занимают определенную оппозицию, по отношению к А.. Зингара не является союзни-

ком, но поддерживает дружеские отношения со своим северным соседом, ибо недостаточно сильна, чтобы воевать за приграничные земли. Но и А. не проявляет своих интересов к аннексированию приграничных земель у Зингары и увеличении своей территории в юго-восточном направлении. Врагов у А. множество. Прежде всего — это Немедия и Коф, страны, оспаривающие у А. лидерство на западном континенте. Недоверчиво относится к А. и Шем, а феодалы Пограничного Королевства настроены по отношению к А. воинственно, поскольку большую часть их составляют изгнанники из А. Однако, наиболее серьезный враг — Стигия, и вражда происходит на религиозном уровне, ибо А. — оплот Митры, а Стигия — Сета.

География

А. ограничивает на западе р. Громовая. На север, королевство доходит до лесистых холмов Киммерии. На востоке, А. граничит с Немедией. На юге, р. Тайбор и р. Алимана отмечают границу с Офиром и Зингарой. В А. умеренный континентальный климат. Большое количество пахотных земель, многие из которых находятся в ведении крупных феодалов. Это заставляет вольных крестьян искать новые земли на западной границе А. В центральной А. леса гуще, нежели в Боссонских Топях, Гандерланде и Западной Марке. На западной границе лесной массив становится практически непроходимым.

Географический справочник

Алимана — река, отмечаяющая границу между А. и Зингарой.

Амилия (*Amillia*) — баронство, разграбленное Валерием Шамарским. Хозяин, барон Тиберий, был изгнан Валерием в 1293 п.п. А. Тиберий продолжал бороться с узурпатором и был убит Валерием в 1294 п.п.А. в ходе сражения с войсками Конана.

Атталус (*Attalus*) — баронство на юго-востоке А. Атталус один из наиболье крупных торговых и культурных центров в А. Барон Дион Толстый, кузен короля Нумедидеса, который управлял Атталусом, публично принес присягу Конану, но на деле был одним из зачинщиков Бунта Четырех, пытавшихся убить Конана. Впоследствии Атталус был отдан во владение генералу Паллантиду.

Боссония, Боссонские Топи — область, граничащая между центральной А. и Пустошами Пиктов. Они простираются по пиктской границе от Киммерии на севере, до Зингары на юге. Недавнее расширение на запад поместило Западную Марку между Боссонскими Топями и Пустошами Пиктов, но, тем не менее, Боссония и на сегодняшний день все еще остается форпостом между пиктами и А.

Велитриум (*Velitrium*) — столица Западной Марки, находится в Конаджохаре. Велитриум стоит на западном берегу р. Громовой и представляет собой единственное оставшееся поселение в Конаджохаре, после пиктского восстания в 1286 п.п.А.

Гандерланд (*Gunderland*) — северная область между центральной А. и Киммерией. Ранее Гандерланд был суверенным королевством, но в 787 п.п.А., присоединился к А., предпочитая дать феодальное обязательство, нежели воевать и истреблять собственный народ. Однако гандерланцы (гандеры) до сих пор рассматривают себя как полунезависимое государство, а гандерландские наемники присутствуют в армиях многих хайборийских королевств.

Западная Марка (*Westermark*) — область между Пиктскими Пустошами и Боссонскими Топями. Разделена на несколько областей из которых наиболее крупными являются Конаджохара (*Conajohara*), Орисконти (*Oriskontie*), Конавага (*Conawaga*) и Чохира (*Schohira*) (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»). На территории Западной Марки протекают р. Громовая, Черная, Боевого Скауна, Кинжалная. Три последних -мелководны.

Имирус (*Imirus*) — графство, которым управляет граф Гильом (*Guilaime*).

Карабан (*Karaban*) — графство в А. Обедневший Карабан восстал и его граф Карлик Волма-

на, стал одним из участников Бунта Четырех; погиб в попытке убийства Конана в 1288 п.п.А. (см. Р.Говард «Феникс на мече»).

Кваньяра (Kwanyara) — форт, самая южная граница Тхандары (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»).

Койяга (Cojaga) — поселение в Западной Марке (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»).

Конавага (Conawaga) — самая большая, богатая, и наиболее плотно заселенная область в западных областях А.. Барон Брокас Торх (Brocas Torh) управлял Конавагой в течение Тражданской войны, и вынудил область поддерживать Нумедидеса (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»).

Конаджохара — северная область Западной Марки. Конаджохара была узким клином, вбитым в дикую местность. Основанная в 1280 п.п.А., Конаджохара лежит между Северными и Южными Ручьями, примерно за девятнадцать лиг до того, где они впадают в р. Черную (западная граница). Север земли и юг Коджанохары представляет собой непроходимое болото; Форт Тусцелан охранял западную границу. На востоке, Конаджохара заканчивается фортом Велитриум на р. Громовой. Конаджохара была потеряна в ходе пиктского восстания в 1286 п.п.А.

Кормон (Kormon) — баронство в А. Король Нумедидес, назначил его повелителя, барона

Хасперуса Кормонского губернатором Чохирь. Хасперус принял пост губернатора, но затем вернулся в свои собственные земли. В 1287 п.п.А. боролся на стороне Конана против Нумедидеса.

Куатен (Couthen) — графство, которым правит граф Монарго.

Лор (Lor) — баронство в А. Подробного описания нет.

Монара — графство в А. Подробного описания нет.

Орискони, Орискония (Oriskonie) — самая северная точка провинции Западная Марка.

Оссар — река, на юге А., впадающая в Хорот. На слиянии р. Оссар и Фури находится город Шикас. (см. Д.М.Робертс «Конан — негодяй», в рус.пер. «Город негодяев»).

Пеллия (Pellia) — провинция в А. Подробного описания нет.

Пуантен, Пойтайния (Poitain) — самая южная провинция А., граничит с Офирем и Зингарой. На севере она ограничена горами, на западе и юге р. Алимай, и на востоке р. Хоротом. Пуантен — холмистая теплая местность, в которой много садов и даже растут пальмы. Граф Троцеро Пуантенский один из приверженцев Конана. Несмотря на лояльность Пуантена большинство аквилонцев не доверяет южанам. Между А. и Пуантеном было немало гражданских войн, а

1257 г. п.п.А. войска под предводительством Трочера осадили Тарантию.

Раман (Raman) — графство на границе Гандерланда.

Тайбор (Tybor) — река, по которой проходит граница между А. и Офиром.

Тандар — форт в Западной Марке, на р. Бовевого Скауна.

Тарантия — столица А., большой, окруженный стенами город, на отмелях р. Хорот. Тарантия знаменита не только как большой культурный и торговый центр, но и как место содержания аквилонских политзаключенных, которых на протяжении последней тысячи лет содержали в Железной Башне.

Тауран — область в северо-западной А., с севера ограничена р. Ширкой, с востока Боссонскими Топями, с юга Гандерландом. Тауран — земля «просторных рощ и залитых солнцем лугов», пересекающихся с редколесьем. Большинство населенных пунктов Таурана расположено в лесах. Тауранцы считают себя защитниками державы, наподобие боссонцев и гандеров, несмотря на то, что не являются приграничной областью. Боссонцы презрительно называют тауранцев «бычеглазой деревешиной, не знающей леса». В Тауране водится много диких животных, но наиболее часто встречаются олени и лесные пантеры.

Торх (Torh) — баронство в А. Барон Брокас Торхский был направлен в Западную Марку в область Конавага. Барон поручил губернатору управлять от его имени и вернулся в родное поместье. Активно поддерживал Конана в борьбе против Нумедидеса.

Туна (Thune) — графство в А. Граф Аскалант Тунский возглавлял Бунт Четырех в попытке убийства короля Конана в 1288 г. п.п.А. (см. Р.Говард «Феникс на мече»).

Тусклан (Tuscelan) — форт, самая восточная точка Конаджохары. Располагается на берегу р. Черной, между Северными и Южными Ручьями.

Тхандара (Thandara) — область на границе Западной Марки. Тхандара была основана беженцами из разрушенной Коджанохары, стремившимися обрести свободу от феодального гнета (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»).

Фури — река, на юге А., впадающая в Хорот. На слиянии р. Оссар и Фури находится город Шикас. (см. Д.М.Робертс «Конан — негодяй», в рус.пер. «Город негодяев»).

Хорот — река, текущая с северо-востока А., на юг к Тарантии, затем на юго-запад к Пуантуну и Аргосу.

Чондара (Schondara) — столица Чохиры (см. Р.Говард, Л.Спрэг де Камп «Волчий рубеж»).

Чохира, Шохир (Schohira) — самая маленькая область Западной Марки (см. Р.Говард, *Л.Спрэг де Ками «Волчий рубеж»*).

Шамар — графство на юго-востоке А. Граничит с Аргосом, Кофом и Офирем.

Шикас — город на юго-востоке А., находящийся между Тарантией и Шамаром. (см. Д.М.Робертс «Конан — негодяй», в рус.пер. «Город негодлеев»).

Флора и фауна

А. — сельскохозяйственная держава, имеющая тысячелетний опыт земледелия. В А. выращивают пшеницу, ячмень, овощные культуры. А. поля вспахиваются вручную или на быках, поскольку аквилонцы не знакомы с лошадиным хомутом и не используют лошадь, для пахоты.

Леса используются больше как естественные парки, что особенно распространено на востоке А. Хищные звери уничтожаются, а животные, пригодные для охотничьих забав: олени или кабаны, напротив, разводятся. В западных лесах еще встречаются дикие звери — пантеры, волки, медведи и рыси. Леса на Западе, особенно на границе с пиктами, практически не исследованы.

Экономика

Основное богатство А. составляют древесина, зерно и рогатый скот. Имеются небольшие зале-

жи железной руды, олова и меди; изредка встречаются драгоценные металлы и камни. А. практически не производит собственных товаров, но благодаря оживленной торговле с другими странами на рынках А. избыток всевозможных товаров.

Общество

Аквилонцы выше среднего роста, астенического телосложения (худощавы, с длинными конечностями) и долихоцефальным (вытянутым) строением черепа. Антропометрия городских жителей несколько отличается, т.к. из-за малоподвижного образа жизни они часто бывают склонны к полноте.

Цвет кожи изменяется в зависимости от провинции. Так, гандерландцы, в основной массе, имеют светло-каштановые волосы и серые глаза, и по сложению больше всего похожи на хайборийцев. Боссонцы среднего роста, широкоплечие, крепкого телосложения, эти признаки они получили в наследство от коренных боссонских племен, обитавших здесь еще до хайборийского вторжения.

Аквилонцы — типичная хайборийская культура, находящаяся под сильным влиянием митрианского фундаментализма. Это гордая, свободолюбивая, благородная нация. Города А. по архитектуре и устройству напоминают средневековые города юго-западной Европы. В них процветает свободная торговля, поощряемая государством.

Однако представители любых промыслов, будь то ремесло или торговля, обязаны исправно платить налоги в казну местного нобиля.

Культура и традиции

Аквилонцы имеют простые нравы и не склонны чрезмерно преувеличивать собственные притязания и усложнять жизнь громоздкими правилами этикета. Возможно, это объясняется высоким уровнем pragmatизма, но, тем не менее, способствует развитию определенной демократии. Так, низкорожденный крестьянин имеет право требовать правосудия у самого короля. Определение степени родства — унилатерально, т.е. определяется только по одной (мужской) линии. Старший сын, является будущим преемником главы рода, наследуя титул и земли. Если нобиль имеет только дочерей, то муж его старшей дочери становится наследником его титула и собственности. Если благородный нобиль умирает, не оставив после себя наследников, или его дочери не состоят в браке, то его братья, кузены и пр. тщательно исследуются на предмет передачи титула и наследства до тех пор, пока не отыщется подходящая кандидатура, которую утверждает сам король.

Хотя дворянская кровь достаточное основание, чтобы унаследовать феод, все же ее наличие не может служить достаточным основанием, чтобы вступить в право собственности. Так, нобиль

осмелившийся выступать против короля, или попросту находящийся в опале рискует тем, что после его смерти (а порой и при жизни) все его поместья и земли будут конфискованы Короной. Хотя чаще всего такие меры могут быть проведены в жизнь только при помощи военного вмешательства. Поэтому, может случиться так, что прямой наследник, по усмотрению монарха может быть заменен героем войны, крупным политическим деятелем или просто одним из дворцовых фаворитов. Монархи А. любят использовать родовые поместья и земли, как награду за хорошую службу или выполнение ответственного задания.

Государственная власть

Теоретически, король А. управляет страной единолично, а графы и бароны проводят его волеизъявление на местах. Так, например, каждый нобиль содержит собственные боевые отряды, которые он обязан передать монарху в случае войны. Правосудие между дворянами также вершил сюзерен.

На практике, все обстоит гораздо сложнее. Размеры А. не позволяют королю вникать во все проблемы и напрямую контролировать нобиля на местах. Поэтому, зачастую местные владыки игнорируют приказы из Тарантии и продолжают это делать до тех пор, пока король не вышлет войска для усмирения. Вражда между феодала-

ми и государственной властью развивается быстро, и военные действия иногда делятся целые поколения. Отдаленные области А., видимо за счет своего месторасположения, постоянно провозглашают независимость и рассматривают себя как самостоятельные государства, не подчиняющиеся Тарантии. Так, стоит взойти на государственный трон (Трон-Рубин, Рубиновый Трон) достаточно мягкому сюзерену, как в Пуантене, Гандерланде и Боссонии сразу же усиливаются центробежные тенденции, которые нарастают до тех пор, пока к власти не приходит более жестокий владыка и не наводит порядок на окраинах государства.

Области Западной Марки, практически суверенны, хотя формально подчиняются А. и управляются губернаторами и Земельными Советами.

П р а в о

В А. правосудие на местах вершат нобили. В каждой провинции действуют свои законы, но чаще всего решение на суде зависит от личного мнения феодала, нежели от правовых норм. В качестве свидетельства принимается все: донос, показания, полученные под пыткой и пр. Описаны случаи, когда подсудимый давал крупную взятку нобилю, чтобы он решил тяжбу в его пользу.

Если подсудимый или осужденный преступник неудовлетворен решением суда, он может

обращаться вверх по феодальной лестнице, подавая прошение в письменной форме.

Несмотря на то, что вина или невиновность установлена судьей, решение о наказании может длиться бесконечно долго.

Наказания сильно разнятся для разных сословий. Так, измена, призыв к бунту и убийство дворян карается обезглавливанием. Воровство у простолюдина требует тройной выплаты стоимости украденного; но вору или браконьеру, принесшему ущерб благородному нобилю, могут отрубить руку или повесить. По гражданским делам чаще всего назначается восстановление ущерба и в редких случаях штрафы, в целом суровые наказания и пытки не характерны для правосудия А.

Р е ли г и я

Подавляющая часть населения А. поклоняется Митре. Другие культуры в А. практически не встречается. Хотя имеются немногочисленные приверженцы восточных богов, в том числе вендийского Асуры и некоторых шемитских божеств. Часть религиозных культов запрещено в А. Так, приверженцы Сета изгоняются из страны. Древняя нагуальная вера пиктов, рассматривается как «демоническая». В истории А. не было королей, поклоняющихся другим богам, кроме Митры.

В о р у ж е н н ы е с и л ы

А. обладает одной из самых лучших армий в мире. В ней есть все типы регулярных войск, включая конницу. А. армия славится хорошей подготовкой — многие воины имеют значительный ратный опыт, приобретенный в Западной Марке или на северо-западных границах. Боссонские Топи прославились своими стрелками, а Гандерланд — тяжелой пехотой.

Я з ы к

А. язык относится к хайборийской семье. На западе имеются примеси зингарского, на северо-востоке: немедийского и офирского. Восточный аквилонец может свободно общаться в этих странах. Южане свободно говорят на зингарском и аргосском. Лишь западные земли ограничены в языковом влиянии.

И м е н а и н а з в а н и я

Большинство аквилонских имен напоминают романские: *Атталус* (*Attalus*), *Бантус* (*Banthus*), *Бараккус* (*Baraccus*), *Виллер* (*Vilerus*), *Декситея* (*Dexitheus*), *Дион* (*Dion*), *Люциан* (*Lucian*), *Публий* (*Publius*), *Сервий* (*Servius*), *Тиберий* (*Thyberius*), *Тусцелан* (*Tuscelan*), *Флавий* (*Flavius*), *Хадратус* (*Hadrathus*), *Эмилий* (*Emilius*), *Эпий* (*Ereus*), *Юния* (*Junia*). Пуантен-

ские имена испытывают влияние зингарских традиций, и похожи на итальянские: *Гонзальвио* (*Gonzalvio*), *Просперо* (*Prospero*), *Троцеро* (*Trocero*), и т.д. Фамилии встречаются редко, но есть люди, которые добавляют к имени прозвище: Дион Толстый или имя отца: Эмилий, сын Флавия. Боссонские и гандерландские имена имеют свою специфику и напоминают германские. В западных районах имя не употребляется без имени отца (*Ион, Галстерса сын; Голт, Хагарса сын; Отхо Корма сын и пр.*)

АНТИЛИЯ

А. — цепь о-вов в Западном Океане. Вероятно, эти о-ва остатки затонувшей Атлантиды. А. — замкнутая, локальная культура, полностью изолированная от Хайбории.

А. описана в романе Л. Спрэга де Кампа «Конан-островитянин». В других местах Саги она не встречается, хотя Атлантида и другие протокультуры упоминаются достаточно часто.

И с т о р и я

А. — последняя часть древнего о-ва атлантов, находившегося в Западном Океане неподалеку от древней Турании. Атлантида была мощной и высокоразвитой цивилизацией далеко превосходящей по уровню развития современную Хайборию. Она управлялась жрецами, исповедующими культ демонических существ Полной Ночи.

Одна из жреческих фракций поклонялась Черному Ксотли (в рус. пер. Хотли) (*Xotli*), Владыке Ужаса, чьи жрецы приносили ему в жертву рабов, вывезенных с континента.

За тысячи лет до рождения Конана, сейсмические толчки погрузили Атлантиду на дно Западного Океана, и, несмотря на то, что рельеф морского дна с того времени не раз изменялся — остров атлантов так и остался погребенным под толщей вод. Еще до катастрофы немало его жителей переселилось на побережье Турании. Но малочисленные колонии не смогли сохранить культуру — находясь в постоянных сражениях с пиктами они постепенно дичали и скатывались к варварству.

Священники Холти сбежали в А. на гигантских летающих судах. Кроме них уцелела еще одна группа атлантов, улетевших на загадочный континент Майяпан.

Прибыв на А., атланты столкнулись с автохтонами — разрозненными племенами маленьких темнокожих дикарей с раскосыми глазами. Поработив коренное население, атланты основали город Птахуакан (*Ptahuakan*) (в рус. пер. Птаукан) и воскресили культ Черного Холти.

Возрожденная жреческая власть позволила выходцам из Атлантиды сохранить остатки цивилизации. Служители Холти на тех же летающих лодках предприняли несколько экспедиций на континент, надеясь отыскать уцелевших со-племенников, но, вскоре вернувшись, никого не обнаружив. Атлантида погрузилась в пучину

вод, а Турания был слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать найти там кого-то оставшихся в живых. У жрецов оставалась последняя надежда на милость демона Холти, которого они неустанно молили возродить их погившую державу.

Но воссоздать цивилизацию не удалось — слишком мало атлантских магов и мудрецов выжили после чудовищной катастрофы. Шли годы, былие технологические секреты постепенно забывались, страна неуклонно скатывалась к варварству.

А чудовищное божество требовало все новых человеческих жертв и население А. уменьшилось на глазах. Чтобы отыскать новые места для охоты на людей, жрецы вызвали излучин Хаоса Красные Тени — крылатые демонические существа, доставлявшие человеческие души в жертву Черному Холти, чтобы утолить его голод.

Вскоре обитатели Майяpana поняли, что источник появления Красных Теней (Теней Ужаса) находится в Западном Море. Но они стояли на низкой стадии развития и не имели ни технологии, ни магии, чтобы противостоять как Красным Теням, так и кораблям антилийцев, совершившим регулярные рейды в поисках жертв для своего кровавого божества.

Поэтому предпочли спастись бегством и откочевали в глубь континента, в дикие, неизведанные земли.

Современная ситуация

Истошающиеся источники жертв заставили решиться жрецов Холти на отчаянные меры. На время, они успокоили аппетиты бога, отдав ему соплеменников. Но это сулило только временную отсрочку. Тогда священники вынесли на обсуждение Иерараха новый план — послать корабли на восток, и, в поисках рабов-варваров, высадить десант на побережье континента. Эта мера встретила сопротивление со стороны Верховного Жреца, но т.к. он стар, то, вероятно, после его смерти преемник осуществит этот проект.

Враги и союзники

А. полностью изолирована от контактов с Хайборией. Она не имела ни врагов, ни союзников до первого столкновения с выходцами с континента. За время налетов Теней Ужаса она приобрела двух активных врагов — Аквилонию и Аргос.

География

А. представляет собой цепь, состоящую из семи больших островов, которые образовывают, на юго-восток от Майяпана. Острова находятся приблизительно в 3 000 милях западнее аргосского побережья. Антилийские о-ва — коралловые рифы, поднявшиеся над поверхностью моря в результате тектонической активности земной коры. Поэтому на них нет полезных ископаемых, в

частности, железной руды. Антилийцы изготавливают свое оружие, и доспехи из закаленного стекла. Такое оружие чрезвычайно остро, хотя и страдает повышенной хрупкостью.

Географический справочник

Майяпан (Mayapan) — далекий западный континент, мельком упоминающийся в Саге. Вероятно, так называется американский материк, где находится цивилизация протомайя и одичавшие остатки атлантов.

Птаукан (Ptahuacan) — единственный город в А.. Он представляет собой «...серию плоских наклонных ступеней-уровней...», крутые улицы, сбегающие вниз, соединены между собой лестницами. Нижние ярусы занимают простолюдины, верхние — жречество.

Архитектура Птауакана — атлантская. «... даже самые современные города <Хайбории> не могли сравниться с массивными очертаниями величественных храмов и с кропотливо обработанными мельчайшими деталями барельефов. Фантастический зиккурат на центральной площади, увенчанный великолепным храмом, не уступал по размерам пирамидам Стигии и вызывал в памяти зловещие контуры некоторых мрачных культовых построек Шема. Он, должно быть, возводился тысячами рабов многие века. Площадь ограничивали убегающие вдаль ряды

скамей, они поднимались вверх, ступенька за ступенькой вокруг пирамиды и могли бы вместить тысячи зрителей...».

Ранее численность населения Птауана составляло сотни тысяч людей. Но со временем визита Конана оно существенно сократилось из-за обильных жертв злому божеству.

К л и м а т

Климат А. — тропический, океанический, влажный. Летом часты циклоны, приносящие урон о-вам. Зимы — теплые, без снега и льда.

Ф л о р а и ф ау н а

В А. — лиственые и вечнозеленые тропические леса, которыми о-ва покрыты практически полностью. Обитают двуногие нелетающие птицы и большие динозавроподобные рептилии. Млекопитающие полностью отсутствуют.

Моря вокруг А. изобилуют рыбой многих разновидностей и морскими членистоногими: омарами, крабами, лангустами. Антилийцы на маленьких судах занимаются промыслом устриц. Около побережья водятся гигантские акулы и осьминоги, которые часто нападают на пловцов. Но, несмотря на опасности, этот промысел процветает, т.к. морепродукты — основная пища для антилийцев.

Э к о н о м и к а

В А. — натуральное хозяйство. Торговля между А. и континентом отсутствует. Хотя не исключено, что со временем она станет возможной, т.к. жители А. имеют ряд товаров, имеющих большую ценность на континенте: стекло, оперение тропических птиц, жемчуга.

О б щ е с т в о

Основу антилийского этноса составляют потомки атлантов, смешавшиеся с низкорослым и темнокожим местным населением. Современные антилийцы среднегороста, худощавого телосложения, со смуглой кожей, черными волосами, узкими глазами, выпуклыми лбами и крючковатыми носами.

Культура антилийцев обогатилась новыми чертами, заимствованными у иммигрантов. На протяжении 4 000 лет сложилась принципиально новая цивилизация, базой для которой стала культура атлантов. Ассимиляция произошла потому, что полное возрождение культуры атлантов невозможно, из-за отсутствия железа и других металлов. Жрецы до сих пор используют уцелевшие изделия атлантов, преимущественно те, что были изготовлены из загадочного сплава — орихалка, т.к. он, в отличие от большинства других металлов не подвержен коррозии.

Многие технологии утеряны навсегда, хотя некоторые механизмы атлантов все еще доступ-

ны для производства. К их числу можно отнести т.н. судно-призрак; шлем, для дыхания под водой; огнеметы и пр.

А. управляется Верховным Жрецом Холти — Иерархом, ему подчиняются остальные священнослужители.

Традиции

Постоянная угроза быть принесенными в жертву Холти деморализует жителей А. и отражается на их психике, инициируя состояние апатии, безучастного отношения к окружающей действительности. На улицах Птаукана прозывают грабежи и убийства. «... антилийцы казались ... людьми вялыми, униженно-покорными, с остекленевшими, ничего не выражавшими глазами и испуганными лицами...». Жрецы подозревают, что Черный Холти подпитывается энергией местного населения, постепенно поглощая их жизненную силу.

Право

Закон в А. просты — те, кто не повинуются приказам жрецов, приносятся в жертву. В любом споре между священниками слово Верховного Жреца — Иерарха остается последним.

Несмотря на то, что жрецы усиленно распускают слухи, что А. о-ва — единственная земля в Мировом Океане, в А. нередки случаи побега. Для того чтобы воспрепятствовать этому, вокруг

побережья постоянно патрулируют корабли-драконы Морской Охраны. Попытки к бегству пресекаются успешно, но, несмотря на Морскую Охрану, некоторым жителям все же удается бежать. Неизвестно, каков процент беженцев остается в живых и достигает Майяпаны, а, сколько из них погибает, пытаясь отыскать затонувшую Атлантиду.

Религия

Антилийцы поклоняются Холти, Владыке Ужаса, демону Полной Ночи. Другие религии в А. неизвестны.

Вооруженные силы

Большую часть антилийской армии составляют средняя пехота, а также Воины Огня, вооруженные неким подобием современных огнеметов. Но, т.к. А. не имеет внешних врагов, то армейские части используются в качестве внутренних войск — для поддержания порядка. В святилищах имеется Храмовая Охрана — небольшие отряды тяжеловооруженной пехоты.

Язык

Язык А. — «гортанный и свистящий». Он произошел от языка атлантов, смешанного с примитивными местными наречиями. Исторически он взаимосвязан с хайборийской ветвью языков, его

корневая система ближе всего соотносится с современным киммерийским. Письменность А. — иероглифична. Возможно, она заимствована из Майяпана, поскольку атланты использовали идеографическое письмо.

И м е н а и н а з в а н и я

Названия А. напоминаютprotoамериканские (майя) или египетские: *Итира* (*Itzra*), *Катлаксос* (*Catlaxoc*), *Метемфос* (*Metemphos*), *Хатупеп* (*Hatupep*) и т.д. Эти названия, по-видимому, произошли в результате слияния атлантской культуры, чьи номинативная система языка напоминалаprotoегипетскую с местной языковой средой, сильно зависящей от культуры Майяпана.

АП

А. — разбойничья страна, живущая исключительно набегами на соседние народы, упоминается в романе Г. Эйлата «Бич Нергала». Страна переживает эпоху так называемой военной демократии: классовое расслоение почти не прослеживается, союзными кланами правит выборный вождь или вожди (соправители), для которых успехи в грабительских походах — главный залог благополучного пребывания у власти.

И с т о р и я

В период становления Когира и Нехрема (приблизительно за два с половиной века до

прихода Конана в эти страны) одно из племен южных гирканцев, кочевавших по необозримым просторам гирканских степей, поселилось в непосредственной близости от своих родичей — будущих нехремцев. Для них отпала необходимость перегонять стада в поисках новых пастбищ — разбойничьи налеты на соседей позволяли кое-как сводить концы с концами. А с появлением Великого Пути Шелка и Нефрита выросла и добыча, и разбой стал бытовой нормой. Со временем сложилась религия и мораль, не только целиком оправдывающие, но и восхваляющие такой образ жизни, возник миф о богоизбранности правоверного апийца-разбойника, о его превосходстве над всеми иноземцами.

С о в р е м е н н а я с и т у а ц и я

Соправители А., братья Каи-Хан и Авал-Хан, чуть ли не от рождения ненавидят друг друга, но дальше мелких пакостей заходить не смеют — закон суров, и тот, кто прикончит своего соперника, будет жестоко наказан. Другое дело — опозорить недруга, подорвать его авторитет, — в таких случаях уже можно требовать его отстранения от власти. Вторжение в Нехрем, инспирированное королем Агадеи, для Каи-Хана заканчивается печально: он опозорен и искален. Дни его сочтены, поскольку брат ни за что не упустит своего шанса. Войско недовольно обожими правителями и склоняется к досрочным перевыборам. Царь Нехрема и подвассального ему

Когира Токтыгай надеется раз и навсегда покончить с апийским бандитизмом, как только оправится от вторжения степняков и агадейской горной гвардии.

Г е о г р а ф и я

А. — длинная и узкая полоска солончаковой степи, лежащая субширотно севернее Гимелийских гор и граничащая на юге с Нехремом и Когиром, а на востоке с Агадеем. На западе и северо-западе страну окаймляет необитаемый хребет Овечья Гибель. По территории А. совершенно произвольно разбросаны шесть нищих городков и полторы дюжины селений, непременно окруженных высокими и прочными стенами; столица Кара-Ап ничем не отличается от других апийских городов.

К л и м а т

На всей территории А. климат аридный (засушливый), очень резки суточные перепады температур. С севера, из гирканских степей, часто приходят суховеи.

Э к о н о м и к а

Промышленность отсутствует, если не считать сезонной добычи соли на нескольких горько-соленых озерах на востоке страны. Это своего рода концессия, о которой не ведают соправители А. — один из племенных вождей тайком до-

говорился с агадейцами напрямую, и теперь телеги с солью уходят в Междугорье. Единственный источник доходов в казну — военная добыча, носящая трогательное название «милостыни Иштар». Вожди наиболее независимых племен (опять же тайно, вопреки правительенным и религиозным запретам) иногда берут выкуп за пленных или продают их в рабство за границу. Примечательна изобретательность малочисленных апийских ремесленников — не имея постоянных источников сырья, они вынуждены утилизировать всякий хлам, добытый в бою. Апийскому кузнецу ничего не стоит перековать орало на меч, шорнику — смастерить седло из кожаных подметок и т.п.

О б щ е с т в о

Апийская нация неоднородна, — в разных кланах разные обычаи. Объединяет их только общая цель — пожива за счет соседей. Религия запрещает апийцам держать рабов, и эта роль закономерно достается женщинам. Детей мужского пола чуть ли не с рождения готовят к войнам, учат презирать человеческую жизнь — как чужую, так и свою.

П р а в о

Попытки разных правителей создать действующие кодексы успехом не увенчались, зато оказались стойки стихийно возникшие законы: «во-

инской чести» (действуют в армии), «суд Иштар» (гражданский суд), и «суд ножа» (свод правил, регулирующих межклановые отношения, в том числе и закон кровной мести). Вожди нации избираются по принципу, заимствованному у стигийцев: претендент должен пройти выдержать испытания на физическую силу и боевую выучку; того, кто не сдает «минимум правителя», жестоко казнят.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Служба в армии — дело добровольное. Легкая апийская конница очень боеспособна, ни в чем не уступает грозным армиям гирканских наездников. В сражениях вовсю использует маневр, от столкновений с тяжелой кавалерией, как правило, уклоняется. Когда опасность угрожает апийским городам, правители спешно создают ополчение, в том числе и пешие войска.

Р е ли г и я

Иштар апийцев — богиня войны и распри, в успешных набегах воины вспоминают о том, что она покровительствует и плотской любви. Ей приносятся человеческие жертвы, жрецы ее культа малочисленны, но влиятельны.

Я з ы к

Апийцы говорят на гирканском языке с южным акцентом. Переход к оседлости очень обед-

нил их словарь — из него выпало множество понятий, а новых пришло мало.

И м е н а и н а з в а н и я

Напоминают монгольские и семитские (*Кай-Хан, Авал-Хан, Ияр, Нулан*).

АРГОС

А. — одна из юго-западных держав Хайбории, имеющих выход к Восточному Океану. С запада А. граничит с Зингарой, с востока с Шемом, с юга — Офирем и Аквилонией.

А. не описан подробно в «Саге», хотя отдельные удачные описания аргосских законов, можно встретить, в рассказе Р. Говарда «Королева Черного Побережья», действия аргосских владык описываются в романах Л. Спрага де Кампа «Конан Освободитель» (в рус. пер. «Под знаменем Черных Драконов») и «Конан — островитянин» (в рус. пер. «Тени ужаса»).

И с т о р и я

А. был основан в первый период хайборийского нашествия (приблизительно в 117 п.п.А.). Начальный период его развития был связан с отражением постоянных набегов шемитских и южно-аквилонских племен.

Позже, А. пытался завоевать восточную часть Зингары, но был остановлен хорошо обученной зингарской армией. Походу на запад помешали также леса на границе, густо населенные лесными вампирами. Эти существа нанесли аргосским войскам существенный урон.

Впоследствии владыки А. обратили свои взгляды на северо-запад. Цель военной кампании состояла не столько в расширении своих владений, сколько в захвате лесистых местностей, пригодных для заготовки древесины, которая планировалась сплавляться по р. Хорот. А. преуспел в этом начинании, подчинив себе предгорные области южной Аквилонии (территория современного Пуантена). Вскоре аргосцы смогли строить суда из собственной древесины и создали знаменитый аргосский флот.

Построение флота позволило А. расширить свои морские владения. Со временем мореходы А. получили репутацию самых опытных во всей Хайбории. Их умения ценились выше зингарийских.

Однако Зингара не хотела отдавать даже малую толику своего морского господства, отчего, в течение последней тысячи лет, между ней и А. проходили постоянные морские сражения. Каждая сторона хотела уничтожить корабли соседей и стать единоличным хозяином Восточного Океана. Однако, труднопроходимые прибрежные воды, а также отсутствие навыков в построении тяжеловооруженных судов у обеих сторон, свели на нет эффективность этих кампаний.

На суще А. неоднократно воевал против Офира, Шема и Стигии. Несмотря на то, что это были не затяжные войны, а скорее пограничные конфликты, за аргосцами закрепилась репутация вспыльчивой и агрессивной нации.

За последние столетия А. традиционно поддерживает добрососедские отношения с Аквилонией и особенно Пуантеном. Однако, когда политическая обстановка в Аквилонии стала накаленной А. четко продемонстрировал свое полное политическое равнодушие и политику невмешательства в дела сопредельной державы. Известно выражение аргосского короля Мило: «только глупец осмелиться сразить аквилонского льва».

Современное состояние

В настоящий момент король Мило обеспокоен усилением политической роли аквилонского владыки Конана. Естественно, что А., находящийся в добрососедских отношениях с Пуантеном, предпочел бы видеть на тарантийском троне уроженца этих мест, в частности, графа Троцера.

Враги и союзники

А. — постоянный союзник Аквилонии, особенно Пуантена. Офир и города-государства западного Шема, также поддерживают А., чьи речные баржи обеспечивают эти государства, не име-

ющих выхода к морю, товаром и грузами. Наиболее выраженный враг А. — Зингара, долгие годы войны сделали из народов А. и Зингары непримиримых врагов, коим недоступны великолодушные чувства по отношению друг к другу.

Г е о г р а ф и я

Границы А. определяются Восточным Океаном с юга, лесами вампиров (Зингара) с запада, р. Алимана и Пуантеном с севера, и холмами Кофа и пустошами Шема с востока. На юго-западе А. имеет тонкий выступ земли, напоминающий палец, который проходит по зингарскому побережью и упирается в р. Громовую. Этот отрезок земли предмет извечных территориальных споров между Зингарой и А.

Наиболее плодородные области А. лежат в долине реки Хорот, которая заполнена плодовыми садами, и дубовыми лесами. Именно оттуда древесина поступает на верфи А. На побережье А. расположено много гаваней. Многие из их коммерчески нежизнеспособны, но король поддерживает их, только для того, чтобы усложнить продвижение зингарских судов в прибрежных водах и не давать возможности швартоваться кораблям пиратов.

Области восточного А. граничащие с Шемом — холмистые пустоши. Восточный А. почти не населен, т.к. эти местности засушливы и вода может поступать только из артезианских колодцев.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Мессантия — столица А.. Расположена в устье Хорота и является крупным морским портом. В ней расположены большие верфи для починки судов и корабли из Зингары и Стигии часто прибегают к услугам аргосских корабелов. Мессантия, как и любой портовый город не отличается порядком и благопристойностью наров, хотя положение сильно изменилось, когда в 1310 г. п.п.А. король Ариостро взошел на трон А. Он сумел навести порядок в столице и теперь воистину можно сказать, что «...даже девственница может не опасаясь гулять ночью по портовым кварталам...».

Хорот — главная река А. Хорот берет начало в Аквилонии, и впадает в Восточный Океан. Хорот слишком мелководен, чтобы по нему могли проходить океанские корабли, но пригоден для судоходства плоскодонных барж, которые и обеспечивают основной товарооборот между Пуантеном, Офиром и северо-восточным А.

К л и м а т

В долине р. Хорот климат влажный, с избыточными осадками, прохладный летом. Ежегодные разливы р. Хорот увеличивают число пахотных земель. Вне долины, климат менее приятен. Прибрежные города страдают от наводнений, в

то время как восточный А. изнывает от постоянных засух.

Экономика

Основная промышленность А. — судостроение. Дубовые леса являются отличным материалом для киля и корпусов кораблей. Добывающая промышленность практически не развита, а полезных ископаемых едва хватает на собственные нужды. Основной источник дохода — грузоперевозки по р. Хорот.

Общество

Аргосцы — типичные хайборийцы, с примесью зингарской и шемитской крови. Они смуглые, с толстыми, вьющимися тёмными волосами и короткими, коренастыми телами. Культура А. — характерна для Центральной Хайбории, хотя в восточном А. к ней примешиваются шемитские традиции.

А. правит король. Основные социальные слои общества: дворянство, рыцарство, купечество, духовенство, военное чиновничество, медицина, служащие, горожане, крестьяне, рабы.

Закон

Аргосские судьи назначаются дворянством. Большинство гражданских дел решается с помощью судов. Они не имеют никаких ограничений

относительно казней, сроков заключения или пыток.

Религия

Жители А. исповедуют культ Митры, хотя среди жителей восточного А., особенно разбойников встречаются приверженцы шемитского культа Бела, Бога Воров. Местами встречаются поклонники Сета. По-видимому, это верование занесено стигийскими мореходами.

Вооруженные силы

А. в основном имеет наземные войска, которые достаточно разнообразны. Имеется легкая и средняя конница, пикинеры и небольшие отряды тяжеловооруженных пехотинцев. Несмотря на то, что А. имеет репутацию воинственной державы, ее армия не слишком хорошо обучена, так как набирается в основном из молодежи, которой нужно немало времени, чтобы набраться боевого опыта. Флот А. также комплектуется сухопутными отрядами. Так на каждом военном корабле обязательно присутствует отряд легких пехотинцев и пикинеров. Подобная тактика не раз демонстрировала свою целесообразность и позволила оспаривать господство Зингары на море.

Язык

Аргосский язык относится к хайборийской языковой семье и напоминает западные наречия

аквилонского языка, с рядом заимствований из зингарийского и шемитского. Аргосцы полилизыческая нация — многие свободно владеют зингарийским и шемитским, а то и обоими языками сразу. Аргосский язык является интернациональным средством общения среди моряков Восточного Океана.

И м е н а и н а з в а н и я

Имена А. напоминают современные итальянские, такие же имена характерны и для Пуантина: *Aриостро* (*Ariostro*), *Мило* (*Milo*), *Публио* (*Publio*), *Страбо* (*Strabo*), *Фабио* (*Fabio*).

БАРАХСКИЕ ОСТРОВА

«... добрая половина вольных пиратов Восточного Океана нетвердым шагом важно прогуливались по булыжным переулочкам Алого Тортажа с тугу набитыми золотом кошельками, раздувшимися от вина и эля животами и с сердцами, в которых вспыхивали и разгорались вожделение и варварская жестокость...»

Л. Спэг де Камп «Конан-островитянин»
(в рус. пер. «Тени ужаса»)

Б.О. — международная база пиратов Восточного Океана. К этим «волкам морей» презрительно относятся все без исключения моряки от

Зингары до Шема. Пираты платят им сторицей, ненавидя любую нацию и храня верность лишь самим себе, своему капитану и Островам. Конан впервые присоединяется к барахским пиратам в канун своего тридцатилетия и проводит вместе с ними несколько лет. Некоторые данные о Б.О. приводятся в рассказах Р. Говарда «Драгоценность в чепре» и «Заводь Черного Демона», но ни в одном произведении они не описываются подробно.

И с т о р и я

Согласно легенде, Б.О. были открыты аргосским корсаром Ригелло в 1137 г. п.л. А. Две могущественные морские державы — Зингара и Аргос назначили огромное вознаграждение за его голову и военные корабли прочесывали все побережье в поисках логова пиратов. Это вынудило капитана Ригелло искать убежища в открытом море и, к западу от зингарского побережья, и он обнаружил небольшой архипелаг, который назвал Барахас. На неизвестных островах имелись в наличии деревья со съедобными плодами, пресная вода, дичь и несколько небольших бухт, которые можно было использовать как гавани. На одном из них Ригелло заложил поселение, которое назвал Алый Тортаж (*Red Tortuga*).

Ригелло оставался на Б.О. почти год и только потом возвратился на материк, где набрал новую команду и вернулся к своему прежнему занятию. Но теперь, в случае опасности, он мог легко скрыться на Б.О.

Естественно, что местонахождение архипелага недолго оставалось тайной. Пираты не сумели удержать язык за зубами и скоро слава о Б.О. разнеслась по всем портовым тавернам побережья. Не прошло и года, как Б.О. стали приютом для пиратов всех стран и народов.

В политическом смысле Б.О. не имеют статуса государства, а являются межнациональной общиной флибустьеров, именующих себя Красное Братство. Аргос и Зингара не раз предпринимали попытки уничтожить пиратские базы, но флибустьерские порты сосредоточены на многих островах архипелага и чтобы нанести по ним одновременный удар требуется большой и хорошо вооруженный флот. Но ни одна морская держава не рискует даже временно увести флот и оголовить свои водные пространства, зная, что их кровожадные соседи не преминут воспользоваться неожиданным преимуществом. Случайные карательные экспедиции на Б.О. не принесли ощутимых результатов и архипелаг и по сей день является постоянной угрозой для прибрежных держав Хайбории.

Современная ситуация

Пираты Б.О. постоянно подвергаются преследованиям со стороны военного флота Зингары и Аргоса. Недавно, король Фердруго Зингарский поклялся, очистить Б.О. от пиратов и приказал заложить четыре новых верфи, на которых будут изготавливаться суда специально для войны

с пиратами. Время покажет успешность этих начинаний как и то, сумеют ли зингарские корабли уничтожить вольную Тортаж или их останки будут покоятся на дне Восточного Океана.

Враги и союзники

Союзников у пиратов нет, а к врагам можно отнести экипаж любого военного или торгового судна, т.к. Красное Братство ненавидят мореходы всей Хайбории. Пиратский корабль, обнаруженный на водных просторах будет с радостью уничтожен любым военным судном — зингарским, аргосским, шемитским или стигийским.

География

Б.О. — крупный архипелаг, состоящий из 13 островов, вулканического происхождения. Их площадь колеблется в размере от одной, то шестидесяти кв. миль. Острова имеют маленькие бухты, пригодные для стоянки одного-двух судов, лишь гавань Тортажа имеет огромные размеры — в ней могут разместиться около сорока зингарских галеонов. Большая часть поверхности Б.О. — гористая местность. Горы практически не изучены, их флора и фауна практически неизвестна. В тавернах Тортажа часто можно услышать рассказы о жутких существах, обитающих там и о душераздирающих криках, доносящихся по ночам с вершин.

Географический справочник

Алый Тортаж (Тортуга) — центральное поселение Б.О., нейтральный порт, законы которого запрещают любые проявления межнациональной и межгосударственной вражды.

Тортаж славится тем, что в его тавернах можно увидеть, как вместе пьют заклятые враги, которые с удовольствием потопили бы друг друга, доведись им встретиться в открытом море. Зингарские правители не теряют надежды, что конкуренция среди пиратов в конце концов уничтожит Тортаж, но это представляется маловероятным. Как говорят старые букиньеры «даже с Черным Кракеном можно жить в мире». (РВО).

Черный Остров, — изолированный остров в Восточном Океане, на котором находятся древние руины загадочной цивилизации, существовавшей еще до погружения Атлантиды.

Климат

Низменности Б.О. бесплодны и засушливы, хотя весной в местах застывшей лавы встречаются гейзеры. Высокогорные области обладают повышенной влажностью. Но дождь редко достигает предгорий — стоку воды мешает сложный рельеф, сформированный застывшей лавой.

Флора и фауна

Хотя Б.О. традиционно считаются необитаемыми, на них имеется некоторая животная жизнь. На Б.О. много птиц различных видов, есть грызуны, в горных районах обитают дикие козлы. Но основной вид промысла на Б.О. — рыбная ловля. На Б.О. есть ряд завезенных животных, в том числе крупные собаки, которые, одичав, представляют большую опасность не только для животных, но и для людей.

Общество

Пираты Б.О. большей частью выходцы из Аргоса, что объясняется по-видимому тем, что первооткрывателями этих земель были аргосцы. Помимо них Б.О. населяют выходцы из Аквилонии, Зингары, Киммерии, Куша, Немедии, Нордхайма, Стигии, Шема. Основные профессии, определяющие и стратификацию общества Б.О. — это врач, навигатор, владелец грузовых судов, вольный моряк. Распространено рабство и работторговля. На Б.О. мало женщин. Все они привезены с материка. Чаще всего это подруги капитанов или жрицы любви на улицах Тортажа. Основной вид заработка — проституция или прислуживание в тавернах. Некоторым такая работа позволяет скопить немного денег, и им удается вернуться на материк, но большинство лишено возможности заработка и умирают с голода.

П р а в о

Власть на Б.О. поддерживается капитанами пиратских судов. Как таковых законов не существует. Чаще всего основной аргумент в споре — меч. Споры разрешаются в схватке.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

На Б.О. есть части нерегулярной пехоты, мобилизуемой с экипажей кораблей, находящихся в момент начала боевых действий в порту.

Я з ы к

Язык Б.О. — морской жаргон, основанный на аргосском языке с заимствованиями из разных языков от народов Черного Побережья до Зингары. Зачастую, капитаны используют собственные шифры (устные и письменные) для ведения судовых журналов и проведения секретных совещаний с офицерами.

И м е н а и н а з в а н и я

На Б.О. почти нет рождаемости, а те немногие, кто родились здесь обычно нарекаются аргосскими именами, в дань памяти капитана Ригелло.

БРИТУНИЯ

И с т о р и я

Одна из самых нищих и малоразвитых стран Хайборийского мира, Б. мало изменилась со времен Конана-киммерийца. Жизнь здесь словно застыла, не претерпев существенных улучшений за прошедшие 450 лет. Основанная беженцами со всех краев Хайбории, Б. по-прежнему далека от цивилизации, здесь процветает лишь едва прикрытое маской приличий варварство и дикость. Особенно это характерно для северо-восточной и восточной Б., в Кезанкийских предгорьях и в районе Граскаала. Неплодородные почвы и суровый климат, препятствующие развитию сельского хозяйства, превратили местные поселения в разбойничьи становища, благодаря чему эта местность считается крайне опасной для путешествий. Впрочем, нужда странствовать в этих глухих местах возникает у хайборийцев крайне редко: здесь нет ни караванных путей, ни крупных городов, ни каких-либо достопримечательностей.

Централизованная власть, крайне слабая в Б., практически не распространяется на восточную половину страны. Впрочем, и на Западе она носит скорее номинальный характер.

История Б. со времен Конана представляет собой сплошную череду мелких междоусобиц, крестьянских волнений, не переходивших гра-

ниц одной-двух деревень, столь же незначительных стычек между удельными князьями. Какая бы то ни было централизованная политика здесь отсутствует: единственной целью верховного правителя всегда являлись попытки максимально долго продержаться на троне, хоть как-то пополнить вечно пустующую казну и урвать от жизни возможно больше удовольствий — покуда корону не отнимет более сильный и успешный претендент. Беззаконие, ставшее нормой жизни в Б., давно уже привело к забвению всяческих указов о престолонаследии: формально, верховный правитель избирается советом ирлов^{*} (удельных князей). На деле, смена власти чаще всего проходит путем заговора и убийства предшественника.

Ни один из правителей Б. за всю ее историю не сумел проявить себя хоть сколько-нибудь серьезно на общехайборийской политической арене. Не удивительно, что даже их имена летописи для нас чаще всего не сохранили. В анналах остались лишь короли, прославившиеся крайней жестокостью по отношению к подданным, такие как Форан-Змей и Тируд Огненноглазый.

Правители Б. никогда не вели борьбу с колдунами, даже когда «война огня и магии» бушевала по всей Хайбории. Однако если беглые чернокнижники и искали здесь убежища, то весьма ненадолго: нищей, полудикой стране нечем было привлечь даже опальных магов.

Эпидемии «желтой смерти», трижды прокатившиеся по Западному миру, также затронули

Б., но лишь весьма в незначительной степени, чему способствовала разобщенность поселений и отсутствие постоянных связей между населенными пунктами.

Современная ситуация

В настоящее время правителем Б. является Виран Бритунский, очередной немощный властитель на шатком троне королевства. Занятый исключительно пирами и самыми низкопробными развлечениями, он практически не интересуется государственными делами, оставляя их на откуп продажных советников и властолюбивых ирлов. При первых же признаках угрозы со стороны гиркацев, король Виран поспешил подписать капитуляцию, фактически отдав страну на разграбление диким племенам степняков. Однако нищая Б. представляла лишь весьма ограниченный интерес для захватчиков, использующих ее как перевалочную базу для нападений на Немедию и Коринфию.

Союзники и противники

Б. не имеет серьезных врагов и не воюет много лет. Должно быть потому, что не воспринимается соседями, как страна могущая представлять серьезную военную или экономическую угрозу. Король Б. обычно имеет разногласия с властителями Немедии и Коринфии по вопросу беглых

рабов, но эти разногласия слишком мелки для того, чтобы развязывать войну. Южные и западные границы Б. слабо защищены и на часть территории Б. предъявляют притязания Замора, Коринфия и Немедия. Однако они не предпринимают никаких шагов, для аннексии пограничных территорий. После завоевания Гирканией, Б. фактически прекратила существование как самостоятельное государство.

К л и м а т

В Б. холодный климат. Северная Б. заснежена, большей частью это относится к территориям предгорий Граскаала. Центральные равнины подвержены сильным ливням, причем осадки выпадают в основном летом и осенью, что еще более сокращают сельскохозяйственный сезон, и так небольшой из-за холодного климата.

Э к о н о м и к а

Основные занятия бритунцев — овцеводство и разведение крупного рогатого скота. В западной части страны разводят рожь и ямень. Методы ведения хозяйства остаются крайне примитивными, хотя в отдельных областях делаются попытки внедрения более передовых технологий, заимствованных в Немедии и Коринфии. Полезных ископаемых очень немного. Ремесла также развиты слабо, даже в городах. В основ-

ном, это кузнечное, кожевенное и гончарное дело, а также ткачество. Однако изделия бритунских умельцев весьма примитивны и из-за низкого качества не пользуются спросом на внешнем рынке.

О б щ е с т в о

Современные бритунцы происходят от смешения хайборийцев с местными племенами. Хайборийцы были коренастыми, темноволосыми и напоминали современных шемитов. Древние бритунцы, напротив, — высокими, светлокожими и белокурыми. Современные бритунцы среднего роста, коренасты, светлокожи и белокуры. Большинство бритунцев живет в маленьких селениях, хижины которых плетутся из лозы и обмазываются глиной. В центральных регионах эти деревни находятся в лесных рощах, в то время как в северо-восточной горной местности, они располагаются на карнизах скал, в которых выдолблены ступени для людей и лошадей. В плодородных центральных равнинах, процветает сельское хозяйство, а в горных районах жители живут охотой. Женщины следят за домом, занимаются ткачеством и воспитанием детей. Бритунская вдова переходит в собственность брата ее погибшего мужа, а за неимением такового возвращается в собственную семью. Для большей части хайборийцев бритунцы — неизменный объект для шуток. Бритунские мужчины считаются неотесанными мужланами, а женщи-

ны покорными и забитыми простушками (по крайней мере, во многих хайборийских манускриптах встречается именно такие образы).

Государственная власть

Центральная Б. поделена между древними родами ирлов, которые юридически подчиняются бритунскому королю, но фактически независимы от его власти. Это разделенное лидерство причиняет много неудобств Б. и сильно осложняет государственную торговлю.

Бритунские нобили чаще всего находятся между собой в состоянии постоянной вражды. Специфика бритунского образа жизни не позволяет феодалам иметь многочисленные армии, но тем не менее каждый из них имеет несколько хорошо вооруженных дружин, в чьи обязанности входит охрана стад и дома своего господина. Естественно, что это не способствует увеличению государственности Б. и сплочению ее в единое централизованное государство.

Б. можно лишь с большой натяжкой отнести к цивилизованным странам. Лишь юго-западная часть страны, граничащая с Немедией, переняла у последней некоторые культурные традиции. Местным правителям практически удалось ликвидировать разбойничьи шайки в своих владениях, сделав жизнь относительно безопасной, а также внедрить передовые методы земледелия. Между ирлами и подвластными им крестьянами

не существует непреодолимой границы, как в Западной Хайбории: практически, правитель является главой сельской общины и зачастую живет не в замке, а в таком же доме, что и остальные жители деревни.

Однако он не принимает участия в сельскохозяйственных работах, осуществляя военное и политическое руководство.

На северо-востоке страны власть построена по патриархальному принципу — там не имеется наследования титулов, а функции власти осуществляются старейшинами.

Старейшина выполняет роль судьи в спорах между селянами, но и тогда чаще всего его решения должны быть поддержаны большинством голосов.

Религия

В центральных районах Б. поклоняются Митре, хотя встречаются туранские и заморийские культуры. В деревнях чаще всего поклоняются богине природы Виккане. Б. была одной из первых стран Хайбории, где начал возрождаться культ Зверобогов. На территории страны можно встретить храмы, посвященные Вепрю, Рыси и Оленю. Однако, в отличие от других стран Хайбории, здесь практически отсутствует вражда между старыми и новыми культурами, поскольку все они одинаково слабы и имеют лишь ограниченное число приспешников.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Король Б. держит небольшие отряды легкой и средней инfanтерии, однако они плохо обучены и комплектуются из новобранцев. Селения обычно защищают себя сами и поэтому бритунские крестьяне могут рассматриваться как части нерегулярной пехоты. Это удобно тем, что любой крестьянин естественно не откажется защищать собственную землю, но в отличие от солдата ему не надо платить за службу, и не приходится тратиться на обмундирование и продовольствие. В связи с этим, за сравнительно короткий срок бритунская власть может поставить под свои знамена огромное количество вилланов. Слабая сторона такой армии в том, что она пригодна только для обороны.

Я з ы к

Бритунский язык результат слияния хайбрайских наречий с оригинальным языком автохтонов. Однако, многие бритунцы свободно говорят на заморийском, кофийском и немедийском.

И м е н а и н а з в а н и я

Бритунские названия напоминают кельтские: Аэлрик, Буданекия, Виран, Годтан, Тируд, Форан, Харал, Элдрэн, Элландун и т.д.

ВЕНДИЯ

И с т о р и я

История В. берет начало со времен Великой Катастрофы, когда, в результате жестоких землетрясений необитаемый Вендейский п-ов столкнулся с материком. Было ли это столкновение причиной катаклизма, или лишь одним из его бесчисленных последствий, на сегодняшний день установить достоверно, не представляется возможным. Это событие положило начало многим изменениям, произошедшим в результате преобразований земной коры. Прежде всего, превратились в неприступную гряду Гимелийские (*Himelian*) горы, и тогда же возникло королевство Меру. Во вторых, образовалась обширная территория, что могла служить убежищем беглецам, спасавшимся от харийских захватчиков. На протяжении нескольких веков беженцы расселялись по Вендейскому п-ову, возводили города и поселения. Племена, обитавшие здесь, не имели контактов с другими народами, поэтому вендейская культура развивалась в полной изоляции. Затем этот край был захвачен гирканским племенем кшатриев. Они впервые появились на северо-востоке В., в районе нынешней Косалы, и принялись поглощать один за другим существовавшие города-государства, распространяя область своего влияния на юг и на запад по всему п-ову. Долгое время В. представляла собой единое госу-

дарство, которым правили родовитые кшатрии: такой она была во времена Конана.

Однако, спустя приблизительно полстолетия положение изменилось. Наследникам дэви Жазмины не удалось сохранить страну в целости. Разросшиеся и укрепившиеся провинции, такие как Вираталама, Чинанда и Пурата, все более настойчиво требовали независимости и наконец получили ее во времена правления меҳараджуба Куршати. Их примеру последовали Читавирья и Хастина, а также другие, более мелкие княжества: единожды начавшийся процесс распада было уже не остановить. В результате, под властью меҳараджубов Вендии осталась практически лишь бывшая столица державы Айодхъя с окружающими землями.

За период распада последовал неизбежный этап войн между новообразованными государствами, проолжавшийся, в общем и целом, около двух столетий. Основным отличием вендейских междуусобиц от подобных войн на Западе Хайбории явилось то, что здесь борьба велась чаще всего тайно, с использованием лазутчиков, кодунов и внутренних сил, противостоящих режиму, и гораздо реже — в честном бою, на полях сражений. Это вполне отвечает характеру вендейцев — не слишком воинственных, однако склонных к интригам и всевозможным хитростям.

В результате двухвековой борьбы на территории бывшей В. (впрочем, по привычке вся эта территории и во времена Рыжей Сони продол-

жала называться именно так) образовались следующие основные государства: на севере — Вираталама (подчинившая себе Пурату), Читавирья (объединившаяся с Чинандой) и Пешкаури. В центральной части — Айодхъя, превратившаяся ныне в захолустное княжество, бережно лелеющее память о прошлом величии, и Хастина. Юг В. представляет собой скопище крохотных разрозненных уделов, княжеств и городов-государств, беспрестанно воюющих между собой. Наиболее значительными из них являются Кастьяпа, Джатарья и Айравата.

Во времена Рыжей Сони внутриполитическое положение в В. можно было считать относительно стабильным при достигнутом балансе сил и интересов между отдельными государствами, однако, как и прежде, вендейцы не утратили любви к интригам, заговорам и дворцовым переворотам. Не чащаются они прибегать и к помощи колдовских сил, хотя Черный Круг значительно утратил силу, по сравнению с эпохой Конана. Теперь чародеи опираются скорее на страх, который внушает людям их искусство, нежели на реальные магические таланты.

Современная ситуация

По отношению к странам Запада, в первую очередь, к Турану, вендейцы издавна питали стойкую неприязнь, отчасти замещанную на зависти. Именно это и подтолкнуло некоторых вендейских правителей оказать помощь гиркан-

цам, когда те обратились к ним. Помощь была оказана как золотом, так и оружием (которым издавна славились вендейские мастера), а также тактическими советами, весьма пригодившимися затем гирканцам при ведении военных действий в Хайбории. Было бы ошибкой полагать, что без помощи В. гирканское нашествие могло бы не состояться, однако такое содействие значительно облегчило им задачу.

Вендейские правители рассчитывали при этом получить часть добычи гирканцев — однако надежды на щедрость бывших союзников не оправдались. Едва набрав силу, степняки поспешили завоевать бывших союзников! Особенно быстро это удалось им в северных княжествах. Однако центральные районы еще долгое время оказывали упорное сопротивление. В этом им немало помогло и то, что основные силы гирканцев были стянуты на Запад.

В настоящее время противостояние гирканцев и вендейцев продолжается. Северные княжества превращены в развалины. Айодхъя держится из последних сил, Хастина также близка к падению. Как только они прекратят сопротивление, завоевание В. станет для степняков делом дней, ибо разрозненные южные княжества не смогут дать им достойный отпор.

Враги и союзники

Основным противником В. стал ее недавний союзник — Гиркания, к несчастью, слишком си-

льный враг, чтобы вендейцы могли достойно ему противостоять. Вендейцев погубила их самоуверенность и внутренние раздоры, помешавшие княжествам объединиться даже перед лицом внешней угрозы. Отчасти вендейские правители полагались и на магию, которую привыкли считать послушным и надежным инструментом в своих руках — однако пробудившиеся Зверобоги, которые вели за собой степные племена, оказались сильнее, и Черный Круг не сумел защитить своих бывших покровителей..

География

В. представляет собой п-ов треугольной формы, лежащий между Косалой (*Kosala*) и Кхитаем, к югу от Гимелианских гор. Климат в В. тропический, часть территории покрыта непроходимыми джунглями. Почва полуострова плодородна, если не считать каменистых Гимелийских предгорий. В В. хорошо развито сельское хозяйство, процветает шелкопрядение и ткачество, особенно славятся местные ковры. На севере в рудниках добывают медь, золото и железо. На южном побережье существуют порты, однако торговля большей частью идет по суше.

Флора и фауна

Вендейские джунгли имеют богатую флору и фауну. В изобилии водятся слоны, тигры, пантеры, шимпанзе, гориллы и газели. Много разно-

видностей птиц. В предгорьях на севере водятся яки, которых приручают местные жители.

Экономика

В. славится травами, специями, сандаловым деревом, нефритом, перламутром, а также украшениями тонкой работы и невиданной красоты. Широко развито кузнечное и оружейное дело: специфически украшенные вендийские кинжалы и короткие кривые сабли славятся в Гиркании, Туране и даже на Западе Хайбории.

Однако подлинной основой экономики является, разумеется, земледелие. Чрезвычайно плодородные почвы и благодатный в большинстве районов климат позволяют снимать до трех урожаев в год.

Общество

Общество В. жестко стратифицировано, и состоит из классов-каст. Во главе государства стоит каста ученых-правителей, именуемых брахманами и состоящих из потомков знатных гирканцев-завоевателей. Ниже следует каста воинов-кшатриев, также гирканского происхождения, которые возглавляют и служат в армии; еще ниже — вайши, горожане и ремесленники, составляющие основу экономики В.; и, наконец шудры, крестьяне, самая многочисленная каста из всех. Самое дно общества представляют неприкасаемые — парии, низкорожденные вендийцы,

на чью долю выпадает самая черная работа, в том числе уборка нечистот и обмывание трупов. Теоретически, каста определяется рождением. На практике же, за тысячелетнюю историю В. было столько меж кастовых связей, что между их членами почти не осталось внешних различий. У всех вендейцев смуглая кожа, они обычно низкорослы, крепкого сложения, строение черепа брахицефальное (круглоголовое). Кшатрии чуть выше и стройнее прочих вендейцев, их отличают крючковатые носы.

Обычаи

Вендейцы весьма искушены в двурушничестве и интригах. Поговаривают, что каждый вендиец шпионит для двух других, а иногда и больше. И все же они в лучшую сторону отличаются от кхитайцев. Кшатрийский кодекс чести, доставшийся им в наследство от гирканцев, осуждает неприкрыту ложь, и потому для большинства вендейцев обман состоит в «несказанной правде» или в столь тщательном подборе слов, что они затушевывают истину. Тем не менее, до прямой лжи вендейцы опускаются редко. Соглядатайство же, само по себе, пороком не считается, сами вендейцы о нем прекрасно осведомлены, и потому здесь признаком особого доверия считается открытая собеседнику тайна. «Истина — дар лишь для лучшего друга», так гласит вендийская пословица.

Р е ли г и я

Вендийский пантеон очень разнообразен и разобраться в обилии местных божеств не под силу чужеземцам. Асура почитается верховным божеством на большей части страны, однако со времен распада В. на мелкие княжества он отчасти утратил главенствующую роль, и его место заняли в каждом отдельном государстве местные божества, такие как Хали, богиня смерти, Агни, бог огня, Катар, бог воинов и прочие. На юге В. большое распространение получили демонические культуры. Там же возродилось и поклонение древним Зверобогам — Пантере, Тигру, Слону — однако эти культуры не получили широкого распространения.

Религии В. отличаются сложными ритуалами, основанными на древнейших текстах, и потому жрецы-брахманы пользуются здесь огромным почетом, поскольку лишь они в состоянии досконально изучить все тонкости поклонения божествам.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Основу армии вендийских государств составляет пехота. Имеется легкая кавалерия. Используются также боевые слоны. Войска хорошо обучены и отличаются дисциплиной, однако войны, которые ведут вендицы, редко бывают затяжными. В армии большое влияние имеет знать, и идет постоянная борьба за должности и влияние.

Я з ы к

Вендийский язык составляет отдельную группу в семье гирканских языков. Исторически он образовался в результате ассимиляции гирканского с разнообразными наречиями, на которых говорили некогда беглые рабы, впервые обосновавшиеся в этих краях. Современных родственных языков не имеет. На территории В. существуют многочисленные диалекты и местные наречия. Некоторые из них практически недоступны для понимания, если не изучать их особо.

И м е н а и н а з в а н и я

Вендийские имена корнями напоминают индийские: Аруна, Асита, Бриснати, Бхарад, Васуна, Гопали, Друда, Мадарукиша, Раванатха, Сурьяна, Такаш, Шикханди, и др.

ГИПЕРБОРЕЯ

«Мало найдется в истории событий, сходных в значимости с возникновением сурового и беспощадного королевства гиперборейцев, которые, отказавшись внезапно от кочевой жизни, принялись возводить каменные постройки, окруженные стенами до небес...»

Хайборийская эра

Г. является одним из двух «злых королевств» хайборийского мира — это таинственный край вечной зимы, где правят жестокие колдуны.

Г. упоминается в нескольких романах «Саги». В рассказе Р.Говарда «Воинство мертвцев» Конана берут в плен гиперборейцы. Затем он сражается с гиперборейским колдуном в романе Д.М. Робертса «Конан — победитель», спасает красавицу-гиперборейку в «Логове Ледяного Червя» Р. Говарда. И на конец, много позже, выручает своего сына Конна в «Ведьме туманов» (в рус. пер. «Гиперборейская колдунья»).

История

Две тысячи лет назад хайборийские завоеватели устремились с севера на юг, покоряя наследников Атлантиды — цивилизации уцелевшие после Великой Катастрофы. В самом начале хайборийского переселения племя, именуемое гиперборейцами, нашло убежище за наспех возведенным заграждением из неотесанных камней. Сооружение было примитивным, предназначенным лишь для того, чтобы укрыться от преследования воинов из враждебного племени. Однако именно эта стена и положила начало всей хайборийской архитектуре.

С тех пор гиперборейцы поспешили оставить ненадежные шатры из лошадиных шкур и принялись возводить каменные дома, окруженные массивными стенами. Эти примитивные «замки» позволили получить серьезное преимущество перед соседями, т.к. они служили неплохими укреплениями и позволяли гиперборейцам жить в относительном покое и постепенно набрать силу.

Со временем, гиперборейцы принялись нападать на другие племена, часть из которых покорили, а остальных вытеснили к югу. Но гиперборейцы оставались привязанными к своим крепостям — сосредоточию силы, и не сумели воспользоваться полученным преимуществом и закрепиться на завоеванных землях. Они были вынуждены остаться в своих ледяных цитаделях, и впоследствии основали гиперборейскую империю.

Защитные сооружения гиперборейцев прошли проверку на прочность за 1500 лет до рождения Конана, когда гирканские кочевники двинулись на север от моря Билайет, пытаясь завоевать северные королевства. Однако неорганизованной коннице номадов был дан жестокий отпор, и гиперборейцы невольно способствовали укреплению слабого северного фланга нарождающейся Хайбории.

Несколько веков спустя опасность надвинулась на Г. с севера. Светлокожие нордхеймцы (ваниры и асиры), заручившись поддержкой киммерийцев, выступили в поход против своих соседей. Совместными усилиями им удалось изгнать на юг остатки хайборийских племен, однако перед укреплениями гиперборейцев они оказались бессильны. Нордхейм и по сей день подвергается набегам гиперборейских работников (хотя и не в той мере, что в прошлом), и две эти народности остаются заклятыми врагами.

Асиры и киммерийцы тоже не прекращают враждовать с Г. Таким образом, у этой страны много врагов, но вообще нет союзников. Извест-

но, что таинственный орден Белой Руки поддерживает связи с аналогичными магическими сообществами — Черным Кругом и Алым Кольцом. Впрочем, немногочисленные свидетельства, просочившиеся из Г., подтверждают, что связи их ненадежны и основаны на взаимном недоверии.

Г е о г р а ф и я

Г. представляет собой «сумрачную равнину, с голыми холмами» к северу от Бритунии и Пограничного Королевства. Большую часть года там царит лютый холод, а один месяц в году вообще не восходит солнце. Небо чаше всего затянуто тучами, нередки туманы, снега и дожди.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Врата Черепа (Skull Gate) — основной перевал в Иглофийских горах, разделяющих Пограничное Королевство и Г. Начало перевала отмечает установленный там огромный череп мамонта без клыков, украшенный надписью на гипербoreйском: «Врата Гипербoreи — это Врата Смерти для тех, кто пройдет через них непрошеным». Надпись эта заставляет повернуть назад многих случайных искателей приключений.

Похиола (Pohiola) — гипербoreйская крепость, где правит ведьма Лухи, королева-жрица Г. Лухи

является главой Белой Руки, и гипербoreйцы считают ее воплощением богини смерти.

Сигтона (Sigtona) — гипербoreйская крепость. Асиры скальды утверждают, что Сигтоной правит жестокая королева-ведьма, питающаяся человеческой кровью.

Халога (Haloga) — гипербoreйская крепость, где правит королева Вамматар. Конан был взят в плен халогцами, когда спасал дочь вождя асиров.

Ф л о р а и ф ау н а

На бесплодных равнинах Г. водятся водки, в горах обитают пещерные медведи. Через территорию Г. происходит миграция стад северных оленей, мускусных быков и мастодонтов, на которых охотятся местные жители.

О б щ е с т в о

Гипербoreйцы высоки ростом и невероятно худощавы, у них бледная кожа, сланцево-серые волосы и зеленые глаза. Правители гипербoreйцев живут в каменных замках, но большинство обречены селиться в крошечных лачугах и обрабатывать бесплодную почву. Эти сервы являются остатками покоренных гипербoreйцами племен, они живут в постоянном страхе перед колдунами-правителями.

Гипербoreйские цитадели поражают взор своим грубым величием. Они сложены из каменных

блоков, подогнанных и отполированных так, чтобы не образовывать ни малейших уступов. Стены, украшенные зубцами и башнями, бывают до пятнадцати метров в высоту и толщиной в двадцать шагов, что придает крепости приземистый вид. В стенах прорезаны окна и бойницы, расположенные достаточно высоко, чтобы препятствовать доступу в цитадель, но обеспечивающие удобное положение для стрельбы обороныющихся. Окованные железом ворота защищены стальными опускными решетками и украшены охранными рунами, образованными узором из вбитых гвоздей.

Власть в Г. принадлежит жрице Лухи, происхождение которой считается божественным. Ниже ее по статусу жрецы-колдуны, члены Белой Руки, воины и убийцы. Остальные жители находятся практически на положении рабов.

З а к о н ы

В Г. правит Белая Рука — группа колдунов, схожая со стигийским Черным Кругом, или Алым Кольцом в Кхитае. Колдуны Белой Руки являются жрецами Лухи. Их магия черпает энергию из холода и направлена на власть над мертвыми. Гиперборейских магов высоко ценят на северных пустошах, но не слишком жалуют в остальной Хайбории.

Помимо занятий магией, Белая Рука содержит наемных убийц, готовых по ее приказу ис-

полнить задание в любой части света. Эти убийцы носят черные одеяния и плащи с капюшоном, а на лице — плоскую белую маску, прозрачную со стороны глаз, но снаружи абсолютно непроницаемую, что создает впечатление, будто у носящего ее нет лица. Оружием им служит деревянная палка с двумя стальными яйцеобразными сферами на концах, предназначенными для ударов по нервным окончаниям, что приводит к обездвижению, ранению или смерти жертвы. Уверяют, что эти убийцы отличаются большой подвижностью и ловкостью.

Р е л и г и я

В Г. нет собственного пантеона богов. Ее жители поклоняются Лухи.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Армия гиперборейцев состоит из одной пехоты и обладает хорошей выучкой. При необходимости колдуны оказывают пехоте магическую поддержку.

Я з ы к

Гиперборейский язык ведет начало от наречия древних гипербореев и не носит ни малейших следов языка атлантов или кхарийцев, присутствующих во всех других языках Хайбории. Письменность руническая, алфавитно-иерогли-

фическая. Большинство гиперборейцев неграмотны.

Имена и названия

Гиперборейцы носят имена в финском стиле: *Вамматар* (*Vammatar*), *Ильга* (*Ilga*), *Камойнен* (*Kamoinen*), *Лухи* (*Louhi*).

ГИРКАНИЯ

«Гиркания, чьи всадники обряжены в сталь,
золото и шелк».

Немедийские хроники

Г. лежит на бескрайней поросшей травой равнине, простирающейся от моря Вилайет до самого Кхитая. Населяют гирканские степи кочевые племена, подобные средневековым монголам.

Происхождение гирканцев описано в статье Р.Говарда «Хайборийская эра». Краткие упоминания о гирканцах встречаются повсюду в «Саге», однако лишь в романе Д.М.Робертса «Конан — грабитель» (в рус.пер. «Дикая орда») они описаны достаточно подробно.

История

Когда океан поглотил Лемурийские о-ва, немногие уцелевшие нашли пристанище на восточ-

ном побережье Туранского (Thurian) континента. Там они были обращены в рабство кхарийцами (Khari). За 1500 лет притеснений лемурийская культура была полностью уничтожена. Те, кто осмеливался восстать против кхарийцев, были принесены в жертву демонам; большинство же предпочли прозябание в рабстве вечным мучениям души. Со временем они утратили даже память о своем происхождении и превратились в гирканцев (что означало «жители востока» на кхарийском языке). Постепенно кхарийская культура пришла в упадок, рабы восстали и уничтожили ненавистных господ. Те из кхарийцев, кому удалось спастись, бежали на запад, основав там Стигийское государство.

Переселение гирканцев

Некоторое время племена Г. сражались друг с другом на развалинах кхарийской цивилизации. Но постепенно бывшие рабы смешались с оставшимися аборигенами и начали продвигаться к западу, подобно тому как, в тот же период, мигрировали на западе хайборийцы. Гирканцы расселились в восточных степях, создав воинственную кочевую культуру. Те племена, кто соглашались платить им дань, входили в состав обширной гирканской империи, остальные безжалостно уничтожались. Через 2500 лет гирканцы достигли границы степи у восточного берега моря Вилайет. Ими было сделано несколько попыток

обойти Вилайет с севера, однако попытки эти были пресечены гиперборейцами.

Тарим и Эрлик

Фигурой первостепенного значения в гирканской истории является Тарим, гирканский проповедник, осуществивший труднейший поход в Патению.

Вернувшись оттуда в 1072 г. п.п.А., он провозгласил себя пророком огненного божества Эрлика и повел многочисленные гирканские племена в поход на плодородные земли к югу от Вилайета. Там последователи Тарима захватили шемитские и йезмитские поселения и основали королевство Туран. В 1092 г. п.п.А., когда Тарим исчез (согласно легенде был призван Эрликом), Туран уже был процветающим государством. В настоящее время гирканцы представляют серьезную угрозу для хайборийского господства на западе.

Хайборийцы видят в Туране (и стоящих за ним гирканских племенах) опасного врага, однако все же не настолько грозного, чтобы ради этого прекратить бесконечные междоусобные войны и начать объединяться. Исследования показывают, что это станет для них роковой ошибкой, ибо спустя пятьсот лет после смерти Конана хайборийцы будут побеждены окончательно, и их мечи уступят место пиктским копьям и гирканским пикам.

Современная ситуация

Гирканские племена продолжают неуклонное движение на запад. Однако времена меняются, и если прежде кочевникам всегда были рады в Туране, то теперь пропасть между воинами-номадами и их оседлыми, более цивилизованными сородичами значительно увеличилась. Гирканцы созвали уши-каган (см. ниже), чтобы вновь завоевывать Туран, вырвав власть из рук изнеженных единоверцев.

Так, если туранцам не удастся найти мирное решение конфликта, возможно, им придется защищать некогда захваченные силой земли от своих же соплеменников.

Враги и союзники

Гирканцы находятся в добрососедских отношениях с королевством Кусан (Kusan) и Тураном. Относительный мир установлен у них со степными торговыми городами и с племенами дикарей к северу от Вилайета.

Некоторые гирканские племена знают о существовании королевства Меру, но в большинстве своем они недоверчиво относятся к горцам. Кхитайцы, укрывшиеся от кочевников за Великой Стеной, а также вендинцы и косальцы равнно презирают гирканцев, считая их дикарями, грабителями и убийцами.

Г е о г р а ф и я

Гирканская степь представляет собой неправильной формы квадрат со стороной около 1200 миль. С запада плато ограничено морем Вилайет, с востока — Великой Кхитайской Стеной. На юге его границей являются Талакмийские отроги Гимелийских гор, на севере же степь простирается вплоть до субарктических пустошей.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Букроша (Bukhrosha) — торговый город на караванном пути из Турана в Кхитай, населенный потомками гирканцев и вендийцев. Он находится недалеко от Кхитая, основная статья дохода города — специи, которые здесь обрабатывают и затем продают в огромных количествах.

Вухуанская пустыня (Wuhuan Desert) — бесплодная область в восточной Г., простирающаяся от южной оконечности озера Хо до восточной границы Вендии.

Лакмashi (Lakmashi) — торговый город на караванном пути из Турана в Кхитай, также населенный гирканцами и вендийцами. Лакмashi именуют также «Городом Серебряных Врат». Это город ювелиров. И хотя качество работы местных мастеров уступает турanskим, здесь не столь

высоки налоги, поэтому у местных мастеров нет недостатка в заказчиках.

Луланскоe плато (Loulan Plateau) — равнина в восточной части Г.

Маликта (Malikta) — торговый город недалеко от Лакмashi. В отличие от лакмийских золотых и серебряных дел мастеров, местные ювелиры обрабатывают, в основном, драгоценные камни.

Патения (Pathenia) — область вечного холода к северу от Г., где живут чудовищные люди-обезьяны.

Согария (Sogaria) — самый западный город степей, к северу от туранской границы. Используя кхитайские шелка и вендийские красители, местные ткачи весьма преуспели в создании изысканных тканей, высоко ценимых туранской и хайборийской знатью.

Ф л о р а и ф ауна

На обширных степных просторах гирканцы пасут табуны лошадей, стада коз, овец и коров. Из диких животных здесь часто встречаются зубры, степные волки, мамонты и всевозможная мелкая дичь. Земля в этих местах сухая, неплодородная, поросшая высокой густой травой. Зимой дожди вызывают к жизни все поразительное разнообразие растительного мира степи, однако летом дожди прекращаются, трава засыхает и

буреет, и большую опасность представляют степные пожары, вызванные молнией или людской неосторожностью. Степь нельзя назвать совершенно ровной: здесь нередки холмы и долины, но они невелики по размерам. Лощина глубже трех метров представляется гирканцу почти пропастью, а холм выше десяти метров высотой — настоящей горой.

О б щ е с т в о .

Большинство гирканцев высокого роста, худощавые, с черными или каштановыми волосами и крючковатыми носами. Изначально у них достаточно светлая кожа, однако на степном ветру, под палящим солнцем кочевники делаются смуглыми, как зингарцы. Все мужчины носят усы, а многие и бороды. Излюбленная одежда жителей Г. — высокие остроконечные войлочные шапки с отворотами, рубашки, набедренные повязки или штаны и сапоги из мягкой кожи с загнутыми носами. Отличительная особенность большинства жителей Г. — огромное количество золотых украшений. Гирканские женщины всегда закрывают лицо покрывалом в присутствии мужчин. Гирканцы шьют одежду из овечьей или воловьей кожи или из ткани, украденной с ограбленного каравана. У большинства воинов кожаные доспехи, а наиболее удачливые из них носят металлические, купленные в Туране или похищенные у торговцев. Часто встречаются щиты из толстой кожи, натянутой на деревянную раму, но неко-

торые счастливчики являются обладателями редкостных в этих краях железных щитов. Гирканцы с детства приучаются к верховой езде. Пешком они могут пройти лишь от коновязи до юрты и обратно, и их поражает кажущаяся выносливость иноплеменников, способных совершать длительные пешие переходы. Из-за привычки к седлу у большинства кочевников кривые ноги и неуклюжая походка. Однако не стоит недооцениватьnomадов из-за этой внешней слабости. Гирнская конница способна преодолевать в день свыше 150 лиг, имея по четыре-пять сменных лошадей на каждого всадника, и, не тратя времени на отдых, дать противнику бой в конце пути. В дороге гирканцы никогда не останавливаются, чтобы сменить коней, но перепрыгивают на скаку из седла в седло, прихватив с собой лук и колчан со стрелами. Общеизвестно, что гирканцы являются умелыми воинами. Скорость, отличное владение оружием и отвага делают их почти непобедимыми. Они не сражаются на заранее выбранном поле, подобно хайборийцам, но бросаются в бой стремительно и без подготовки. Воинская иерархия кочевников включает в себя следующие ранги: каган, военный вождь, полутысячник, сотник, полусотник, десятник, простой воин. В зависимости от обстоятельств, у гирканцев есть несколько способов передачи сигналов войскам. Когда требуется застать врага врасплох, кочевники пользуются флагами (днем) и фонарями (ночью), чтобы подать знак союзникам. Когда же приходит время

решительного наступления, воины бьют в огромные медные барабаны, которые служат одновременно и для подачи сигнала, и для того чтобы внушить ужас противнику. Время от времени гирканские племена объединяются против общего врага и образуют орду. Это происходит крайне редко, не чаще раза в сто лет, поскольку, помимо огромных расстояний, объединению племен мешают внутренние разногласия и различия в обычаях. Так, некоторые племена употребляют в пищу конину, у других это запрещено. Иные пасут коров и считают коз нечистыми, другие — наоборот. И все же случается, что общая угроза или надежда на богатую добычу перебрасывает внутренние раздоры, тогда на общем сходе каганы племен принимают решение объединиться и избирают уши-кагана — верховного вождя, который поведет племена.

Оружие гирканцев

Основным оружием гирканцев является лук. Лук делается из дерева, рога и жил, причем на изготовление его уходит не менее года. Производят это оружие для гирканцев в основном ремесленники, живущие в селениях на западных склонах Ночных гор, на границе с Кхитаем. Сила луков измеряется количеством человек, необходимых, чтобы натянуть тетиву. Юноши стреляют из «одиночного» лука, большинство номадов — из «двойного», которым можно также

пользоваться в одиночку, используя специальное приспособление, а самые сильные воины — даже из «тройного». Обычно гирканский воин имеет при себе два лука, поскольку на каждом тетива может оставаться натянутой не более двух часов, чтобы лук не утратил упругость. Меткость гирканцев вошла в легенду. Лучник, на полном скаку способен попасть в человека со ста шагов пять раз из десяти.

Излюбленным приемом кочевников является соскользнуть с седла на скаку и стрелять, укрывшись за боком лошади. Другим оружием гирканцев является аркан. Веревка аркана плется из лошадиных или человеческих волос, причем многие кочевники считают лучшим аркан, сплетенный из волос врага. Чаще всего он используется пастухами, но если требуется взять пленника живьем его применяют и воины. Гирканцы не берут рабов, по крайней мере, взрослых мужчин. Иногда они оставляют в живых мальчиков и молодых женщин, прочих же убивают без всякой жалости. Сами гирканцы говорят: «Мы хотим владеть не покоренными народами, а бескрайними пастбищами».

Кланы

Гирканцы делятся на бесчисленное множество кланов. В каждом клане может быть от 40 до 60 семей, 300-500 лошадей, 800-1200 голов скота, и около 100 боеспособных воинов. Кланы живут тем, что пасут стада на своей территории (чаще

всего она имеет очертания квадрата, до 150 лиг в ширину). Обычно кланы стараются держаться подальше один от другого, чтобы хватало места для пастбищ. На юге многие кланы живут также тем, что грабят торговые караваны, идущие по их территории. Однако это не является основным занятием кочевников (как, например, в Гулистане), и зачастую торговцам удается пересечь степь без помех. В каждом регионе дюжина кланов, или около того, объединяется в племя. В основе их связи лежит давнее (чаще всего мифическое) кровное родство, и большинство браков в кланах совершаются между членами одного рода. Вожди племен определяют территорию для каждого клана, а воины племени объединяются для нападений на караваны или иного противника.

Гирканцы не имеют «своей» земли, которую могли бы защищать. Такое свойство кочевой жизни делает их в корне не похожими на другие, более цивилизованные народы. Есть лишь одно исключение из этого правила: у каждого гирканского племени имеется т.н. «какаба» (*kakaba*), или поле захоронений, называемое также Городом Курганов, где хоронят каганов и уши-каганов. Какаба является тайным местом, скрытым в самых негостеприимных уголках степи. Из почтения к мертвым, здесь запрещено ездить верхом, а также стрелять из лука, чтобы стрела не попала ненароком в дух одного из предков племени. Поэтому защищать какабу от незваных гостей непросто. Но хотя Города Курганов пред-

ставляют собой слабое звено в гирканской обороне, этим едва ли удается кому-то воспользоваться: гирканцы никогда не выпускают живыми тех чужестранцев, что осквернили священные земли.

Религия

Гирканцы поклоняются предкам и Вечному Небу. У них нет богов в том смысле, как это понимают хайборийцы, а если изначально религия кхарийцев и оказала на них какое-то влияние, это давно забыто. Кочевники, живущие на западе, иногда поклоняются божествам туранцев.

Вооруженные силы

Легкая конница является основой воинстваnomadov. Вне всякого сомнения, гирканцы являются лучшими в мире наездниками и мастерами стремительных ударов и отступлений.

Язык

Гирканский язык — тональный, отдаленно напоминает современный кхитайский. В тесном родстве с ним находится современный турнский язык. Письменность гирканцев является буквенной, причем знаки ее напоминают кхитайские идеограммы. Большинство кочевников неграмотны, однако на языке nomadов были созданы прекрасные образчики поэтического творчества.

И м е н а и н а з в а н и я

Гирканские имена имеют много общего с монгольскими: *Бартатуя* (*Bartatua*), *Бория* (*Boria*), *Гуяк* (*Guyak*), *Кучлуг* (*Kuchlug*), *Маздак* (*Mazdak*), *Торгут* (*Torgut*).

ГУЛИСТАН

Гулистан (*Ghulistan*) — страна, расположенная на юго-западных предгорьях Гимелианских гор, к северу от Косалы и к западу от Венди. Г. населен воинственными племенами горцев, которые живут грабежами северной Венди, богатой специями и золотом.

В Г. проходит действие повести «Люди Черного Круга», где Конан став вождем свирепых афголов, похищает Дэви Венди и сражается с магами Черного Круга.

И с т о р и я

Гимелианские горы являются наиболее древним образованием на планете. Предполагают, что они возникли задолго до эпохи Великой Катастрофы. Согласно легендам — их сотворили боги, создававшие этот мир.

Сложный рельеф Гимелианских гор — неприступные вершины, глубокие пропасти являлся надежной преградой путешественникам на востоке. Считается, что пересечь эти горы немысли-

мо, их можно лишь обогнуть с севера или с юга, чтобы добраться от моря Вилайет до Кхитая. Двигаясь на север, путешественник попадает в степи, где хозяйничают гирканские кочевники, грабящие путников под предлогом сбора дани своим вождям. Южная же дорога позволяет торговцам попасть в Вендию, где разбойников почти нет, хотя приходится платить большие дорожные налоги.

Г. лежит в долине к юго-западу от основной гряды. Неприступные скалы и ущелья, которые его окружают, преграждают путь в Вендию. Племена населяющие Г. — грабят караваны, а в их отсутствие — вендейские, косальские и туранские поселения.

Условия местности не позволяют уничтожить грабителей, а туранская и вендейская армии слишком малоподвижны, чтобы справиться с мобильными конными отрядами гулистанских горцев. Кроме того, данный регион является своеобразным буфером между двумя державами, что позволяет каждой держать на границе небольшое войско, поэтому афгульские горцы выгодны обеим державам. Это еще одна причина, по которой ни Вендия, ни Туран не спешат навести в Г. порядок.

С о в р е м е н н а я с и т u а ц и я

Император Турана Ездигерда недавно возвел ряд пограничных фортов вдоль северной границы Г. Эти форты достаточно хорошо укреплены,

чтобы успешно отражать нападения разбойных племен, и правитель планирует превратить их со временем в базу, откуда можно будет вести войну с горцами, справедливо считая, что каждое племя легче покорить в отдельности. Основные гулистанские силы сосредоточены вдали от туранской границы, и их мало заботят проблемы северных соплеменников. Однако если Туран будет продолжать подобную политику, не исключено, что племена объединятся, и Туран получит свой Венариум (см. Аквилония).

Враги и союзники

Гульские племена погрязли в междоусобицах, но их истинными врагами являются туранцы и вендийцы, которые стремятся уничтожить грабителей без остатка и очистить караванные пути. До сих пор обе империи избегали массированных военных ударов по территории Г., однако не исключено, что в скором времени финансовые потери перевесят все иные соображения.

География

Горы в Г. высокие и неприступные, разделенные узкими извилистыми долинами. Снега делают перевалы непроходимыми на полгода, но весной и летом из-под снега появляется мох, трава и деревья. Вендийцы утверждают, что никто, кроме афгулов, не знает всех ходов и выходов в здешних горах. Тем не менее, через Г. проходят

караванные пути. Один из таких путей идет через перевал Амир Джехун — широкую долину, протянувшуюся от туранских гор почти до середины Г. — и заканчивается долиной Урашах. Так же, с вендийской стороны доступ в Г. открывает длинное и узкое ущелье Зайбар.

Географический справочник

Афгулистан — область на юго-западе Г. В Афгулистане происходят события, описанные в повести Р. Говарда «Люди Черного Круга».

Гора Имша (Yimsha) — г. Имша пользуется в Г. самой дурной славой, ибо именно там находятся Черные Маги Имши. Легенда гласит, что эти маги используют запретные знания, созданные еще в дочеловеческий период, чтобы проливать себе жизнь и уничтожать врагов. Туранские мудрецы утверждают, что все это не более чем вендийские предрассудки, однако местные жители готовы сделать крюк в несколько дней пути, лишь бы обогнуть зловещую гору.

Общество

Афгулы выше среднего роста, крепкие, широкоплечие, смуглые, с выющимися волосами и длинными бородами. Резкие горные ветры делают их кожу сухой и морщинистой, из-за чего многие из них кажутся старше, чем на самом деле.

На территории Г. обитают сотни племен. В «Саге» упоминаются *афгулы*, живущие в юго-западной области, именуемой Афгалистан, *вазулы*, контролирующие юг Г. у вендийской границы, и малые племена типа *дагозаев*, *галзаев* и *хуракзаев*.

Наибольшим почетом пользуется в племени выборный вождь, однако при первой же ошибке его могут лишить власти или убить. Кроме того общество Г. составляют старейшины и воины. В Г. нет крестьян, практически не встречаются ремесленники и пр., т.к. племена Г. живут только за счет грабежа и разбоя.

П р а в о

Внутриплеменные споры улаживает вождь племени. Суд его имеет мало общего с судом в цивилизованных странах. Нередко в спорах из-за собственности вождь решает вопрос тем, что забирает понравившуюся вещь себе. Конфликты между племенами решаются только войной. Племя, считающее себя обиженным, нападает на обидчика, если только те не слишком сильны для них. Самые же сильные племена вольны поступать, как вздумают, ибо соседи слишком слабы, чтобы им противостоять.

Р е л и г и я

Гулистанцы поклоняются вендийским богам. Самым почитаемым божеством является Асур, однако некоторые племена следуют культу боги-

ни смерти Катар. Ходят даже слухи о существовании на юго-востоке Г. тайной цитадели, где убийцы-катариты замышляют заговор против вендийского меҳараджуба.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Гулистанцы чаще всего воюют пешими, воины их бесстрашны и выносливы. У племен имеются лошади, однако это слишком большая ценность, и потому кавалерия в бою не используется.

Я з ы к

Гулистанские диалекты весьма разнообразны, в основе их лежит вендийский язык. По-вендийски говорят многие племена в южной части Г. На севере страны весьма распространен туранский язык.

И м е н а

Гулистанские имена напоминают афганские: Яр Афзаль (*Yar Afzal*), Ашраф (*Ashraf*), Бабур (*Babur*), Надер (*Nader*), Тахмасп (*Tahmasp*). Многие афгулы носят также туранские и вендийские имена.

ДАРФАР

Д.— родина каннибального культа *Йога* (*Yog*), Владыки Пустынных Обителей. В этом культе воплощено все худшее, что могли породить юж-

ные королевства. Лучшее описание дарфарских каннибалов дано в рассказе Р.Говарда «Тени Замбуль».

История

Культ Иога был привнесен на запад кхарийцами. В Стигии Иог считается демоном, подчиненным Отцу Сету. Он пожирает врагов Великого Змея в потустороннем мире. Дарфарские людоеды относятся к последним почитателям Иога. Древние кхарийские храмы до сих пор считаются в Д. священными, хотя многое в их устройстве сегодня верующим недоступно. Духовное наследие культа было практически полностью утрачено за прошедшие века, остались только кровожадные ритуалы его последователей.

Враги и союзники

Большинство северных племен ненавидят иогитов, а в Шеме и Туране их именем пугают детей. Терпят их лишь в Замбуле и некоторых южных городах, и то лишь из-за того, что они могут быть полезны в качестве рабов.

География

Д. — это жаркие влажные джунгли между Кушем и Кешайном. С севера он граничит со стигийским Болотом Пурпурного Лотоса, на юге — с Черными Королевствами.

Флора и фауна

В Д. фауна и флора очень разнообразна. В джунглях водятся львы, часто встречаются небольшие антилопы. На деревьях обитают птицы, обезьяны и гигантские ленивцы. Один из видов обезьян, вагуке, особо ценим дарфарцами, так как очень похож на человека. Мозги вагуке почитаются каннибалами изысканным лакомством.

Общество

Людоеды Д. высокого роста, темнокожие, широкоплечие, с большими руками и ногами. Они обтасывают себе зубы, делая их острыми, как клыки, а выющиеся волосы покрывают слоем глины, из которой затем лепят прически в форме заостренного веретена. Каннибалы живут охотой, поскольку, по заветам Иога, им запрещено принимать в пищу любые растения. По той же причине они не держат домашних животных. Деревни Д., представляют собой скопление хижин, обмазанных глиной. В каждой из которых от 40 до 80 домов.

Периодически на эти деревни совершают набеги стигийские работорговцы, которые затем продают свою добычу в Стигии, Шеме или Туране. Вождями дарфарцев являются жрецы Иога, за ними по иерархической лестнице следуют охотники. Женщины находятся практически на положении рабов.

Религия

В Д. процветает культ Иога. Другие религии там неизвестны.

Вооруженные силы

Каннибалы сражаются пешим строем, неорганизованно, не признавая никакой дисциплины. В поисках ритуальных жертв они нападают лишь на немощных и больных, но и тогда набрасываются на жертву втроем или вчетвером.

Язык

Язык Д. произошел от кхарийского. Впоследствии он многое позаимствовал из кушитского и стигийского.

Имена

В «Саге о Конане» не приводится дарфарских имен. Вероятнее всего, они сходны с кушитскими.

ЗАМОРА

«...Замора, ее темновласые женщины и башни, полные древних тайн...»

Немедийские хроники

З. — это таинственный край, буфер между хайборийскими нациями запада и гирканским

Туроном, культура ее многое взяла и от той, и от другой стороны. Однако и та, и другая презирает заморийцев, а хайборийцы даже считают их проклятыми с рождения.

История

Заморийцы ведут свой род от племени земрийцев, жившего еще до Великой Катастрофы, в одно время с валуэзийцами, и населявшего, скорее всего, древнее государство Грондар. Современные земрийцы живут в Кезанкийской области уже 4000 лет и считают себя равными хайборийцам и гирканцам. Земрийские поселения оказались не затронуты Катализмом. Чудом уцелевшие, они сохранили самый высокий уровень сельского хозяйства и культуры в регионе. Однако земрийцы не смогли воспользоваться полученным преимуществом. Вместо того, они долгое время оставались на уровне охотников-собирателей, совершенно не развиваясь. С приходом кхарийцев земрийцы вновь начали развиваться. К тому времени, как хайборийские завоеватели спустились с севера, чтобы захватить Ахерон и Древнюю Гиперборою, королевство З. располагалось по ту сторону Кезанкийских гор, являлось сатрапией Ахерона, чудом уцелевшим осколком давних времен. Хайборийцы неоднократно покоряли З., однако так и не смогли закрепиться на этих негостеприимных землях. Завоеватели каждый раз возвращались на запад и никогда не ос-

тавались править в захваченной стране. Естественная преграда, созданная Карпашскими и Кезанкайскими горами надежно предохраняла З. от хайборийского влияния, превратив ее в независимый анклав, живущий по собственным законам.

Современная ситуация

За последнее время туранцы распространяли свое влияние на пустыню и возвели торговые форты и оазисы вдоль заморийской границы. Перед лицом такой военной угрозы короля З. только что не передал бразды правления захватчикам, заплатив Аграпуру грабительскую дань. Карпашские горы, охранявшие прежде З. от Хайбории, теперь мешают хайборийцам прийти ей на помощь.

Враги и союзники

Основной союзник — покоривший З. Туран. Военное влияние Турана ощущается в З. Повсеместно, а дань, которую приходится платить Аграпуру, разоряет страну. Бедственное положение З. мало трогает хайборийцев, которых не интересует происходящее за пределами своих границ. Однако неоднократные прошения З. Достигнувшей короля Нимеда и возможно скоро Немедия пошлет войска на защиту З. (и своих интересов в регионе).

География

З. — это засушливый, неплодородный край. Основной источник пропитания местных жителей — скот, пасущийся на скудных пастбищах, а также добыча меди, олова и некоторых других металлов. Однако ни золота, ни серебра в З. Обнаружено не было.

Географический справочник

Аренджун (Arenjun) — «Город Воров», столица З. Его район, где селятся преступники, «Пустынька» (*Maul*) печально известен по всему западному миру.

Заминди (Zamindi) — торговый город на пути между Шадизаром и Иезудом.

Иезуд (Yezud) — этот город посвящен богу-пауку Затху (*Zath*). Только жрецам и храмовым служителям дозволяется оставаться в городе после захода солнца, остальные селятся в деревнях за крепостными стенами.

Ларша (Larsha) — проклятый разрушенный город близ Шадизара. По легенде, Ларша была построена во времена Великой Катастрофы предками заморийцев, и короли-гиганты, что некогда правили там, до сих пор сторожат среди развалин свои сокровища. В 1257г. п.л.А. король Тиридат Заморийский отправил отряд самых отважных воинов за сокровищами Ларши. Ни один из

них не вернулся, хотя крики их, топот и странные звуки были хорошо слышны тем, кто дождался снаружи. Ларша серьезно пострадала после землетрясения в 1267 г. п.п.А., однако город этот пользуется столь дурной славой, что и позже никто не осмеливался пробраться внутрь.

Шадизар (Shadizar) — еще один город воров. Правитель, сатрап Шадизара, и его советники заняты интригами и борьбой за власть, в которой не гнушаются никакими средствами, включая подкуп, колдовство и пр., в результате чего в городе практически отсутствует власть.

О б щ е с т в о

Заморийцы невысоки ростом, смуглокожи, с темными глазами и волосами, тонкими чертами лица. Заморийцы пользуются славой людей жестоких, алчных, не умеющих держать слово. Репутация эта заслужена ими лишь отчасти. Заморийцы, и правда, больше заботятся о собственной выгоде, чем о высоких идеалах, о которых так любят рассуждать хайборийцы (столь же часто забывающие о них на практике). Они живут замкнуто, хотя рост торговле по Дороге Королей увеличил связи З. с Хайборией и Тураном. З. управит король. Далее следуют принцы, сатрапы, градоправители, патриции, богатые купцы, военные, ремесленники, слуги, рабы и пр.

П р а в о

Слово знати — закон в З. Обычный приговор осужденному — казнь с конфискацией имущества. Допускается апелляция к королю, однако часто приговор приводится в исполнение так быстро, что это осужденный не успевает этим правом воспользоваться. Силы правопорядка в З. крайне ослаблены. Расследование и дознание здесь неизвестны. Если преступника не удается поймать с поличным или опознать, преступление остается безнаказанным. Поиском свидетелей никто не занимается, они должны прийти сами, и если обвиняемый будет оправдан, обвинителю приходится самому оплачивать судебные издержки.

Р е л и г и я

Заморийцы поклоняются многим божествам. Некоторые из них — местные, являются воплощением сил природы или какой-либо местности, подобно Затху, богу-пауку Иезуда. Но здесь уважают также богов иных племен, таких как Бела, шемистского бога воров, покровителя Аренджуна. Вооруженные силы. Армия З. не отличается силой и организованностью. Вооруженные отряды используют, большей частью, для охраны дорог. Однако отряды, расположенные вдоль границы с Тураном, участвуют в постоянных стычках с «разбойниками пустыни».

Языки

Заморийский язык произошел от земрийского и имеет мало общего с другими языками.

Имена и названия

Заморийские имена схожи с балканскими, ближневосточными и греческими: Абулетис (*Abuletis*), Артан (*Artanes*), Атосса (*Atossa*), Бартак (*Bartak*), Вардан (*Vardanes*), Гарпаг (*Harpagus*), Гаттус (*Hattusas*), Гиссар (*Hissar*), Динак (*Dinak*), Кагул (*Kagul*), Килия (*Kilya*), Лар (*Lar*), Мандана (*Mandana*), Митридат (*Mitridates*), Нисса (*Nissa*), Парикс (*Parisks*), Роксана (*Roxana*), Рудабех (*Rudabeh*), Семирамас (*Semiramis*), Стагир (*Stahir*), Тосий (*Tosya*), Феридун (*Feridun*), Эриак (*Eriakes*), Яздат (*Yazdates*), Яра (*Yara*).

ЗЕМБАБВЕ

«Легенды намекают, что пропитанный кровью краеугольный камень Древнего Зембабве был заложен чудовищным Богом-Змеем...»

Л. Спрэг де Камп, Л. Картер
«Алая луна Зембабве»

З. — самое отдаленное от Хайбории гос-во в Черных Королевствах.

История

Воины З. являются боковой ветвью кчака (*kchaka*), могущественного племени, населяющего

центральные районы Черных Королевств. Зембабвийцы были вытеснены из родных краев более сильными соседями и бежали на восток, пока наконец не натолкнулись на руины города, известного ныне как Древний Зембабве. Жившие в тех местах племена считали эту область проклятой и не чинили беглецам препятствий, когда те пожелали обосноваться в развалинах. Многие тысячи лет они сражались с гигантскими крылатыми драконами, обитавшими в горных пещерах на востоке. Герой племени по имени Лумбеба (*Lumbeba*) отправился в горы и сумел поймать несколько яиц. Он воспитал драконьих птенцов и обнаружил, что они поддаются приручению и могут быть использованы под седлом. Это позволило зембабвийцам завоевать окрестные племена и основать королевство Зембабве. Лумбеба был немедленно возведен на трон. Однако у Лумбебы был брат-близнец, которому тот был очень предан. И когда он объявил, что отныне в З. будут править одновременно два короля, никто не посмел возразить. С того дня на трон З. могут взойти лишь близнецы, избираемые среди родившихся в стране мальчиков-двойняшек.

Современная ситуация

В настоящее время королями З. являются близнецы Мбега (*Mbege*) и Ненавир (*Nenavir*). Они молоды, полны сил и имеют множество последователей среди жителей Древнего Зембабве.

Вместе с тем, Ненауир связан с тайными религиозными группировками, ставящими своей целью сделать культ Сета (или Дамбаллаха (*Damballah*), как именовали его в тех краях) главенствующим в З.

Враги и союзники

Расположение З. не слишком располагает к союзам с другими государствами. Зембабвийцы имеют связи с Гамбуру, столицей амазонок, и торговый договор с шахом Иранистана, но в остальном живут достаточно изолировано.

География

Большая часть территории З. занята джунглями, а южная оконечность — саванной. Эта страна одна из самых жарких на Юге. Весной обильные дожди превращают глинистые северные равнины З. в непроходимое болото.

Географический справочник

Древний Зембабве — истинная столица З. Древний Зембабве закрыт для иноземцев по религиозным причинам, а также чтобы сохранить тайну прирученных крылатых драконов. Город усеян высокими башнями без крыш и дверей — именно там селятся драконы. Поскольку вход в них

открыт лишь с воздуха, они надежно защищены от любопытства непосвященных.

Новый Зембабве — город на севере З., лучше известный северянам, которые считают именно его столицей З. Именно в этот город приходят обычно торговые караваны из Иранистана, чтобы обменять оружие и другие товары на золотую пыль и страусиные перья.

Общество

Большинство зембабвийцев среднего роста, драконы всадники щуплы и низкорослые. Однако воины, в большинстве своем, не уступают статью хайборийцам. Культура З. крайне консервативна и изменяется чрезвычайно медленно. Драконы Древнего Зембабве пользуются всеобщим поклонением среди жителей З. и окрестных племен. Во главе З. стоят короли-близнецы. Высоким социальным статусом обладают жрецы, богатые торговцы и драконы всадники, а также воины и ремесленники. Женщины находятся в З. на положении прислуки.

Право

С тех пор как рядом с Лумбебой на трон воссели его брат-близнец, зембабвийцы свято чтут этот обычай. Также по традиции, чтобы избежать конфликтов при наследовании престола, когда один из королей умирает, второй должен

покончить жизнь самоубийством или же быть изгнанным из страны. После чего жрецы выбирают новую пару близнецов, которые и становятся новыми правителями королевства.

Религия

Ведущим божеством З. является Дамбаллах, южное воплощение стигийского Сета. Последователи Дамбаллаха имеют в королевстве большой вес, и даже король Ненаунир оказывает поддержку этому культу. Его брат Мбега, в свою очередь, поклоняется более милосердным божествам джунглей и принадлежит к лагерю умеренных.

Вооруженные силы

Основу зембабвийского войска составляют драконы, которых с равным успехом используют как в открытом наступлении, так и при штурме городов. Наземную поддержку им оказывает пехота, вооруженная копьями и щитами.

Язык

Зембабвийский язык находится в родстве с другими наречиями Черных Королевств, однако во многом значительно сложнее их и чрезвычайно труден для изучения. В «Саге» встречается не так много истинно зембабвийских имен: Лумбеба (*Lumbeba*), Мбега (*Mbega*), Мквана (*Mkwana*), Ненаунир (*Nenaunir*).

И. предсталяет собой вольное сообщество племен, обитающих южнее моря Вилайет, ныне оттесняемых к югу от Турана. И. описан в единственной повести «Огненный нож» (*The Flame Knife*), где повествуется о недолгом пребывании Конана на службе у Кобад-шаха, правителя И. И. упоминается и в романе Д.М.Роберта «Конан и охотники за людьми» (в рус.пер. «Конан в цитадели мрака»)

ИРАНИСТАН

История

По некоторым данным, племена, населяющие окрестности моря Вилайет, обитали здесь еще до Великой Катастрофы. Во всяком случае, они уже жили здесь во времена хайборийского переселения народов, то образуя королевства, процветавшие за счет караванных путей и торговли, то вновь распадаясь на враждующие кланы. И. является собой последнее из таких королевств. В 925 г. н.п.А. некто Дибул сумел объединить племена в единую грозную силу, дабы защитить родные земли от нашествия гирканцев. В период наивысшего своего расцвета, незадолго до смерти Дибула в 970 г. н.п.А., И. простирался от Замбулы до Косалы, от моря Вилайет до Зембабве.

Однако после смерти Дибула между вождями племен начались неизбежные распри, что существенно облегчило гирканцам дальнейшие завоевания. Впрочем, как только кочевники захватили контроль над северными караванными путями, они оставили ослабленное королевство в покое, обратив основное внимание на Туран. В последующие 250 лет И. с Тураном находились в состоянии вооруженного перемирия. Южные границы И., гористые и каменистые, не позволяют развернуться прославленной гирканской коннице, а на севере пешим иранистанским воинам не под силу тянуться с туранскими всадниками. Большую часть времени Туран просто игнорировал не слишком влиятельного соседа, не желая лишний раз вспоминать о былых военных неудачах. В последнее время, однако, тревогу Турана вызывает тот факт, что И. предлагает купцам новый караванный путь к югу от Вилайета. И хотя дорога по каменистым пустошам и необжитым Ильбарским горам под силу не каждому, все больше торговцев устремляются сюда, прельщенные низкими налогами, установленными шахом И.

Современная ситуация

Аршак-шах, нынешний правитель И., пытается взять под контроль прилегающие к И. области. Но поскольку решить эту проблему обычным экономическим или военным путем оказалось

ему не под силу, им была избрана тактика периодических военных вылазок в сторону Турана, в надежде, что перед лицом ответной гирканской угрозы большинство племен предпочтет объединиться под его властью. Данная политика показалась большинству советников хана опасной и даже заставила усомниться в здравости рассудка правителя, однако вскоре она начала давать плоды. Правда, некоторые племенные вожди до сих пор убеждены, что лучший способ добиться мира с туранцами — это преподнести им голову Аршак-шаха.

Враги и союзники

Основным врагом И. является Туран. Королевство Туран располагается на землях, которые иранистанцы считают исконно своими, а шах обвиняет гирканцев в том, что они обращают в рабство его подданных. Туранцы обычно игнорируют подобные заявления. Относительно добрые отношения поддерживает И. с Шемом и Косалой, но рассматривает их лишь как союзников против общего врага. Кроме того, у И. есть торговые соглашения с Зембабве.

География

И. — это теплый край с умеренным количеством осадков, особенно на морском побережье. Однако почва здесь каменистая и неплодород-

ная, поэтому большинство иранистанцев вынуждены жить охотой и рыбной ловлей. Ильбарские горы почти не обжиты, изрезаны ущельями и каньонами. На севере, на горных плато селятся племена охотников. В Друджистане мест, пригодных для обитания, еще меньше.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Аншан (Anshan) — столица И.

Друджистан (Drujistan) — южная часть Ильбарских гор. Друджистан практически необитаем, долгое время считалось, что там живут демоны.

Ильбарские горы (Ilbars Mountains) — горный массив на западе И. Горные перевалы открывают каравайные пути, ведущие к Харамунской пустыни и в Шем.

Кушат (Kushat) — территория племени кулаши в Ильбарских горах.

Янайдар (Yanaidar) — иезмитский город в Друджистане, близ Ущелья Духов. По легенде, Янайдар был построен королем упырей Урой, и призраки Уры и его прислужников до сих пор населяют Янайдар.

О б щ е с т в о и п р а в о

Большинство иранистанцев приземистые, широкоплечие, крепкого сложения. У них чуть

смугловатая кожа, голубые или карие глаза и иссиня-черные волосы (подобно шемитам, с кем они находятся в отдаленном родстве). Бесчисленное множество племен в И. способны объединиться лишь против общего врага, каким является Туран, однако внутренние распри существенно подрывают силу государства. Каждому племени принадлежит определенная территория, остающаяся за ним многие века.

Эти земли невелики и не представляют большой ценности, но являются воплощением независимости клана. Как заявил один из таких вождей: «Пусть себе шах правит в Аншане, но эта земля принадлежит нам.» Основной властью в И. обладает шах, за ним следуют калифы, эмиры, шейхи племен, военные, торговцы, слуги и рабы. В И. отсутствует законодательная система как таковая.

Незначительные проступки караются вождем племени. В случае тяжкого преступления, теоретически, слово шаха является законом, но на практике, если племя не согласно с решением правителя, оно попросту удаляется на свои родовые земли и поступает по своему. Различными монархами подобный шаг мог рассматриваться как проявления вольнолюбивого духа племен или как намеренное неповиновение и предательство. В первом случае власть шаха оказывается еще более ослабленной, во втором же на подавление «восстания» направляются войска, что приводит к ослаблению всей нации в целом.

Вооруженные силы

Иранистанцы обычно сражаются пешими, солдаты отличаются хорошей выучкой и полным отсутствием дисциплины. Аршак-шах также сделал попытку призвать на службу отряды наемников, в том числе и конных, однако трудности с оплатой вскоре могут свести это благое начинание на нет.

Язык

Иранистанский язык родственен щемитскому.

Имена и названия

Иранистанские имена напоминают персидские или арабские: Балаши (*Balash*), Кобад (*Kobad*), Нанайя (*Nanaia*), Сассан (*Sassan*), Хакманни (*Hakhtmanni*). Встречаются также туранские имена.

КЕШАН

К. — это одно из северных Черных Королевств, лежащее к югу от Стигии, к востоку от Куша и Дарфара, к западу от Пунта. Это варварское государство, с отдельными начатками культуры, оставшимися в наследство от свергнутых щемитских правителей. К. описан в повестях Р. Говарда «Сокровища Гвалура» и «Богиня из слоновой кости» (в рус.пер. «Воля богини Небетет»)

История

На первом этапе хайборийского переселения народов, страх перед варварами и внутренние распри в Шеме заставили часть щемитов рассеяться далеко к югу. Щемитские лидеры, потерпевшие поражение в войнах между городами-государствами, уводили своих соратников на юг, спасаясь от преследований. Один из таких отрядов пересек Стигию и достиг долины к востоку от Куша. Щемиты везли с собой таинственные самоцветы, именуемые «Зубы Гвалура». Они выстроили гигантский каменный город, названный ими Алкменон, скрыли там свое сокровище, поработали окрестные кушитские племена и окончательно осели в новых краях.

Несколько поколений спустя, щемиты окончательно утратили налет цивилизованности, хотя и продолжали держаться особняком от кушитов. Со временем они забыли даже, что это их предки построили каменный город, и стали приписывать его возникновение богам. После чего оставили Алкменон и основали город Кешию. Одна из предсказательниц, принцесса Елайя (*Yelaya*), почиталась ими превыше всех прочих. Принцесса была одной из последних чистокровных щемиток в Алкменоне, и после смерти тело ее было положено в саркофаг в королевском дворце. По словам жрецов, устами принцессы Елайи с ними говорили боги, и ее совета спрашивали по всем жизненно важным для королевства вопросам. Разумеется, жрецы и шаманы возвращались

из Кешии в Алкменон для поклонения принцессе и Зубам Гвалаура, которые со временем превратились в религиозные святыни. Изначально визиты в оставленный город были частыми и обставлялись с большой помпой и церемониями, однако позднее Алкменон стал внушать кешанцам страх, жрецы закрыли его ворота, оставив лишь несколько тайных входов для «посвященных», и город был объявлен табу.

Б о т — Я к и н (B o t — Y a k i n)

Подобные запреты, даже усиленные таинственностью и каменными стенами, неизменно нарушаются. Шемитский некромант Бот-Якин прибыл в К. в 776г. п.п.А., обнаружил Алкменон и поселился там. С собой он привез свиту нелюдей, во всем покорных его воле. Жизнь Бот-Якина близилась к концу, большая часть магических сил уходила на то, чтобы удержать власть над демонами-служителями и продлить свое существование. Он обнаружил оракула Елайи и колдовством и хитростью сумел убедить жрецов, что мертвое тело Елайи и впрямь обладает даром речи. Из потайной комнаты к саркофагу Бот-Якин провел особую трубу, передававшую его голос, так что иллюзия говорящего оракула была полной. Он заставил жрецов спрятать сокровища в городе, надеясь похитить их, когда жрецы уйдут. Обман удался как нельзя лучше. Жрецы принялись задавать «Елайе» самые разно-

образные вопросы, и вскоре Бот-Якин осознал, что сам угодил в ловушку. Он не смел показаться жрецам на глаза, ибо был бы немедленно убит как осквернитель святыни, и не мог прекратить обман, ибо жрецы заподозрили бы неладное. Так что «Елайе» пришлось отвечать на вопросы и дальше, а жрецы все шли и шли к ней. Бот-Якин был стар, даже для чародея. Со временем даже магия оказалась бессильна, и он понял, что скоро умрет. Своим слугам он дал указание мумифицировать свои останки и захоронить в пещере близ города. Это не остановило жрецов. Однако в следующий раз, когда они пришли к оракулу, его молчание показалось им подозрительным, и они взялись обыскивать город. Там их встретили чудовищные слуги мага, свободные ныне от его власти, и многие жрецы были убиты. Оставшиеся бежали из Алкменона, и безумные их рассказы отпугнули людей от древнего города на добрую сотню лет, вплоть до событий, описанных в «Сокровищах Гвалура».

Враги и союзники

К. поддерживает дружеские отношения с Пунтом, Зембабве и южными Черными Королевствами, однако из-за сложностей пути через джунгли связи между ними остаются ненадежными. К тому же, как повсюду в Черных Королевствах, подобные союзы легко нарушаются.

Основным противником К. является Дарфар, где правят йоггиты. Дарфарцы часто устраивают

налеты на западные кешанские селения, чтобы захватить в плен жертвы для своих кровавых церемоний, поэтому большая часть кешанских войск сосредоточена на западной границе.

Г е о г р а ф и я

Королевство К. отличается жарким и влажным климатом, большая часть территории занята джунглями. Центральные районы гористые, практически непроходимые. В джунглях в изобилии водятся оcelоты, змеи, тигры, в горах — козлы, медведи, и пр.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Алкменон (Alkmeenon) — столица шемитского государства, предшествовавшего К. Алкменон находится в маленьком круговом ущелье и имеет несколько потайных входов.

Кешия (Keshia) — современная столица К. Кешия описывается, как «скопление крытых соломой хижин, теснящихся у глинобитной стены, окружавшей дворец из камней, глины и тростника». («Сокровища Галура»).

О б щ е с т в о

У кешанцев более светлая кожа, чем у жителей Дарфара и Пунта, хотя, по сравнению с хай-

борийцами, их можно счесть темнокожими. Они высоки ростом, худощавы, с овальными лицами. Благодаря тяжелым украшениям, которые они носят в ушах, мочка уха зачастую оттягивается у них на ширину ладони. Многое в кешанской культуре заимствовано ими у шемитских предков. Селения кешанцев строятся на каменном фундаменте, и тщательно расчищаемые дороги соединяют одно селение с другим, по всей стране. Правителем К. является король, ниже следуют жрецы, придворные, торговцы, воины, и пр.

Р е л и г и я

Кешанцы поклоняются Елайе.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Основу кешанского войска составляют пешие воины.

Я з ы к

Кешанский язык представляет собой смесь кушитского и шемитского языков. Письменность отсутствует.

И м е н а и н а з в а н и я

Кешанские имена напоминают африканские и утратили все следы шемитского происхождения: Бакумбе (Bakumbe), Горулга (Gorulga), Елайя (Yelaya), Оварунга (Owarunga).

КИММЕРИЯ

«Я помню

Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное паденье
И шорох ветра в трещинах теснин.»

Р.Говард «Киммерия» (пер. Г.Корчагина)

К. расположена к северу от Аквилонии. К. — родина Конана. Люди в этих краях обитают уже свыше 4000 лет, однако киммерийцы по-прежнему остаются варварами. В К. происходит действие романа Д. М. Робертса «Конан отважный» (в рус. пер. «В чертоге Крома»). И хотя сам Р.Говард нигде подробно не описывает К., в тексте Мастера встречается достаточно намеков и указаний, чтобы составить довольно полное представление о родине Конана.

История

Киммерийцы являются потомками атлантов-колонистов, однако память о своем происхождении ими полностью утрачена. Жизненные тяготы закалили их, превратив в один из самых сильных и выносливых народов Хайбории. Уровень развития киммерийцев остается примитивным, хотя они заново открыли секрет обработки металлов и в культурном плане значительно превос-

ходят пиктов. Их физическая мощь, упрямство и верность слову вошли у хайборийцев в легенду. Как заметил один гандер, «Киммериец никогда не сделает то, что ему говорят, но всегда выполнит то, что скажет.» Поскольку киммерийцы не знают письменности, об истории этого народа трудно судить с точностью. Однако несколько событий выделяются своей значимостью, и среди них — осада форта Венариум. Гандеры отодвинули аквилонскую границу к северу, захватив южную часть К. и согнав обитавшие там племена с обжитых мест, и терпению варваров пршел конец. Киммерийцы приняли решение раз и навсегда изгнать гандеров с севера. Окровавленное Копье было передано от одного племени к другому, и у Стоячего Камня на Поле Вождей собралась орда. Тысячи киммерийцев с боевыми воевыми устремились к югу, смяли защитников Венариума и сровняли форт с землей. Лишь немногим гандером удалось спастись и вернуться домой с единственным посланием: «Держитесь подальше от Киммерии».

Современная ситуация

Конан, став королем, направил к своим сородичам послов, сообщив, что взял власть в Аквилонии. Однако неизвестно, отнесутся ли киммерийцы к нему иначе, чем к прежним аквилонским правителям.

Враги и союзники

Основными союзниками киммерийцев являются асиры. Они вполне разделяют любовь киммерийцев к сражениям, но в бою соблюдают те же обычай, что и соседи. Время от времени киммерийцы нападают на приграничные поселения асиров (и наоборот), однако и те, и другие относятся к этому скорее как к забаве. В числе основных противников киммерийцев — ваниры и гиперборейцы. Войны между ними идут на уничтожение, и о примирении не может быть и речи, поскольку те захватывают киммерийцев в рабство, а для гордых варваров это страшнее смерти в бою. Киммерийцы воюют с Аквилонией всякий раз, когда хайборийцы пытаются захватить их территорию. Однако пока те соблюдают границы, киммерийцы торгуют с южными соседями без всякой враждебности. Кроме того, киммерийцы ненавидят пиктов, и войны между этими двумя народами не прекращаются со времен Великой Катастрофы. Обычно они стараются держаться как можно дальше друг от друга.

География

К. — это неприветливый, сумрачный край, окруженный неприступными горами. Почти весь год небо там затянуто тучами, а зимы — невероятно холодные. Зимой из Нордхейма в К. пребираются стаи волков, нападающие на стада; в горах водятся также белые и бурые медведи.

Киммерийцы почитают хищников за хитрость и отвагу, однако беспощадно уничтожают волков, задирающих скот. Высоко в горах водятся также горные козлы, и некоторые киммерийские племена охотятся на них ради мяса и шкур.

Географический справочник

Бен Морг (Ben Morgh) — именуемая также Горой Крома, эта гора на северо-западе К. считается обителю бога Крома, священным местом К. Вождей киммерийских кланов хоронят на Поля Вождей, у подножия Бен Морга.

Иглофийские горы (Eiglophian Mountains) — горная гряда, разделяющая К. и Нордхейм.

Поле Вождей — равнина на северо-западе К. с древними каменными сооружениями, скорее всего, возведенными атлантами. В самом центре Поля находится Стоячий Камень, установленная вертикально черная скала. Согласно легендам, сам Кром вырвал этот камень из горных недр и швырнул в Имира, когда это нордхеймское божество в незапамятные времена предприняло попытку захватить К.

Экономика

Киммерийцы живут весьма замкнуто и мало торгуют с соседями. К тому же, они не обладают ничем, что представляло бы ценность для куп-

цов, если не считать медвежьих и волчьих шкур, добываемых охотниками.

О б щ е с т в о

Большинство киммерийцев высокого роста, очень сильные, с черными волосами и серыми или голубыми глазами.

Они живут небольшими общинами, пасут скот, растят ячмень и грабят соседние племена, похищая скот и женщин. Благодаря замкнутому образу жизни, киммерийцы, принадлежащие к различным племенам, внешне сильно отличаются друг от друга. Так, *кинахи* отличаются резкими чертами лица, у *мурохов* обычно бывает выступающая тяжелая нижняя челюсть, и *туногов* — высокий лоб, а у *райдов* — длинные носы. Некоторые кланы намеренно подчеркивают эти особенности. Например, *лачиши* выбивают себе виски, а некоторые дикие галлы завязывают волосы узлом на затылке. Киммерийцы презирают роскошь и комфорт, без которых южане не мыслят себе существования. Они отличаются невозмутимостью и не любят хвалиться своими подвигами. Как гласит киммерийская пословица «только трус или дурак станет хвастать числом убитых врагов. За воина должна говорить его рука и сердце».

Племена киммерийцев возглавляют вожди. Большой авторитет имеют также старейшины и опытные воины.

К у л ь т у р а и о б ы ч а и

В К. юноша становится мужчиной, после того как убьет первого врага в бою. Для многих киммерийцев это случается еще до достижения ими шестнадцатилетия, будь то в клановой междоусобице или в битве с асирами, ванирами или гиперборейцами. После чего юноша должен соблюдать все обычаи взрослых мужчин. Обычно киммериец находит себе жену, еще до того как ему сравняется восемнадцать. Когда он не участвует в набегах, он должен обрабатывать землю и пасти скот, принадлежащий племени. Вдов зачастую берут в жены братья погибших воинов, хотя полигамия не слишком распространена среди киммерийцев. Мало кто из киммерийцев доживает до старости. Седые волосы внушают почтение, поскольку означают, что обладатель их был достаточно умен и отважен, чтобы дожить до преклонных лет. В отношениях друг с другом и с иноплеменниками киммерийцы обычно весьма любезны, поскольку любое резкое слово может послужить поводом к драке. «Цивилизованные люди куда менее вежливы, чем дикари, поскольку уверены, что никто не разможжит им череп за грубость».

П р а в о

Киммерийцы редко нарушают свои законы и обычай. Мужчина волен поступать, как ему вздумается, однако нарушение обычая влечет

за собой осуждение всего клана. Если же члены клана отказывается от своего сородича, они не станут мстить за его смерть, и он сделается добычей любого честолюбивого юнца, которому не терпится поскорее стать мужчиной. Еще один обычай достоин упоминания: Окровавленное Копье. Когда кланам угрожает опасность, вожди призывают племена к войне, посылая каждому копье, вымазанное кровью. Если на К. напали враги, Копье пятнает кровь жертв. В ином случае клан, посылающий копье, метит его кровью своих воинов. Окровавленное Копье прекращает все клановые междуусобицы, и каждое племя послывает воинов на защиту клана, воззвавшего о помощи. Орду киммерийцев остановить практически невозможно, в чем пришлось убедиться на собственном опыте защитникам Венариума.

Религия

Киммерийцы поклоняются богу Крому.

Вооруженные силы

Киммерийцы сражаются пешими и не признают правил классического боевого искусства. Однако выносливость, сила и отвага делают их опасными противниками.

Язык

Киммерийский язык называют «резким, грубым, с певучими гласными и гортанными со-

гласными». Свое происхождение он ведет от древнего языка атлантов. С прочими языками хайборийского мира он почти не имеет общих корней, если не считать нордхеймского. Письменность у киммерийцев отсутствует.

Имена

В романах самого Р.Говарда не упоминается иных киммерийцев, помимо Конана, однако другими авторами был добавлен ряд имен: Анга (*Anga*), Бодран (*Bodhrann*), Бронвиг (*Bronwith*), Дитра (*Dietra*), Милах (*Milach*), Рорик (*Rorik*), Твил (*Twyl*), Чамта (*Chamta*), Чулайн (*Chulainn*). В большинстве своем, киммерийские имена схожи с кельтскими. Имея дело с иноплеменниками, киммериец зачастую прибавляет к имени собственному имя своего клана. Таким образом, истинное имя Конана — Конан Канах. Вождя же зачастую именуют по названию племени, потому вождя клана, к которому принадлежал Конан, положено именовать Канах, или даже в торжественных случаях — Канах Канах.

КОРИНФИЯ

К. представляет собой небольшое хайборийское государство, расположенное между Британией и Кофом. Подобно Немедии, К. являлась в былье времена частью Ахерона. К. бегло упоминается в нескольких романах о Конане, кроме

того, там разворачивается действие романа С. Перри «Конан бессстрашный» (в рус.пер. «Четыре стихии»).

История

К. возникла как государство-сателлит древнего Ахерона. Когда это могущественное королевство было разрушено хайборийскими завоевателями, К. на некоторое время обрела независимость, но затем, подобно остальным северным державам, пала под натиском хайборийцев. В отличие от Немедии и Кофа, К. так никогда и не обретала реальной самостоятельности, но постоянно попадало в зависимость ют одной из крупных хайборийских держав, будь то Аквилония, Немедия, Замора или Коф.

Дорога Королей

Одним из наиболее значительных сооружений в К. (да и во всем западном мире) является т.н. Дорога Королей, которая тянется к востоку от города Аграпура на побережье моря Вилайет, через Аренджун и Шадизар, Бельверус и Тарантию, затем на юг — через Пуантен, долину р. Хорот и Мессантию.

По этой дороге торговые караваны без помех могут следовать от Западного океана до самого моря Вилайет. Строительство дороги началось в 1047 г. п.л.А. — редкий случай, когда коринфийским городам-государствам удалось ненадолго

позабыть свои распри и объединиться ради общего дела. Более всего их привлекла перспектива улучшить свое экономическое положение, благодаря росту торговли. Коринфийский отрезок дороги явился продолжением строительства, начатого ранее в Немедии и Заморе. Благодаря заключенным между хайборийским державами договоренностям, на всем протяжении дороги пошлины остаются на минимальном уровне. Дорога является настоящим чудом техники хайборийского мира. В некоторых местах она вымощена, причем каменные плиты подогнаны настолько плотно, что их сравнивали с полами в королевских дворцах.

Правда, за 200 лет, что существует дорога, местами она пришла в упадок, однако коринфийцы поддерживают свой участок в образцово состоянии. Правда, строительство дороги едва ли можно назвать безусловным благом для коринфийцев. Разумеется, часть торговцев, обходивших прежде К. стороной, теперь везут свой товар в города-государства, и приток богатства в страну значительно возрос, однако существуют здесь и свои сложности.

Дорога представляет большое значение не только для К. В частности, Немедия оказывает все большее давление на К. и всячески усиливает свое присутствие в регионе, так что не исключено, что в конце концов немедийцы захватят К., «в целях обеспечения законности и безопасности торговли».

Современная ситуация

Правитель Немедии оказывает давление на К., желая разместить свои войска вдоль коринфского отрезка Дороги Королей. До сих пор коринфийцам удавалось затягивать переговоры, и втайне они надеются убедить короля Аквилонии сделать им подобное же предложение. Король К. полагает, что необходимость вести дела с аквилонским владыкой существенно охладит пыл немедийского самодержца.

Враги и союзники

В последнее время внешние связи и положение К. во многом зависят от Немедии, потому друзья и недруги у обеих наций практически одни и те же. Однако К. заинтересована в более тесном сотрудничестве с Аквилонией, в надежде, что аквилонское вмешательство ограничит немедийскую экспансию.

География

К. — гористый край, с востока ограниченный Карпашским хребтом. На юге, где проходит граница с Кофом, лежат каменистые пустоши. Центр страны представляет собой плодородную равнину.

Экономика

К. практически не производит товаров на продажу. В горах имеются шахты, но большин-

ство из них выработаны и заброшены, остальные едва окупают себя. Тем не менее, рынки К. изобилуют самыми разнообразными товарами востока и запада, благодаря удачному расположению страны на Дороге Королей.

Общество

По сравнению с остальными хайборийцами, коринфийцы довольно смуглокожи и отличаются крепким телосложением. Как правило, у них каштановые или темно-русые волосы.

К. разделена на несколько независимых городов-государств, у каждого из которых свое правительство и законы. На практике, все они представляют собой олигархию, где реальная власть принадлежит самым состоятельным людям города. Официально, коринфскими городами управляют сенаторы. Ниже следуют патриции, богатые торговцы, военные чины, ремесленники, солдаты и пр. Как и во многих других странах, здесь развито рабство.

Магические квадраты

В К. имеются свои маги, в том числе и тайные магические общества, существовавшие еще со времен Ахерона. Общества эти именуются Квадратами и имеют много общего с Белой Рукой Гипербореи, стигийским Черным Кругом и кхитайским Алым Кольцом. Белый квадрат использует свое могущество на благо людей. Се-

рый Квадрат представляет собой сообщество ученых, изучающих магию без каких-либо моральных критериев. Черный Квадрат полагает, что именно чародеи являются истинными правителями запада и всего мира в целом. В древних ахеронских фолиантах имеются отрывки, намекающие на существование четвертого Квадрата, именуемого Радужным, который и является силой, стоящей в действительности за остальными тремя тайными обществами. Изначально Квадраты были созданы, чтобы изучать книги и магические артефакты, оставшиеся от ахеронских некромантов. Однако со временем маги настолько погрязли во внутренних распрях и интригах, что в настоящее время практически все их усилия направлены лишь на то, чтобы парализовать деятельность остальных. Вследствие этого Квадраты имеют крайне малое влияние на жизнь общества и для большинства коринфийцев являются не более чем красивой легендой.

Право

В городах-государствах К. существуют разнообразные системы управления, основанные на республиканских принципах.

Правители именуются сенаторами, но власть, которой они обладают, зависит от их финансового положения. Сенат не только принимает законы, но также осуществляет правосудие и карает преступников. Сенаторы используют свою власть для борьбы с политическими противниками. Кро-

ме того, помимо обычных, существуют старшие сенаторы, которые реально правят городами-государствами.

Религия

Коринфийцы поклоняются Митре, почитают также некоторых турецких и шемитских божеств. Культ Митры мало чем отличается от немедийского или аквилонского, поскольку все новшества приходят в К. именно оттуда.

Вооруженные силы

Армия К. имеет практически тот же состав, что и в прочих хайборийских державах, и состоит из пеших частей, кавалерии и особых отрядов Стражей Дороги. Именно в этих отрядах собраны наиболее опытные и закаленные в боях воины.

Язык

Коринфийский язык родственен прочим хайборийским языкам, но в то же время вполне независим от них.

Имена и называния. Коринфийские имена по форме напоминают латинские: *Витарий* (*Vitarius*), *Далий* (*Dalius*), *Кинна* (*Kinna*), *Лемпари* (*Lemparius*), *Логанаро* (*Loganaro*), *Соварт* (*Sovartus*), *Хогист* (*Hogistum*), *Элдия* (*Eldia*). В ходу также аквилонские, кофийские, немедийские и оффирские имена.

КОСАЛА

«Киммериец! Я сверну тебе башку голыми руками, как свертывают голову куренку! Так сыны Косалы приносят жертвы Яджсуру!»

Р.Говард «Тени Замбулы»

К. — это самое большое из вендийских государств-сателлитов, которому удается сохранять независимость, благодаря союзу со своим западным соседом, Иранистаном. К. упоминается в трех повестях «Саги»: Р.Говард «Тени Замбулы», Р.Говард, А.Спрэг де Камп «Огненный нож» и Р.Говард «Алые когти».

История

К. была основана теми же беглыми рабами, что заселили Вендию после Великой Катастрофы. Большинство беглецов обосновались на более плодородном и гостеприимном Вендийском п-ове, но часть из них продолжила путь в надежде найти для себя новые земли. Они осели западнее, в более засушливой области, где до них не было других обитателей. Когда п-ов захватили племена кшатриев, их прежде всего привлекли богатые земли центральной Венди, и лишь позднее они двинулись дальше. На западе путь им преградила бурная река Тумда, пересечь которую всадникам-номадам было затруднительно. Так косальцам удалось сохранить независимость, однако они все с большей опаской наблюдали,

как с течением времени кшатрийская империя одно за другим поглощала прочие самостоятельные города-государства.

На протяжении полутора тысяч лет К. была свидетелем роста Венди и готовилась с оружием в руках встретить захватчиков, которые так и не пришли.

Со временем, однако, куда большую угрозу для них стал представлять Туран, и К. заключила соглашения о взаимопомощи с Гулистаном и Иранистаном, однако этот хрупкий союз неминуемо будет обречен, если Туран предпримет решительное военное наступление.

Современное состояние

Не столь давно префект Йота-Понга предложил К. заключить союз с ее давними врагами вендийцами, объединившись против Турана. «К чему нам свобода от Венди, — спрашивал один из косальских вождей, — когда скоро туранцы закуют нас всех в кандалы?»

Враги и союзники

Основными союзниками К. являются Иранистан и Гулистан, также К. периодически выступает как нейтральный посредник между Вендией и Тураном. В случае необходимости, однако, правители К. готовы предать Иранистан, чтобы защититься от туранского нашествия.

География

К. — это холмистый край, менее плодородный, чем Вендия, однако более обжитой, по сравнению с Иранистаном и Гулистаном. На побережье Южного моря у косальцев имеется несколько портов, однако хорошими мореходами их едва ли назовешь.

Географический справочник

Йота-Понг (Yota-Pong) — самый крупный город в К.

Общество

Косальское общество достаточно неоднородно: у каждого города-государства свое общественное устройство и религия. В некоторых процветает строгая кастовая структура, причем поведение каждого члена общества определяется целым сводом законов, обычаев и ритуалов. В других существует относительная свобода, где любой житель города, обладающий достаточным благосостоянием, волен делать практически все, что угодно. Единственное, что объединяет всех косальцев, это их неизменное религиозное рвение. Какова бы ни была их религия, жители К. поклоняются своим божествам со страстью, которая поразила бы хайборийских жрецов. Подобное благочестие ставит косальцев в большую за-

висимость от служителей культа. Хотя обычаи и законы запрещают священнослужителям владеть собственностью и даже ездить в повозке, большинство этих запретов благополучно обходятся жрецами. К примеру, хотя жрец не имеет права обладать имуществом, он может быть назначен его пожизненным попечителем с правом пользоваться этим имуществом по своему усмотрению. Более того, «попечение» над кошельем с золотом вполне может быть уступлено в обмен на договор, касающийся, например, участка земли, что ничем не отличается от обычной купли-продажи. Многие столетия подобных ухищрений привели к тому, что реальное понятие собственности было практически утрачено, и практически любое владение имуществом осуществляется на основе тех или иных видов договоров. Кроме того, жрец может завещать все «опекаемое» имущество, наравне с собственной должностью, своим наследникам, так что дети приступают к исполнению культовых обязанностей едва ли не с колыбели. Города-государства в К. управляются префектами. Равную, если не большую власть имеют также верховные жрецы, ниже следуют обычные жрецы и аколиты. В светском обществе велика роль богатых торговцев и военных.

Религия

Косальская религия остается загадкой для иноверцев. Она своя у каждого города-государства. Понятия свободы веры в К. не существует.

Жители города обязаны поклоняться местному божеству, и отказ следовать обрядам равносителен святотатству.

Вооруженные силы

Большую часть косальской армии составляют пешие войска, поскольку конница никогда не пользовалась здесь популярностью. Также здесь почти неизвестны копья, хотя Аршак-шах, правитель Иранистана, предлагал прислать наемников для обучения косальских копейщиков в обмен на экономическую и военную поддержку против Турана.

Язык

Косальский язык является диалектом вендийского.

Имена и названия

В «Саге» не встречается косальских имен.

КОФ

«...Коф, что граничит с Шемом — страной пастухов...»

Немедийские хроники

К. — одна из самых древних стран Запада, которая существовала еще до хайборийского вторжения. В настоящий момент она управляет жестоким и алчным despотом — Страбонусом, и

оттого представляет постоянную угрозу для своих соседей: Аргоса, Офира и Шема. Первое посещение Конаном, о котором говорится в «Саге» описывается в романе «Конан-наемник». Пережив очередные приключения, описанные в этом произведении, Конан покидает К. и не появляется там много лет, до событий, о которых говорится в рассказах Р. Говарда «Черный колосс», «Тени во Тьме» и романе Л. Карпентера «Конан — изменник». Он оставляет К. и не появляется там в течение года, примкнув к шайке туранских степных козаков и возвращается, чтобы занять должность начальника королевской охраны царицы Тарамис из Хаурана (см. повесть Р.Говарда «Знак ведьмы»). После описываемых событий Конан не возвращается в К. в течение длительного времени, до того момента, когда чародей Тэота-Ланти похищает Конана и помещает его в подземелье своей крепости (см. повесть Р.Говарда «Алая цитадель»). Последнее путешествие в К. Конан предпринимает, когда проезжает эти земли в поисках своей похищенной жены — Зенобии (см. Б.Ниберг «Конан-мститель»), для того, чтобы встретиться с магом Пелиасом.

История

Происхождение К. уходит своими корнями в доатлантическую эпоху, т.к. это гос-во являлось последним оплотом древнего королевства Валузия. Когда Великая Катастрофа опустошила западную цивилизацию, Валузия была близка к ги-

бели, рискуя не устоять перед написком пиктов и атлантов. Эти две воинственные расы отодвинули границы некогда могучей валузийской империи к южным холмам К.

Остаткам валузийцев помог рельеф этой местности — холмы оказались прекрасным естественным укреплением и беженцы сумели закрепить свои позиции и дать отпор завоевателям. Пиктам так и не удалось завоевать эти земли, а валузийцы осели на новом месте и основали новое королевство.

К. сумел уцелеть на протяжении многих тысячелетий, но ему не удалось сохранить независимость. Когда к власти в Ахероне пришли харийцы, то они сумели покорить эту страну и кофийский владыка стал вассалом Багряного Пифона. Позже, когда орды хайборийцев стерли Ахерон с лица земли, К. был покорен ими и стал хайборийской державой. Но опять географическое положение сослужило К. службу — ввиду своей удаленности ему удалось сохранить самобытность. Несмотря на то, что К. не может похвастаться плодородностью своих земель, его центральное положение на западном континенте дает ему определенные преимущества перед его соседями, так как через его территорию проходят все транспортные пути, что дает возможность этому гос-ву получать существенные налоги за проход по его территории (см. Р.Говард «Знак ведьмы», где описан эпизод, когда наемник Констанциус просит у хаурянской царицы Тарамис соизволения провести свою армию через ее

территорию). Но налоги эти не столь велики — К. известен своей осторожностью в этом вопросе, и всегда просит не больше, чем ему готовы дать.

Современная ситуация

Усилия владыки К. — Страбонуса, направленные на то, чтобы усилить налоговую политику, дали свои плоды, так как недавно многие гуртовщики гнали свои стада на дешевые пастища Шема. Страбонус также установил ряд дорожных форточек на границе с Шемом, чтобы взимать дань и с караванов. Те, кто отказываются платить таможенные пошлины рискуют добиться того, что их товар будет конфискован. Такая политика приводит к постоянному недовольству со стороны Шема, чьи караваны, идущие с востока на запад неоднократно страдали от поборов. Если политика К. не изменится, то в ближайшее время, Страбонус, возможно будет против воли втянут в войну с Шемом.

Враги и союзники

К. поддерживает торговые и дипломатические отношения с большинством земель Коринфии, Офира и Шема. Однако никто из них не мог бы рассматриваться, в качестве надежного союзника, ибо каждый из них хоть единожды, но был предан коварным Страбонусом. Однако, ни одна из этих стран не станет враждовать с К., осознавая, что последний лежит на перекрестье

торговых путей и осложнить отношения с этой страной означает обречь собственное государство на изоляцию. Не менее враждебно по отношению к К. настроены и северные государства. И Аквилония и Немедия сходятся во мнении, что Страбонус — опасный выскочка, чьи действия подвергают опасности мир на всем хайборийском континенте. В этих высказываниях много правды, ибо отряды Страбонуса не раз нападали на пограничные города Немедии, а многие аквилонские караваны исчезали в вихрящихся кофийских каньонах.

Г е о г р а ф и я

Территория К. представляет собой длинную полосу скалистых горных местностей, граничащей с Замором Коринфии и Офиром на севере и Шемом на юге. В течение зимних месяцев К. оказывается полностью блокирован снежными заносами. Кофийские города большей частью располагаются в долинах, многие из которых весьма широки и имеют площадь в 20-30 миль. Практически все города окружены высокими стенами, оставшимися еще с валузийских времен.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Тантисиум (Tantusium) — крохотное государство, вассал К.. Тантисиум находится в постоянном конфликте с кофийским владыкой. Это государство достаточно удалено от Хоршемиша,

чтобы посыпать туда отборные войска, что только усиливает дерзость этой страны. Многие политики предсказывают, что Тантисиум рано или поздно добьется независимости — это только вопрос времени.

Ханирия (Khanyria) — город в Хауране.

Хаурен — полунезависимая провинция на территории К.,名义上拥有着绝对的主权和独立，但事实上却受制于王室。在哈斯米什的统治下，这个地区被纳入了王室的直接管辖之下。然而，尽管如此，哈斯米什仍然无法完全控制这个地区的政治和经济。在哈斯米什的统治下，这个地区被纳入了王室的直接管辖之下。然而，尽管如此，哈斯米什仍然无法完全控制这个地区的政治和经济。

Хорайя — провинция К., которая так же как и Хаурен, формально независима от Хоршемиша. Хорайя — наследственная монархия. В отличие от Хаурена государственная власть передается по мужской линии. Хотя известны случаи, когда в отсутствии правителя мужчины в Хорайе правили царицы.

Хоршемиш — столица К.. Чтобы увеличить число караванов, идущих через западный К., Страбонус истратил огромные суммы из казны, чтобы благоустроить Хоршемиш и сделать город достойным носить титул «королева Юга». Для этого возводятся караван-сараи, постоянные дворы, стойла для вычных животных, то есть

делается все для того, чтобы привлечь в столицу купцов. Но маршруты караванов отшлифовывались веками, и чтобы изменить их нужны веские причины. Поэтому, доселе политика Страбонуса не приносит ощутимых результатов. Строительство в Хоршемише требует значительных расходов, но сккупость Страбонуса, ставшая притчей во языцах, существенно осложняет благоустройство города.

О б щ е с т в о

Современные кофийцы — нация получившаяся в результате смешения хайборийской, шемитской и стигийской крови. Жители К. среднего роста и среднего телосложения, имеют ярко выраженную склонность к полноте. По душевному складу они напоминают другие хайборийские нации, разве что чуть более скupы. В дополнение к народам цивилизованного К., имеется несколько племен, которые обитают в труднодоступных горных районах. Эти горцы свирепы и независимы, и не покидают своих жилищ в горах и не спускаются в долину. Поскольку они не противопоставляют себя официальной власти, а как-бы не замечают ее, то монархи Хоршемиша никогда не предпринимали попыток истребить эти племена. Строго говоря, горцы и не могут представлять собой существенную опасность, поскольку самое большое поселение насчитывает двести горцев и явно не сможет противостоять когортам тяжеловооруженных пехотинцев.

П р а в о

Кофийские законы не отличаются от большинства правовых систем Хайбории. Единственное отличие К. состоит в жесткой налоговой политике, которая озлобила народ, что рано или поздно приведет к мятежу.

С т р а б о н у с , к о р о л ь К о ф а

Нынешний владыка К. снискал популярность по многим причинам. Во-первых, своим продвижением к трону Хоршемиша, которое было обусловлено не столько правом по рождению, сколько шантажом, интригами и политическими манипуляциями. Кроме него было семь претендентов на корону — четыре из них умерли при загадочных обстоятельствах, а трое оставшихся добровольно отказались от трона в пользу Страбонуса. Хотя поведение Страбонуса — немногим расчетливей большинства его соседей, он не пользуется доверием у монархов сопредельных держав. Он всегда утверждал во всеуслышание, что содержит армию, лишь для того, чтобы поддерживать порядок внутри государства, но всем ясно в его коварную голову постоянно приходят мысли о том, как бы оттяпать порядочный кусок территории у соседей. Так, он неоднократно нарушал мирные соглашения с Оифром, Шемом, Коринфии и Немедией, и дважды вторгся в Аргос. Наибольшую опасность представляет его

альянс с колдуном Тзота-Ланти, живущим уединенно в Алой Цитадели, в которой имеется тайный проход к хоршемицкому дворцу. Цитадель мага буквально настелена кошмарами, и почти нет тех, кто вернулся бы, хоть раз переступив ее порог. Хотя, не исключено, что все ужасы подземелей большей частью плод воображения безумного аквилонского поэта Ринальдо, которому современники и обязаны рассказам об этом вместилище Зла. Но для большинства хайборийских сюзеренов союз с колдуном уже сам по себе достаточен, чтобы с недоверием относится к тому, кто его заключил, ибо не один уважающий себя хайборийский нобиль не будет пятнать свою репутацию сношением с Силами Тьмы. Но так или иначе, а для Страбонуса его союз с Тзота-Ланти, стал неотъемлемой частью политики Хоршемиша.

Р е ли г и я

Кофийцы поклоняются шемитским богам. Но вера, которая много лет тому назад насаждалась правителями Ахерона, искоренена не до конца. Поэтому многие кофийцы испытывают симпатию к стигийским культурам, т.к. эта страна является прямой наследницей разрушенной империи колдунов.

Культ Митры не популярен в К. Более того, почитатели Пламенноокого всячески преследовались, до тех пор, пока Страбонус не повелел построить большой храм Митры в Хоршемише, желая угодить проезжающим купцам.

В о о р у ж е н ы е с и л ы

Армия К. большей частью состоит из тяжелой и средней пехоты, т.к. эти рода войск более мобильны и требуют меньшего числа воинов, нежели многолюдная легкая пехота, а это, в свою очередь, позволяет сократить расходы на армию. На сегодняшний день кофийская армия содер-жится плохо, скучность Страбонуса и тут дает о себе знать. Поэтому многие закаленные и опытные воины предпочитают продавать свои мечи Шему, который хорошо оплачивает услуги наемников. То есть опытные воины покидают армию Страбонуса в большом количестве, остается мало обученный, плохо подготовленный контингент новобранцев. Кофийское вооружение выглядит непривычно для хайборийского глаза — в нем смешаны западные и восточные стили. Безусловно, армия, в которой уживаются и закованые в броню рыцари и кочевники на верблюдах, способна повернуть в изумление многих.

Я з ы к

Кофийский язык относится к семье хайборийских языков и напоминает оффирский. Многие кофийцы свободно владеют оффирским и шемитским.

И м е н а и н а з в а н и я

Кофийские имена и названия (так же, как и оффирские), напоминают романские или визан-

тийские: *Валериус* (*Valerius*), *Ватииса* (*Vatiisa*), *Иуга* (*Iuga*), *Ивор* (*Ivor*), *Констанциус* (*Constanzius*), *Саломея* (*Salomea*), *Страбонус* (*Strabonius*), *Тарамис* (*Taramis*), *Феспидес* (*Phespides*), *Ясмела* (*Yasmela*).

КУШ и ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Ч.К. представляют собой группу народностей, населяющих регион к югу от Стигии. Власть и границы Ч.К. постоянно меняются, поэтому трудно судить о них со всей определенностью. К. является самым северным из Ч.К. и лежит на берегу Западного океана, южнее Стигии. Хайборийские купцы и путешественники посещают время от времени эти края и спорой ошибочно присваивают название «Куш» всем Ч.К. в целом.

Конан несколько раз бывал в Ч.К. Вдвоем с Белит они пиратствовали у Черного Берега (см. Р. Говард «Королева Черного побережья» и П. Андерсон «Конан-мятежник», в рус. пер. «Секира Света»), когда киммериец заслужил гордое прозвище Амра-Лев. Он был вождем свирепого племени бамула (см. Р. Говард «Долина потерянных женщин»), однако бежал от них (см. Р. Говард «Замок ужаса») и покинул К. (см. Р. Говард «Рыло в во тьме»). Конан возвращается в Ч.К., преследуя Зарону Черного (см. Л. Спрэг де Камп «Конан-коросар», в рус. пер. «Корона Кобры» и позже — с воинственной Валерий в повести Р. Говарда «Альые когти». Затем он странствует на восток, через Кештан и Пунт (см. Р. Говард «Богиня из слоновой кости», в рус. пер. «Во-

ля богини Небетет». И наконец, многие годы спустя, добирается до южной оконечности материка в погоне за Тот-Амоном (см. Р. Говард «Тени в черепе»).

История

Письменная история в Ч.К. практически отсутствует. Несколько позволяют судить проведенные исследования, эти места были заселены темнокожими племенами с начала хайборийской эпохи. Однако границы между королевствами всегда были расплывчаты, а устная летопись большинства племен представляет собой лишь бесконечное перечисление побед. О незначительных поражениях в них не упоминается; а после значительных поражений, как правило, не оставалось никого, кто мог бы помнить о них. На территории Ч.К. находится множество огромных цитаделей, построенных еще до Великой Катастрофы. Многие из них заброшены и лежат в руинах, погребенные в непроходимых джунглях, в других по-прежнему обитают потомки былых владельцев, чудовищно изменившиеся за прошедшие тысячелетия; в третьих нашли пристанище беглецы из «цивилизованных» земель, вынужденные по какой-либо причине покинуть родные края. В Железной Книге Скелоса упоминается загадочный «змеиный народ», обитающий у Южных Огней. Остается, однако, невыясненным, являются ли эти племена потомками бежавших сюда стигийцев, поклонников Сета, или

они действительно последние из уцелевших «змеев» древней Валузии.

Современная ситуация

Последнее время на север стали просачиваться слухи о возникшем на побережье новом королевстве. Есть сведения, что эта держава взяла на вооружение боевую тактику турецких, ставшую их основным оружием в борьбе с враждебными племенами. Это привело в смятение королевство амазонок и заставило держаться настороже Атлайю. Правителем нового государства стал некий воин по имени Юма (Juma), но пока неизвестно, тот ли это Юма, что был некогда верным спутником Конана.

Враги и союзники

Связи Ч.К. с внешним миром ограничены. Они ведут торговлю с щемитами и стигийцами, выменивая оружие на рабов, захватываемых племенем ганатов и некоторыми другими, но в целом северные державы не проявляют интереса к этим диким краям. Основным противником любого племени в Ч.К. является, как правило, соседнее племя. Постоянны войны, интриги и предательства делают жизнь вождя недолгой, но красочной и увлекательной.

География

Ч.К. лежат к югу от Стигии, Дарфара и Кешана. Они протянулись на 2000 миль, до вулканов Южных Огней на южной оконечности континента. С востока Ч.К. ограничивают Друджистанские горы (*Drujistani Mountains*), в запада — Западный океан. Большую часть территории Ч.К. занимают джунгли, на северо-западе лежит обширная пустыня. Джунгли редеют и ближе к югу переходят в саванну, которая простирается до Южного моря.

Географический справочник

Абомби (Abombi) — город на Черном побережье

Амазония (Amazon) — одно из южных Ч.К., где женщины являются воинами, а мужчины находятся на положении рабов. Амазонки контролируют значительную часть территории Ч.К.. В качестве денег они используют перья с золотым песком и выменивают рабов у племени ганата.

Атлайя (Atlaia) — загадочное королевство к югу от Стигии и, вероятнее всего, к югу от Амазонии.

Безымянный остров — о-в, где некогда обитали змеевлюди, лежащий невдалеке от Черного побережья. Площадь Безымянного острова невелика. Единственное сооружение, уцелевшее там до наших дней — это храм бога-жабы Тзатогтуа,

находящийся под защитой древнего магического ритуала Ц'тум.

Газаль (Gazal) — древний город в северной пустыне, возведенный многие столетия назад и лежащий ныне в руинах. Его жители — газали — это потомки поклонявшихся Митре кофийцев, изгнанных из Кофа в 357 г. п.п.А.

Гамбуру (Gamburu) — столица Амазонии.

Город Крылатого Демона — город на берегу ядовитой р. Зархеба, где погибла Белит. Город Крылатого демона был основан на заре истории расой человекоподобных существ, отличавшихся невиданной красотой. Ряд катастроф привел их к гибели, и в городе уцелела лишь крылатая обезьяна, наводившая ужас на окрестности.

Дарфар (Darfar) — одно из северных Ч.К.

Джелуба (Jeluba) — р. протекающая к востоку от Томбалку.

Джихиджи (Jihiji) — селение на границе территории племен бамула и бакала.

Забхела (Zabhela) — город-порт на побережье К. Сюда приходят караваны с товарами, которые уходят затем вглубь континента.

Зархеба (Zarkheba) — ядовитая река, впадающая в Западный океан. Растворенные в воде минеральные соли делают ее непригодной для питья.

Зембабве (Zembabwei) — королевство, лежащее на востоке Ч.К.

Кассали (Kassali) — столица Пунта.

Кешан (Keshan) — одно из северных Ч.К.

Кордафа (Kordafa) — королевство, лежащее к югу от К., где родился колдун Муру.

Ксуталь (Xuthal) — древний город, чьи жители большую часть времени проводят в наркотических грезах. В недрах города обитает демон Тхог, который время от времени выбирается на поверхность и пожирает несчастных, попавшихся ему на пути.

Ксухотль (Xichotl) — древний город, построенный косальскими беженцами. Сейчас в Ксухотле обитает племя тлацитланцев, ведущих род от стигийцев и восточных народностей. Многие десятилетия жители, разбившись на группировки, ведут между собой нескончаемую борьбу за власть, поводом к которой послужила, в свое время, женщина.

Кулало (Kulalo) — селение на Черном побережье, на северной границе Амазонии. Кулало стал столицей государства, созданного кушитом Юмой.

Мероэ (Meroe) — столица К. Этот город является одним из самых крупных в Ч.К., там обитает свыше 50000 человек. Он построен на развалинах древнего достигийского поселения, от которого сохранились еще остатки каменных крепостных стен.

Пунт (Punt) — королевство, лежащее к югу от пустыни, к востоку от Кешана. О жителях

Пунта говорят, будто они «находят золотые слитки с гусиное яйцо величиной, промывая песок в искрящихся горных потоках». Пунт, действительно, является богатейшим из Ч.К., славится обилием золота и самоцветов, и правящая там династия, благодаря накопленным богатствам, является древнейшей в Ч.К.

Сиоджина-Кисуа (Siojina-Kisua) — см. Безымянный о-в.

Томбалку (Tombalku) — город в Ч.К., где живут совместно вожди окрестных племен и афаки, народ шемитского происхождения. Большинство хайборийцев считают Томбалку легендой.

Черное побережье — берег Западного океана, граница Ч.К. Черное побережье является одним из самых «цивилизованных» районов Ч.К., благодаря постоянным контактам аборигенов со стигийскими и шемитскими торговцами.

Южные огни — горы вулканического происхождения на южной оконечности Черного побережья.

Южные острова — о-ва близ Черного побережья, где обитает воинственное племя, находящееся в родстве с племенем суба. Из здешних воинов Белит набирала свою команду.

Яниога (Yanyoga) — город на юге континента, где, по слухам, обитают змеевидные Валузии и их желтокожие рабы. Правда, в других легендах речь идет всего лишь о сбившемся с пути вен-

дийском торговом корабле, чья команда нашла пристанище в этих местах.

Этнографический справочник

Афаки (Aphaki) — шемитское племя, бежавшее к югу, через Стигию, и основавшее город Томбалку.

Бакала (Bakalah) — племя, обитающее южнее К., рядом с племенем бамула. Конан встречался с бакала в 1275 г. п.п.А.

Бамула (Bamula) — воинственное племя на севере Ч.К. Конан стал их вождем в 1275 г. п.п.А., однако вскоре вынужден был бежать, изгнанный шаманами.

Бигарма (Bigharma) — одно из племен в Томбалку.

Борни (Borni) — одно из племен Томбалку.

Вадаи (Wadai) — северное племя, похожее внешне (но не обычаями) на дарфарских каннибалов. Вадаи, однако, не затачивают себе зубы и коротко обрезают волосы.

Ганата (Ghanata) — племя безжалостных торговцев рабами, обитающих в северной пустыне.

Матамба (Matamba) — племя, живущее к северо-востоку от селения Кулало, противники племен, объединившихся под началом Юмы.

Минданга (Mindanga) — племя, живущее к югу от Томбалку.

Суба (Suba) — племя, обитающее на черном побережье. Среди суба жила Белит с семьей. Стигийские работоторговцы напали на их поселение, захватили Белит в рабство и убили ее родных. Белит удалось бежать, и она вернулась на Черное побережье, где набрала команду пиратов из уцелевших суба и отправилась в плавание.

Тибу (Tibu) — племя, живущее в Томбалку.

К л и м а т

Ч.К. лежат всего в 15 градусах от экватора, поэтому климат там очень жаркий. Летом температура превышает 40 градусов по Цельсию, и даже зимой не опускается ниже 25 градусов. В джунглях отмечается повышенная влажность, но в саванне большую часть года сухо, и лишь весенние муссоны приносят необходимые осадки.

Ф л о р а и ф ауна

Животные, населяющие Ч.К. числятся среди самых свирепых в хайборийском мире. Нигде более на всем континенте не встретить такого множества опасных хищников.

Э к о н о м и к а

Ч.К. славятся золотым песком, страусиными перьями, слоновой костью. Кроме того, в руинах древних городов нередко сокрыты сокровища.

О б щ е с т в о

У обитателей Ч.К. темная кожа, хотя оттенки ее существенно разняются в каждом регионе. Большинство аборигенов высоки ростом, крепкого телосложения, мускулисты, однако вожди племен зачастую отличаются непомерной толщиной. Хронических заболеваний здесь практически нет, поскольку, при отсутствии должного медицинского ухода, больные умирают очень быстро. Население Ч.К. делится на ряд независимых племен, возглавляемых вождями. Вождя обычно избирают всем племенем, однако если на это место претендуют сразу два кандидата, спор между ними разрешают шаманы, объявляющие волю богов, или поединок до смерти. В К. простолюдины темнокожи (как и во всех Ч.К.), однако представители знати, потомки кхарийцев, отличаются светлой кожей. У каждого племени имеется отличительный знак, будь то особого вида шрам или татуировка, отличающий членов племени от всех прочих. Это существенно затрудняет проникновение в поселение соглядатаев из враждебных родов. Торговля ограничена, поскольку связи между племенами крайне ненадежны. Вчерашние друзья завтра могут, объединившись с другими, напасть на селение бывших союзников, чтобы захватить провизию, рабов и женщин. Несмотря на это, некоторые союзные племена разработали весьма изощренные способы передачи информации в джунглях. Так, жрецы богини Небетет в Пунте и Кешане, используя

ют для этих целей там-тамы, чьи ритмичные удары представляют собой довольно сложный код. Межплеменные браки по взаимному согласию крайне редки, женщин чаще похищают во время налетов на другое селение. Брак в Ч.К. весьма непрочен, чтобы разорвать его, довольно, чтобы один из супругов изъявил такое желание перед всем племенем. Незамужние женщины волны распоряжаться своим телом по собственному усмотрению, да и у замужних свобода не слишком ограничена. В Ч.К. весьма распространен обычай, когда гостю племени хозяин предлагает на ночь свою жену, причем услуга эта обычно бывает взаимной. Вожди отдельных племен не имеют особого авторитета вне своего племени. Только король К., потомок кхарийцев, может похвальиться тем, что под его властью находится несколько племен. Большим влиянием, помимо вождей, пользуются также шаманы и воины.

П р а в о

Вождь единолично вершит правосудие в своем племени и является его безусловным главой. Зачастую, однако, в племени существует оппозиционная группировка, возглавляемая либо претендентом на власть, либо местными шаманами, которые представляют обычно наиболее консервативные силы племени.

Если не считать покоренных племен, вынужденных во всем следовать воле победителей, в Ч.К. отсутствуют общепринятые нормы правосу-

дия. Вождь принимает решение, исходя из политических соображений, настроений племени или иных соображений, имеющих лишь косвенное отношение к законности.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Большинство племен сражаются пешими и являются умелыми и отважными воинами. Однако они хороши в коротких стычках, но практически непригодны для длительных сражений, поскольку не знают дисциплины и поведение их в бою непредсказуемо.

Я з ы к

Сотни племенных наречий Ч.К. не поддаются детальному описанию. Большинство из них восходят к древнему кушитскому языку. На севере в качестве общего языка для торговцев используется наречие ганата и кушитское, но на юге подобный язык отсутствует.

И м е н а и н а з в а н и я

Имена в Ч.К. звучанием схожи с африканскими: Аджа (*Aja*), Аджонга (*Ajonga*), Баджух (*Bajuh*), Бомбаата (*Bombaata*), Бвату (*Bwatu*), Гобир (*Gobir*), Ларанга (*Laranga*), Сайду (*Saidu*), Сакумбе (*Sakumbe*), Юма (*Juma*), Ясала (*Yasala*), итд. Распространены также дарфарские, кешанские и зембабвийские имена.

КХИТАЙ

К. — это таинственный восточный край, родина могущественных магов и древних мистерий. К. — почти легенда для обычного хайборийца, но страны, лежащие дальше к востоку (как, например, Вендия и Туран), ведут с К. оживленную торговлю. К. описан в нескольких романах. Первое посещение Конаном К. описано в рассказе Р. Говарда «Проклятье монолита» (в рус. пер. «Черный монолит»). С жителями К. он встречается неоднократно и в других произведениях, в частности, в «Огненном ноже» и «Часе дракона» Р. Товарда или в романе Т. С. Стюарта «Влюбленные из Хорезма». Его путешествия в К. описаны в романах Б. Ниберга «Мститель» и К. Гранта и Н. О'Найт «Талисман зла».

История

До Катализма К. населяли кхарийцы. Чудовищная катастрофа, потрясшая мир, почти не затронула К. Однако вскоре на берега его хлынули лемурийские беженцы, которых кхарийцы обратили в рабство, как и все прочие дикие племена, обитавшие в этих краях. Прошли века. И, как бывает во всех деспотиях, со временем рабы уничтожили господ. Кхарийцам, чтобы спастись от мести своих бывших слуг, пришлось спасаться бегством, покидая города и таинственные сокровища своей древней родины. Рабы, ставшие господами, мало что понимали в высоком искус-

стве бывших хозяев. Кхарийские трактаты по сельскому хозяйству, технике и колдовству были непонятны неграмотным рабам. Те немногие, что знали грамоту и пользовались прежде доверием кхарийцев, были убиты как предатели. Вместо того чтобы стать наследниками древней культуры, повстанцы превратились в стервятников, расклевывающих труп погубленной цивилизации. «Новая империя» вскоре распалась. Местные вожди завладели кхарийскими крепостями и прочими оборонительными форпостами и основали небольшие сатрапии, жестокостью не уступая свергнутым кхарийцам, причем каждый пытался захватить власть над всей империей. Лемурийцы переселились на запад, предпочитая простор и вольницу степей постоянным междуусобицам на кхарийских землях. Столетие спустя, эти сатрапии превратились в города-государства, каждое из которых находилось под властью удельного князька, без всякой центральной власти, которая могла бы их объединить. Лишь покинутые кхарийские города хранили еще тень былого величия своих бывших владык. На протяжении пятнадцати веков раздробленные города-государства К. воевали между собой, подобно воронам, дерущимся из-за добычи, и каждое претендовало на то, что является единственным истинным наследником кхарийской империи. Время от времени появлялся сильный вождь, способный объединить силой часть удельных княжеств, вследствие чего возникало так называемое «срединное царство» К. Однако необъятные

пространства государства, вкупе с центробежными устремлениями составляющих его уделов, не позволяли империи существовать хоть сколько-нибудь долгое время и приводили к ее распаду.

Современная ситуация

Недавно установленные связи с Тураном возобновили торговые отношения К. с западом. Караваны регулярно пересекают теперь гирканские степи в направлении Кусана и других государств. Некоторые купцы добирались даже до Камбуи, в надежде добиться благосклонности местных правителей в обмен на западные безделушки. В то же время, многие на западе взывают к осторожности в отношениях с К., опасаясь волны завоеваний с востока. Хайборийцам и без того нелегко выдерживать написк гирканских соседей. Кхитайская же магия может оказаться силой, которая сметит хрупкое равновесие сил не в их пользу.

Враги и союзники

К. не имеет официальных союзников (если не считать нескольких заключенных торговых договоров) на западных землях. Некоторые кхитайские королевства подписали договор с Тураном, другие с Вендией, а иные даже с хайборийскими государствами по ту сторону моря Вилайет (хотя в большинстве своем пакты эти не более чем

формальность), однако в целом К. находится слишком далеко, чтобы активно участвовать в западной политике. Внутри К. города-государства заключают и разрывают соглашения между собой с головокружительной быстротой. Лиць в Черных Королевствах договора могут нарушаться с подобной же легкостью. Разумеется, существуют пакты, поддерживаемые на протяжении столетий, в особенности, между отдаленными княжествами, однако и между ними происходит постоянная борьба за превосходство.

География

Границы К. определены нечетко, поскольку не существует крупных королевств, расположенных по соседству. Сами кхитайцы считают своей западной границей Великую Стену и горы, на которых она возведена. Эта горная гряда тянется на север до ледяных пустошей, и к югу до Южного моря. В К. преобладают субтропические джунгли, болота и пустыни. Плодородная земля находится на склонах гор, слишком крутых, чтобы ее можно было обрабатывать на хайборийский манер, поэтому кхитайцы переняли кхарийскую систему террасного земледелия. Эти террасы не только создают ровную поверхность на склонах, но также предотвращают эрозию почвы.

Географический справочник

Ангкхор (Angkhor) — столица города-государства Камбuja.

Болота Мертвых — болото на крайнем северо-востоке К., где цветет серый лотос.

Великая Кхитайская Стена — гигантская каменная стена, сооруженная кхарийцами, чтобы защитить свои земли от мастодонтов и прочих животных огромной величины (большинство из которых ныне истреблены), которые населяли гирканские степи до катаклизма. Современным кхитайцам Стена служит надежной защитой от гирканских разбойников. Однако, несмотря на непревзойденные зодческие таланты кхарийцев, сооружение это местами начинает рушиться. Кхитайцы пытаются починить свою Стену, однако у них не хватает умений провести работы должным образом.

Камбuja (Kambuja) — самый южный город-государство в К. Правит Камбujей король-бог Пра-Еун (*Pra-Eun*), могущественный маг Алого Кольца. Население строго контролируется правительством (даже более, чем в остальных кхитайских городах-государствах). Помимо обычного военного и полицейского надзора, Пра-Еун содержит таинственные отряды убийц в черных плащах, именуемых Ночными Скиタルьцами, чья задача — физическое устранение политических и

преступных «врагов государства». Среди местных жителей бытует убеждение, что Ночные Скиタルьцы никто иные, как демоны, призванные для этой цели Пра-Еуном.

Кусан (Kusan) — город-государство в К., лежащий к западу от Великой Стены, официально «вне» К., однако на деле являющийся частью этой цивилизации. Местный правитель, король Шу, обладает достаточной властью, но правит справедливо, хотя при дворе существует масса политических фракций, враждающих между собой и с правителем. Кусан ведет регулярную торговлю с Тураном и Гирканией. К примеру, кусанские крестьяне изготавливают для гирканцев гнутые луки, и потому кусанским караванам, везущим на запад кхитайские шелка и золото редко чинятся препятствия, когда они пересекают степи.

Пайканг (Paikang) — город-государство на севере К. В Пайканге правит колдун Я Чиен, владыка Алого Кольца.

Руо-Ген (Ruo-gen) — воинственный город-государство на севере К., севернее Пайканга.

Шу-чен (Shu-chen) — воинственный город-государство на севере К., южнее Пайканга.

Экономика

В К. производится множество редких товаров, включая веера из павлиньих перьев, изделия из

нефрита и фарфора. Часто встречается золото и самоцветы, служащие, в частности, для расчетов при совершении торговых операций.

О б щ е с т в о

На протяжении веков кхитайцы образовали достаточно однородную расу: худощавые, среднегороста, с желтой пергаментной кожей, раскосыми глазами, заостренными чертами лица и высоким лбом. Существую, разумеется, отклонения по регионам (к примеру, южане обычно ниже ростом и склонны к полноте), однако для человека с запада различия эти почти незаметны. Поведение кхитайцев во многом опирается на чрезвычайно сложный ритуал, подражающий церемониям императорского двора древних. Каждый кхитаец имеет свое четко означенное место в обществе и обязан следовать определенным условиям поведения. Эти условности, впрочем, не ограничивают личной инициативы. Кхитайцы верят, что боги вознаградят того, кто наиболее точно следует законам. Отсюда они выводят правило, что «победитель всегда прав», а подобное стремление к успеху любой ценой поощряет предательство и нечестность, поражающие хайборийцев. Особенно людей с запада смущает необычная вежливость местных жителей. Большинство торговцев находят ее безвредной, хотя и раздражающей особенностью. Люди же более опытные всегда способны разглядеть ловушку под лоском угодливости. Каждым городом-госу-

дарством правит монарх. Интересно отметить, что иностранцы находятся на самом низком положении в обществе, на одном уровне со служителями. Периодически в истории К. возникала также фигура императора, объединявшего на время города-государства.

П р а в о

Повелитель города-государства сам устанавливает законы в своей вотчине. Зачастую он лично вершит суд по большинству крупных дел, хотя многие короли назначают вместо себя судью.

Законы, в сочетании с обычаями, призваны поддерживать власть местного правителя. Законы предусматривают наказания не только за обычные преступления, но и за достаточно непривычные (для хайборийца) проступки, как-то: за обладание чрезмерной свитой, за слишком богатое одеяние, не соответствующее статусу, и пр. Самым распространенным наказанием является штраф, но за серьезные преступления полагается казнь. В отличие от хайборийских земель, где судью зачастую можно подкупить или как-то иначе повлиять на него, в К. это практически невозможно сделать. С другой стороны, судья зачастую вершит суд, руководствуясь политическими соображениями или интересами своего клана или фракции, и зачастую пренебрегает законом и истиной для достижения неких «высших» целей.

А л о е К о л ъ ц о

Подобно стигийскому Черному Кругу и гиперборейской Белой Руке, колдуны в К. объединены в свое братство, именуемое Алым Кольцом. В Кольце существует четкая иерархия власти. Более слабые маги прислуживают сильным, а те, в свою очередь, служат самым могущественным. На вершине пирамиды находится маг Я Чиен, правитель города-государства Пайканг. Его чар и демонов страшится весь восток. Алое Кольцо занимается исследованием древних кхарийских манускриптов. Магам-ученым удалось раздобыть множество оставленных древними рукописей и овладеть наследием, недоступным для современных стигийцев, хотя те и являются прямыми потомками кхарийских беженцев.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Войска кхитайских городов-государств отличаются отличной выучкой и дисциплиной. Регулярные вылазки и патрулирование границы поддерживает их в форме. На пользу дисциплине идет и строгий кодекс армейских законов и традиций. Основу армии составляет пехота, преимущественно вооруженная пиками, но некоторые города-государства, типа Кусана, содержат также легкую кавалерию. Неотъемлемой частью воинской науки в К. является осадное искусство, управление осадными машинами, и пр.

Я з ы к

Кхитайский язык ведет происхождение от кхарийского, смешанного с наречиями бывших рабов. Существует множество диалектов кхитайского языка, значительно разнящихся между собой, на которых говорят в различных областях и городах-государствах. Письменность идеографическая, пунктуация практически отсутствует. Сложные понятия описываются несколькими идеограммами, некоторые из которых носят случайный характер и обусловлены лишь «традиционным» использованием. Идеографическое письмо помогает общению на длительных дистанциях, поскольку звуковое письмо неминуемо пострадало бы от различий в диалектах. Среди кхитайцев мало грамотных. Десять тысяч знаков кхитайской письменности остаются уделом знати и писцов.

И м е н а

Кхитайские имена состоят из односложного родового имени, за которым следует одно или двухсложное собственное имя: Ио Ла-гу (*Yo-La-Gu*), Кан Лу-дзе (*Can-Lu-dze*), Кан Сиу (*Can-Siu*), Лен Чи (*Len Chi*), Я Чиен (*Ya Chien*). Изгои теряют право носить родовое имя, его не носят также некоторые колдуны (такие как Пра-Еун), чтобы показать, что поднялись над своим кланом.

МЕРУ

М. — это страна в самом сердце Гимелийских гор. О ее происхождении мало что известно достоверно, если не считать красивых легенд, и даже о самом существовании М. мир узнал сравнительно недавно. М. упоминается в единственной повести Л. Картера и Л. Спрэга де Кампа «Город черепов».

История

По меруанской легенде, долина, именуемая Чашей Богов, являлась прежде Крышой Мира и представляла собой абсолютно плоскую ледяную равнину, протянувшуюся от пиков Гимелийских гор, до самых вершин Тадакмасы. Далее в меруанских сказаниях говорится: «И решил тогда Яма, владыка демонов, создать эту долину для нас, своего избранного народа, дабы могли мы там жить и процветать. И наложил он чары на Крышу Мира, и заставил ее прогнуться. Задрожала земля, загрохотала, точно десять тысяч громов, и брызнул раскаленный камень из щелей, и вспыхнули леса, и обрушились горы». Когда же завершились эти чудовищные катаклизмы, между двумя горными грядами образовалась глубокая долина, согретая внутренним теплом Земли, так что там смогли найти приют животные и растения южных стран. «И сотворил тогда Яма первых меруанцев, и привел их в долину, дабы могли они жить там вечно». Некото-

рые хайборийские ученые придерживаются мнения, что в легенде в поэтическом переложении дано описание Великой Катастрофы, погубившей Атлантиду. В доказательство своей теории они указывают, что никакими иными причинами невозможно объяснить существование в изолированной от внешнего мира долине таких животных как носороги, тигры и прочие обитатели джунглей.

Враги и союзники

М. практически не имеет контактов с внешним миром. Некоторые гирканские племена торгуют с меруанцами, выменивая у них золото и самоцветы, однако большинство кочевников предпочитают держаться подальше от жителей долины.

География

Чаша Богов лежит между Талакмийской и Гимелийской горной грядой. Озеро, именуемое Сумеро Тсо (Sumero Tso), покрывает большую часть долины. Семь священных городов М. — Аузакия (Auzakia), Исседон (Issedon), Палиана (Paliana), Тогара (Thogara), Троана (Throana), Шамбалла (Shamballah) и Шондакор (Shondakor) — стоят на берегах озера, у подножия гор, на равном расстоянии один от другого. Благодаря вулканической активности, продолжающейся в недрах гор,

климат в М. достаточно жаркий, почти тропический. Здесь отлично чувствуют себя многие растения и животные, населяющие Черные Королевства.

О б щ е с т в о

Большинство меруанцев низкорослы, смуглокожи, внешне похожи на венгийцев. Их цивилизация пребывает в состоянии длительного застоя, причем общественная жизнь находится под строгим контролем шаманов и жрецов Ямы. Правителем М. является римпоше, который считается сыном самого Ямы, за ним следует верховный жрец, знать, духовенство, землевладельцы и военные.

О б ы ч а и

Меруанцы убеждены, что все хорошее и дурное, что случается с человеком на протяжении жизни, является результатом действия кармы. Если их постигнет неудача, они считают, что таким образом расплачиваются за прошлые преступления, если же им улыбнется удача, они воспринимают ее как награду за добрые дела в прежней жизни. Поэтому меруанцы с равным спокойствием воспринимают любые повороты судьбы. Помимо этого, меруанцы привыкли безоговорочно повиноваться жрецам. Отчасти, благодаря незыблемой вере в то, что жрецами рождаются лишь люди, достигшие высокого уровня

духовного развития, отчасти — опасаясь гнева бога Ямы. Римпоше (король-бог) считается главой государства и церкви. Сейчас им является Ялунг Тонгпа (*Jalung Thongpa*), именуемый также Грозой Людей и Тенью Небес, его считают воплощением Ямы. Когда умрет Ялунг Тонгпа, жрецы по всей стране примутся искать младенца, родившегося точно в миг смерти предыдущего римпоше. Именно этот ребенок, даже если он окажется калекой, будет считаться инкарнацией правителя.

П р а в о

Меруанские законы просты и состоят в безусловном повиновении жрецам. Жречество является источником правосудия (поскольку жрецы якобы провозглашают волю самого Ямы), и речи их считаются богоизбранными. Для меруанцев смерть отнюдь не является высшей мерой наказания. Смерть освобождает душу для нового воплощения, и потому не является ни карой, ни наградой, но лишь переходным периодом, лишенным собственной этической значимости. Поэтому величайшим наказанием для преступника является продажа в рабство, гребцом на галеры, курсирующие по озеру Сумеро Тсо. Меруанцы верят, что раб лишается права считаться личностью и, вообще, человеком, и потому после смерти бывший раб не сможет возродиться в человеческом облике. Поэтому рабы редко бунтуют, даже если осуждены несправедливо, надеясь

заслужить прощение покорностью и искупить прошлые грехи.

Р е ли г и я

Меруанцы поклоняются богу Яме.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Конница неизвестна в Чаше Богов, и потому армия М. состоит из пеших воинов, вооруженных, в основном, пиками. Впрочем, в условиях почти полной изоляции от окружающего мира в армии практически нет нужды.

Я з ы к

Меруанский язык лишь косвенным образом связан с другими современными языками. Некоторые меруанцы, особенно на севере, немного говорят по-гиркански.

И м е н а и н а з в а н и я

Имена жителей М. напоминают тибетские: Танзонг Тенгри (*Tanzong Tengri*), Ялунг Тонгра (*Jalung Thongra*). Некоторые меруанские имена звучанием похожи на гирканские или вендийские.

НЕМЕДИЯ

Н. является вторым по значимости государством в хайборийском мире и основным соперником Аквилонии. В то время, как в Аквилонии всегда очень сильны были стремления к независимости провинций, что нередко служило причиной междоусобиц и восстаний, в Н. феодальная централизация превалирует над подобными настроениями.

Конан был вором в Нумалии, что описано в повести Р. Говарда «Бог в чаше», позже, в романе Л. Карпентера «Конан воитель» столкновения с законом в Н. привели его за решетку. На несколько лет он покинул эту страну, после чего вернулся в Бельверус (см. Р. Джордан «Конан победитель», (в рус. пер. «Тень властелина») с далекого севера. И наконец, в «Часе дракона» Р. Говарда, Н. нападает на Аквилонию, воспользовавшись помощью ахеронского колдуна Ксалтотуна.

И с т о р и я

История Н. начинается с приходом кхарийцев и возникновением древнего Ахерона. Когда кхарийцы, спасаясь от восставших рабов-гирканцев, бежали на запад, на здешних плодородных землях ими были основаны три королевства: Древняя Стигия, Старшая Гиперборея и Ахерон. Владения Ахерона простирались на территории, где сейчас расположены северо-восточная Аквило-

ния, Н., Бритуния, Коринфия и Офир. Старшая Гиперборея — это сегодняшняя юго-восточная Аквилония, Пограничное королевство и южная Гиперборея; наконец, Древняя Стигия располагалась в границах нынешнего Шема, Стигии и турецкой пустыни. Когда с севера на юг устремились племена хайборийцев, Ахерон пал почти мгновенно. Пурпуробашенный Пифон, где обитали лучшие колдуны державы, оказался стерт с лица земли. Хайборийцы прочно обосновались в этих местах и основали немедийское королевство. С тех пор ни одному захватчику не удавалось покорить Н. Короли Н. въезжают на Троне Дракона вот уже три тысячи лет. Со временем Аквилония, более юное государство, военной мощью превзошло древнего соседа. Но Н. по-прежнему остается культурным центром хайборийской цивилизации.

Современная ситуация

Н. занимала последнее время выжидательную позицию, прежде чем начать победоносный поход, надеясь, что ураган междоусобной войны охватит Аквилонию. Однако смерть Нумедидеса и восшествие Конана на престол полностью изменили ситуацию, лишив короля Нимеда возможности захватить вожделенные территории восточной Аквилонии. Репутация Конана как отважного и умелого полководца также сыграла свою роль, и правитель Н. принял решение не

рисковать понапрасну войсками и даже попытаться заключить перемирие с новой династией. Примиренческая позиция короля Нимеда, однако, пришлась не по вкусу большинству немедийских дворян, убежденных, что на Аквилонию следует напасть, пока страна еще не окрепла после гражданской войны. Убедившись, что правитель не намерен уступать давлению со стороны, знать пошла на крайние меры, включая заговор с целью свержения владыки.

Враги и союзники

Основным соперником Н. является Аквилония, и Н. прилагает массу усилий, дабы везде, где только возможно, превзойти соседей. Также у Н. случаются разногласия по различным поводам с Бритунией, Заморой, Кофом и Офиром, но конфликты эти не носят затяжного характера. Единственным постоянным союзником (практически вассалом) Н. является Коринфия, которая, с одной стороны, играет роль буфера между Н. и Кофом, а с другой, служит основным поставщиком всевозможных товаров, идущих с востока через Аграпур, по Дороге Королей.

География

Н. — во многом схожа с восточной Аквилонией. Здесь практически не осталось хищных животных, ибо земли эти освоены человеком уже

более трех тысячелетий. С двух сторон Н. окружают горы, и лишь северная и восточная граница проходят по равнине. Горы служат барьером, защищающим страну от захватчиков, поскольку обученные немедийские воины способны в горных ущельях и на перевалах остановить даже самую мощную армию.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Бельверус (Belverus) — столица Н. Бельверус — это очень красивый город. На западе сравниваясь с ним может разве что Хоршемиш, правители которого истратили целое состояние, тщась роскошью сравняться с величественной немедийской столицей.

Нумалия (Numalia) — второй крупнейший город в Н. Нумалия лежит на Дороге Королей, связывающей крупнейшие города Запада. К югу от Нумалии идут дороги, по которым караваны отправляются в Коф, Офир и Шем.

Пифон (Python) — древняя столица Ахерона. Местонахождение Города Пурпурных Башен до-подлинно никому не известно, однако некоторые ученые высказывают предположение, что он находился на северо-востоке Н., недалеко от Пограничного королевства. Утверждают также, что руины Ахерона и по сей день скрывают неслыханные сокровища.

Тора (Tora) — баронство в Н.

Ханумар (Hanumar) — город на севере Н. В Ханумаре процветает распространенный в Н. куль-т богини Ибис.

Э к о н о м и к а

Н. производит множество товаров, таких как оружие, доспехи и некоторые достаточно сложные механизмы, а также ювелирные изделия тонкой работы. Рудники Н. практически истощены. Весьма важным источником дохода Н. являются пошлины, получаемые с торговцев, следующих по Дороге Королей.

О б щ е с т в о

Основу населения Н. составляют хайборийцы, с легкой примесью древней кхарийской крови, доставшейся в наследство от покоренных ахеронцев. Во многом политическое устройство Н. схоже с аквилонским, однако связи между феодами здесь значительно сильнее, тогда как личная свобода жителей ограничена. В течение долгого времени Н. была основным соперником Аквилонии. Немедийские политики прилагают большие усилия, чтобы доказать преимущество своей державы во всех областях. Однако, несмотря на высокий культурный уровень, достигнутый немедийским обществом, стране недостает богатства природных ресурсов, которые позволили Аквилонии вырваться вперед. В целом, на на-

стоящий момент соперничество двух держав зашло в тупик, и ни одна не может похвастать тем, что одержала безусловную победу. В Н. существует типично феодальная система правления. Ступенью ниже короля Н. находятся принцы, вслед за которыми следуют графы, бароны и рыцари. В городах велико значение бургомистров и состоятельных торговцев. Рабство существует, хотя и не в столь жестоких формах, как в менее цивилизованных государствах.

Феодальная иерархия

Н. поддерживает феодальную иерархию гораздо строже, чем другие хайборийские державы. Каждый житель занимает в ней свое место, каждый приносит вассальную клятву верности сузерену и имеет четко очерченный законом круг прав и обязанностей. Феоды и должности передаются по наследству старшему сыну, исключительно на основе родственных связей. Если у правителя не будет сына, который взошел бы на престол, для определения наследников привлекается сложнейший кодекс законов и установлений о степенях родства. Многие государственные, а также военные посты могут занимать исключительно лица благородного происхождения. Кроме того, лишь нобили имеют право заседать в суде или в королевском совете. Лишь среди ученых и людей искусства происхождение имеет меньшее значение, нежели природные способности, хотя и в этих областях наличие со-

стоятельного мецената существенно облегчает существование, и требуется поручительство дворянина, чтобы добиться признания знати.

Право

Законы Н. уложены в особый кодекс, весьма запутанный и сложный, именуемый Немедийскими Доктринаами. В них определяются права граждан, обвиненных в совершении преступления, наказания за проступки различной степени тяжести и, в особых случаях, даже позволяет нобилю (но не низкорожденному) привлечь к суду самого короля. Немедийский суд славится своей справедливостью. Судей назначает сам король или властитель провинции. Существуют также так называемые дознавательские советы, призванные отыскивать улики и привлекать к суду преступников. Особенно жестоко обходятся в Н. с должниками. Если человек не способен уплатить значительного размера долг, суд может постановить продать его в рабство вместе с семьей, дабы расплатиться с кредиторами. Таким рабам выжигают на плече крест, служащий знаком их статуса должника.

С другой стороны, рабство существует в Н. в гораздо более мягкой форме, чем в большинстве хайборийских держав. Закон защищает раба от непомерной жестокости господина и оговаривает, что ребенок, родившийся от раба и свободного человека, считается свободным. Также, многие хозяева по различным причинам могут

предложить своим рабам свободу, однако большинство из них отказываются, предпочитая оставаться сытыми рабами, нежели голодать, будучи свободными.

Р е ли г и я

В отношении религии Н. является самой либеральной из хайборийских держав. Помимо культа Митры, являющегося государственной религией Н., здесь существуют, к примеру, философские секты скептиков и храмы, посвященные шемитским божествам, культа таинственной богини Ибис (более нигде не известной) и даже стигийского Сета. Подобная религиозная неразборчивость является одной из причин постоянных трений между Н. и Аквилионией. Храмы Митры в Аквилионии практически полностью контролируют религиозную жизнь страны и на протяжении веков пытались оказывать давление на аквилионских владык, дабы те воздействовали в том же русле на Трон Дракона.

Н а у к а

Немедийское общество с уважением относится к научным изысканиям и любому знанию. Трон Дракона привлекает на службу лучшие умы Хайбории, создающие бессмертные творения в области различных наук, истории, искусства и теологии. В числе прочих следует отметить Немедийские хроники, исторические анналы

создающиеся придворными историками на протяжении столетий. Хроники поражают своей беспристрастностью и полнотой, и именно им мы обязаны большинством знаний о хайборийской эпохе.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Армия Н. включает в себя практически все виды войск, от пехоты до тяжелой кавалерии, причем все они отличаются образцовой выучкой и дисциплиной. Особым приемом является постоянная ротация войск, дабы каждый отряд мог ознакомиться воочию со всеми доступными видами территории, где могут происходить боевые действия. Также, в Бельверусе существует Военная Академия, чьи выпускники по праву пользуются во всем мире славой непревзойденных военачальников. Там теоретики военного дела заняты изучением всевозможных приемов и способов ведения войны, существующих в современном мире.

Я з ы к

Немедийский язык находится в близком родстве с аквилионским, у них сходный алфавит, хотя правила произношения претерпели за многие века существенные различия. Немедийцы зачастую бегло говорят на языках соседних держав, в особенности, аквилионском и офирском.

И м е н а и н а з в а н и я

Немедийские имена напоминают аквилонские и зачастую также имеют латинскую или греческую основу: Алкимед (*Alcimedes*), Альтаро (*Altaro*), Амальрик (*Amalric*), Аридей (*Arideus*), Астреи (*Astreas*), Брагорас (*Bragoras*), Деметрио (*Demetrio*), Диана (*Diana*), Дион (*Dionus*), Карант (*Caranthes*), Нимед (*Nimed*), Октавия (*Octavia*), Осторио (*Ostorio*), Постумо (*Posthumo*), Промеро (*Promero*), Таракс (*Tarask*), Энарос (*Enaros*).

НОРДХЕЙМ

Н. является самой северной страной хайборийского мира. Н. разделяется на две части — Асгард и Ванахейм. Именно там родина светловолосых варваров, давших изначальный толчок хайборийскому переселению народов.

Конан впервые встретился с нордхеймцами в юном возрасте. К началу их совместных приключений ему сровнялось шестнадцать зим (см. Р. Говард «Легионы мертвых»). Позже киммериец неоднократно имеет дело с асирами (см. Д. М. Робертс «Конан победитель»; «Конан доблестный», в рус. пер. «В чертогах Крома»; и Р. Говард «Дочь Ледяного Гиганта»). Одним из спутников Конана был в свое время Сигурд Ванахеймский, родом из Н. К тому времени, как Конан встретился с Сигурдом (см. роман Л. Картера и Л. Спрэга де Кампа «Конан корсар», в рус. пер. «Корона кобры»), оба прожили в цивилизованных странах доста-

точно долго и в значительной мере утратили сходство со своими сородичами. Потому едва ли следует уподоблять всех ваниров Сигурду, равно как и Конана не стоит считать типичным киммерийцем. Тем не менее, из поведения и рассказов Сигурда можно сделать определенные выводы, относительно его родины.

И с т о р и я

Светлокожие северные варвары, прогнавшие хайборийцев к югу, были потомками племен атлантов, бежавших далеко на север в ходе атланто-пиктских войн. В суровых северных краях атланты деградировали почти до животного состояния, затем сумели постепенно подняться, но, в целом, так и остались дикарями. Нордхеймцы (общее название, данное хайборийцами северным племенам) всегда считались отважными воинами, хотя (подобно большинству хайборийцев) практически неспособны к объединенным боевым действиям, требующим согласованности и дисциплины. Традиции Н. возносят героя-одиночку над группой. Поэтому северяне могут быть непобедимы в небольших стычках, где действует каждый сам за себя, но почти беспомощны перед организованными, спаянными армиями южан. В 74 г. п.п.А. Н. раскололся на две части. Два великих вождя, Ван и Ас, решили объединить племена, породнившись между собой. Хунд, сын Аса, должен был взять в жены одну из дочерей Вана. Далее история звучит

по-разному, в зависимости от того, какая сторона ее рассказывает. Асиры (потомки Аса) утверждают, что Хунд должен был жениться на Грете, младшей дочери Вана, прекрасной, как Атали, дочь бога Имира. Ваниры же, напротив, убеждены, что супругой Хунда, по обычаям северян, должна была стать Хельга, старшая, а никак не младшая дочь Вана, далеко не столь красивая, как сестра. Когда же под венец подвели дурнушку Хельгу, Ас впал в ярость. Поднять оружие друг на друга вождям не дали лишь мольбы родни, поскольку пролить кровь на свадьбе было бы дурным знамением. Ван забрал дочь покинул празднество, поклявшись отомстить Асу. Вражда между двумя племенами продолжается и по сей день.

Светловолосые асиры обитают в восточной части Н., именуемой Асгардом. Рыжеволосые ваниры живут на западе, в Ванахейме.

Г е о г р а ф и я

Н. — крайне негостеприимный край, покрытый заснеженными горами, ледниками, тундрой и тайгой на юге. Синие Горы разделяют Н. почти пополам и служат, таким образом, естественной границей между Ванахеймом и Асгардом. В горах Н. живут пещерные медведи, белые медведи и мастодонты. В тайге обитают мыши, лисы и мускусные быки. Нордхеймцы не возделывают землю и не пасут стада. Они живут охотой, рыбной ловлей и собирательством, переко-

чевывая на другое место, когда вокруг прежней стоянки запасы пищи истощаются.

О б щ е с т в о

Большинство нордхеймцев высокие, со светлой кожей, широкоплечие и сильные, как киммерийцы. Волосы у асиров обычно русые, у ваниров — черные, каштановые или рыжеватые. И асиры, и ваниры носят бороды. Племенами асиров и ваниров правят вожди. Ступенью ниже идут военные вожди и обычные воины.

О б ы ч а и

Обычаи нордхеймцев просты, под стать их простому укладу. Вождь племени правит единолично, ни с кем не делясь властью. Военная добыча распределяется между вождем и воинами. Однако как такового права на добычу, кроме вождя не имеет никто. И лишь от его щедрости зависит, как много получат простые воины. Из двух племен ваниры являются более мрачными и сдержанными. Помимо охоты, они добывают пропитание в море, плавая на маленьких каяках, гарпунят крупную рыбу и чаек. Они враждуют с киммерийцами, однако к югу спускаются редко, поскольку киммерийские племена оказывают им слишком жестокий отпор. Асиры отличаются более открытым и дружелюбным нравом. Каждый вечер в их домах звучат песни и смех. Как гласит древняя асирская пословица,

«живи сегодня, потому что завтра можешь умереть».

П р а в о

У нордхеймцев достаточно примитивный кодекс чести, и в соблюдении его они весьма прямолинейны. Это, разумеется, не означает, что они не способны на обман и предательство, однако для нордхеймца имеет огромное значение общественное мнение. «Доброе имя» ценится здесь превыше богатства, поэтому за соблюдением своих неписаных законов северяне следят очень строго.

Нордхеймцы зачастую подвержены вспышкам ярости, и ссоры порой заканчиваются убийством, даже между членами одного племени. В таких случаях закон прост: жизнь за жизнь. Однако, если погибший пал в честном бою, его противник может откупиться от родичей покойного, уплатив т.н. виру или выкуп крови. Вира за убийство равна сумме дохода за семь лет жизни покойного. В случае, если потерпевший только покалечен, вира несколько меньше.

Это отнюдь не означает, что богатый нордхеймец может убивать безнаказанно. Вира принимается обычно лишь в тех случаях, когда смерть произошла в результате честного поединка, без злого умысла одной из сторон. Если существует хоть слабое подозрение на предумышленное убийство, или если поединок проходил «не по справедливости», наследники покойного

вправе отказаться от виры и объявить обидчику кровную месть. Кровная месть заканчивается лишь с гибелю последнего из членов семьи. Иногда случается, что кровная месть не стихает на протяжении столетий, как между ванирами и асирями.

Существует и другой способ разрешения конфликтов. Время от времени в Н. устраиваются всеобщие торжища, на время которых прекращается любая вражда. О таких торжищах широко объявляется по всей стране, они происходят в определенное время года или бывают приурочены к какому-либо значительному событию или торжеству. Человек, ложно обвиненный в убийстве, вправе прийти на торжище и попытаться оправдаться. Даже изгои и преступники чувствуют себя здесь в безопасности, однако им лучше покинуть торжище до истечения назначенного срока.

Р е ли г и я

Нордхеймцы поклоняются ледяному гиганту Имиру, его дочери Атали и духам предков.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Нордхеймские воины побеждают в схватках за счет своей огромной физической силы и умело разжигаемой боевой ярости. Однако против организованных воинских формирований южан выстоять им практически невозможно.

Язык

Нордхеймский язык происходит от языка древних атлантов, подобно киммерийскому. Письменность отсутствует.

Имена и названия

Нордхеймские имена напоминают норвежские: *Браги* (*Bragi*), *Вульфере* (*Wulfhere*), *Горм* (*Gorm*), *Ниорд* (*Niord*), *Ньял* (*Njal*), *Ранн* (*Rann*), *Сигурд* (*Sigurd*), *Хеймдул* (*Heimdul*), *Хорса* (*Horsa*), *Эгил* (*Egil*). В ходу также отчества. Так, сын Ньяла будет именоваться *Ньялссон*, а дочь — *Ньялсдиттер*.

ОФИР

О. самое богатое хайборийское королевство. Это обусловлено не уровнем развития промышленности, сельского хозяйства или торговли, а наличием большого количества золотоносных рудников на его территории. О. — место действия трех произведений «Саги»: в романе Р. Джордана «Конан-Триумфатор» (в рус. пер. «Тайна врат Аль-Киира»), где описывается как Конан борется против демонического культа, защищая это королевство; «Тени во Тьме», в котором Конан спасает короля Хорайи от О.; и наконец «Звезда Хораллы» в котором Конан приносит эту драгоценность королеве О.

История

О. был основан приблизительно на 300 лет раньше Аквилонии одним из хайборийских племен, которое сумело покорить эту дикую местность. Основание О. приходится на тот период, когда мелкие хайборийские государства начали поглощаться более могущественными соседями (подобно Гандерланду или Боссонским Топям). Аналогичная участь могла постигнуть и О., который бы стал частью Аквилонии и вынужден был бы довольствоваться разработкой своих скучных рудных месторождений, отдавая все золото Тарантии, если бы не хитрость одного из первых королей Ианты — Альварика. Пользуясь тем, что постоянно враждующие между собой Аквилония и Немедия с одинаковым усердием направляли свои жадные взоры на золотые прииски О., Альварик ухитрился подписать договор о мире, военной взаимопомощи и защите от посягательств на свою свободу с каждым из сюзеренов. Взамен этого О. обязался платить золотом и представлять своих воинов для формирования наемных отрядов Аквилонии и Немедии. Таким образом, оба короля подписали договор с О. и поклялись защищать эту страну от происков своего противника. Хитроумный Альварик своими интригами и звоном золота добился того, что Аквилония и Немедия стали готовиться к войне друг против друга. Но сражение так и не состоялось. Стараниями Альварика, районы дислокации армий обеих стран были рассчитаны таким

образом, чтобы те встретились на немедийско-аквилонской границе. Это привело к тому, что каждая из сторон обвиняла другую в том, что та осмелилась вторгнуться на ее территорию. Это резко изменило все планы военной кампании. Державам стало уже не до О., стычки в приграничных областях грозили обернуться затяжной и кровопролитной войной. О. не замедлил уверить в своей поддержке каждой из сторон и добровольно взял на себя обязанность укрепить границы каждого королевства так, чтобы они были неприступны для противника.

Но на строительство заградительных сооружений требовалась огромные суммы. Альварик щедро ссуживал деньгами обеих сюзеренов. Война все не начиналась, а долги обеих сторон росли с каждым днем. К тому времени, когда конфликт был уложен, обе державы уже весьма задолжали О.

Владетель Ианты великодушно простил эти долги, взамен подписав договор о ненападении. И Аквилония и Немедия, а позже и Коф легко пошли на это, рассудив, что куда прибыльнее принимать щедрые дары и ссуды от золотоносного О., нежели развязывать дорогостоящую войну против этого королевства и тем самым ослаблять свои позиции перед агрессивными соседями. Успокаивая себя тем, что на вырученные суммы они могут значительно усилить собственные армии, за счет привлечения наемников, сверхдержавы Запада оставили О. в покое.

Современная ситуация

В последнее время золотые прииски О. начали истощаться. Золотоискатели бросились на поиски новых золотых жил, но если удача отвернется от них и новые рудники не будут открыты, то О. разом потеряет все свои политические преимущества, добытые Альвариком.

Враги и союзники

Нет такого государства в Хайбории, которое бы устраивала данная ситуация с О. Но щедрый поток золота из этой страны охлаждает самые горячие головы, не говоря уже о том, что некоторые страны, бедные месторождениями (как, например, Коф) всецело зависят от оффирского золота. Это позволяет О. существенным образом влиять на политическую ситуацию на западе Хайбории. Кроме того, О. нередко выполняет функции посредника в урегулировании споров между странами, что также затрудняет по отношению к нему агрессию любой из держав.

География

О. состоит в основном из равнин, перемежающимися редколесьем. На востоке местность становится гористой, начинаются предгорья Карпаш, которые образуют естественную границу между О., Немедией и Коринфиеей. О. имеет достаточно прохладный климат, обусловленный бо-

льшим количеством осадков и горными селями. Летом в О. снег можно увидеть только на вершинах гор, но зимы здесь морозные. Температура опускается ниже нуля, что в общем, нехарактерно для стран Центральной Хайбории.

Географический справочник

Ианта — столица О.

Лодьер (Lodier) — баронство в О.

Меканта — графство в О.

Ронноко (Ronnoco) — город-государство на территории О., близ равнины Шаму.

Терсон (Terson) — баронство в О.

Фросол (Frosol) — графство в О.

Шаму (Shamu) — равнина, традиционное место баталий в юго-восточном О., на границе с Кофом.

Экономика

О. изобилует золотыми и серебряными рудниками, а также алмазными копями. Наиболее прекрасные драгоценности Запада добыты и обработаны в О.

Общество

О. — государство с ярко выраженной хайборийской культурой, напоминающей аквилюнскую. Отличительная черта — богатство народ-

ных масс. Например, офирые воины носят позолоченные доспехи, а любой торговец, лавочник имеет огромное количество золотых украшений и драгоценных камней. Подобное богатство и связанный с этим высокий уровень жизни приводит к тому, что офиры заслужили репутацию великодушных и незлобивых людей. В народе говорят: «не родился еще офицер, который бы испытал чувство голода или ночевал под открытым небом». Пожалуй, в О. самый высокий уровень жизни во всей Хайбории. Может, благосостояние офицов преувеличено, но жители этой страны равнодушно относятся к богатству, и известны своей благотворительной деятельностью по отношению к населению более бедных стран. Социальное устройство общества — стандартное для Хайбории.

Религия

Жители О. — митрианцы. Этот культ здесь известен в более мягкой разновидности, чем в большинстве других стран. В отдаленных селениях встречается пантеизм — обожествление природы.

Вооруженные силы

О. предпочитает пользоваться услугами наемников. О. имеет возможности щедро оплачивать их услуги, покупая тем самым их преданность. Однако и офиры охотно служат в армии, богат-

ство этой страны не сумело подавить воинский дух истинных хайборийцев. Офирская армия не имеет своей ярко выраженной специфики. Но хорошее вооружение и щедрая плата делают ее одной из самых хорошо подготовленных армий Запада.

Языки

Офирский — типичный хайборийский язык, лишенный красавостей и изящества.

Имена и названия

Офирские названия напоминают латинские: *Баррас* (*Barras*), *Гарус* (*Garus*), *Марала* (*Marala*), *Фронт* (*Fronto*), *Челкус* (*Chelkus*).

ПАНДРА

В романе Г. Эйлата «Бич Нергала» эта страна упоминается достаточно часто, но непосредственно в ней действие не происходит. П. играет важную роль в завоевательных планах короля Абакомо. Описанные в романе события приходятся на конец правления этого монарха, а также пандрского царя Сеула по прозвищу Выжига.

История

В недалеком прошлом П. была северной провинцией Вендии. Она отделилась после многих межэтнических конфликтов на религиозной почве — вендузм так и не смог примириться с сво-

еобразным митрианством пандрцев. Помимо того — появление богатого караванного пути в горах Гимелии, а следовательно и щедрые пошлины пробудили в пандрцах вкус к самостоятельности, что в конечном счете привело к тому, что они взялись за мечи и почти поголовно вырезали вендейские гарнизоны. Затем объединились с афгулами и отбили все атаки вендейских кшатриев. В П. началась гражданская война всех против всех, вендейцы махнули рукой на свою мятежную провинцию, а союзники повстанцев — афгулы — захватили никому, казалось, не нужную власть. Но они недолго удерживали бразды правления. Под видом странствующего колдуна-прорицателя в П. проник шемитский авантюрист Сеул. Он действительно обладал кое-какими знаниями в магии, но более полагался на опыт жулика и природный дар интригана. Вскоре он уже стоял во главе самого мощного союза повстанческих шаек и контролировал добрую четверть страны. На «освобожденной» земле он приказал безжалостно уничтожать афгулов и вообще всех пришлых, нимало не стыдясь своего иноzemного происхождения. Все население П., давно вошедшее во вкус кровопролития, азартно поддержало его почин, и незадачливые афгулы разделили судьбу вендейского губернатора и его солдат. Сеул стал правителем. Разумеется, в такой стране, как П., он мог удержаться на троне только ценой жесточайшей расправы над иначе мыслящими. И он пошел на это без малейших угрызений совести, даже с удовольствием. Он

призвал подданных активнее доносить на «злоумышленников», и даже слабая тень правдоподобия в доносе была равнозначна смертному приговору. Управляя несчастной П. по стратегеме «бей своих, чтоб чужие боялись», он ухитрился просидеть на троне не один десяток лет, хотя никогда не ставил перед собой такую цель. В П. ему было неуютно. Он мечтал провести старость в спокойной Вендини, в роскошном дворце, построенном на деньги своих обманутых и ограбленных подданных.

Современная ситуация

Мечта Сеула Выжиги рухнула вместе с его дворцом и сокровищницей. В П. снова вспыхнул мятеж, царская стража разбежалась, и Сеул, охваченный ужасом, попытался укрыться в Вендии. Но на границе его схватили злопамятные афгулы, подвергли пыткам, а затем умертили.

География

П. расположена на отрогах Гимелии южнее Нехрема. На востоке граничит с Агадеей, на юге — с Вендией.

Экономика

Назвать экономикой ту изощренную систему тотального ограбления, что сложилась в царствование Сеула Выжиги, можно лишь в иронич-

ном смысле. Сеул исповедовал принцип «лучше дохлая и оципанная синица в руке, чем журавль в небе». Все, что можно было отнять и продать, было отнято и продано.

Общество

Очень однородное, состоит из тех, кто беден и недоволен своим положением. Те, кто богат и доволен, к обществу не принадлежат. Это парии у власти — царская стража, немногочисленное чиновничество, мытари. И родственники Сеула — на высших государственных должностях.

Вооруженные силы

Очень малочисленная и целиком наемная — Сеул, не доверяя своим подданным, был вынужден тратиться на чужеземных солдат. Армия едва ли годилась для войны с внешним противником, но с карательными задачами до порыправлялась неплохо.

Религия

Жречество в П., чтобы выжить, самоотделилось от государства. Жрецов Митры уцелело немного — Сеул боялся любой организованной силы, а потому казнил жрецов под любыми предлогами. В духовном плане простонародье представлено самому себе; отсюда — падение нравов, почти незаметное, впрочем, на фоне общего упадка.

Языки

Искаженное северо-вендинское наречие с обилием привнесенных иранистанских и афгульских слов.

ПИКТСКИЕ ПУСТОШИ

П.П., именуемые также Страной Пиктов, — это все, что осталось от некогда бескрайних просторов нецивилизованного Запада после хайборийского нашествия. Эта область простирадась прежде от Западного океана до границ древнего Ахерона, теперь же от нее осталась лишь десятая часть. В стране пиктов происходит действие четырех повестей Р. Говарда «За Черной рекой», «Кровавая луна», «Сокровища Траникоса» и «Волки по ту сторону границы», а также в романе К. Леннарда «Конан — вершитель судеб» (в рус. пер. «Источник судеб»). Все происходящее в П.П. чаще всего связано с историей аквилонской экспансии на западных территориях.

История

Когда Великая Катастрофа уничтожила Атлантиду, погибли также Пиктские о-ва. Немногие уцелевшие пикты основали маленькую колонию в горах южной Валузии. Пиктов, народ менее развитый, по сравнению с атлантами, катастрофа затронула не столь сильно, и им удалось сохранить основы своей культуры. На про-

тяжении 500 лет колонии атлантов сражались с пиктами. С течением времени атланты утратили владение речью и огнем, а пикты вернулись к каменному веку. На этом уровне развития пикты оставались долгое время, поклоняясь своим таинственным темным богам, господствовали на западных просторах. Им не удалось покорить другие нации, такие как шемитов и земрийцев, которые сохранили начатки прежней культуры и знаний, но, со своей стороны, и эти малочисленные народы были не в силах совладать с пиктами.

С возникновением Стигии и Ахерона пикты утратили лишь незначительную часть своей территории. И хотя теперь против них было не только оружие южан, но и запретная магия Востока, пиктам удалось уцелеть. По-видимому, кхарийцы были попросту не заинтересованы в захвате этих диких земель. С приходом хайборийцев владения пиктов еще более сократились. Как и прежде, они отступали медленно, отдельные племена оказывали упорное сопротивление захватчикам, однако их рано или поздно уничтожали, а прочие бежали на запад. На протяжении тысячи лет хайборийцы неумолимо оттесняли пиктов все дальше и дальше. Наконец пришло время, когда дальше отступать стало некуда, и пикты перешли к активному сопротивлению. Хайборийцам вскоре пришлось уяснить, что земли по ту сторону Громовой реки принадлежат пиктам, и те не намерены отдавать их захватчикам. И лишь недавно, с образованием Западной

Марки, ситуация вновь изменилась в пользу Аквилюнии.

Современная ситуация

На аквилюнской границе не прекращаются военные действия. Западная Марка подвергается постоянным нападениям пиктских отрядов. Основной угрозой для хайборийцев остается возможность объединения племен пиктов в единую силу. Пикты не собираются мириться с аквилюнской экспанссией, и поселенцы по ту сторону Громовой реки будут и впредь подвергаться опасности.

Враги и союзники

Основными противниками пиктов являются аквилюнцы, постоянно оттесняющие тех с обжитых земель. Наиболее активное противостояние у пиктов с поселенцами Западной Марки, недавно образованной аквилюнской провинции. Кроме того, у них происходят периодические столкновения с зингарцами и киммерийцами — давним и беспощадным врагом пиктов.

География.

С севера П.П. ограничивают Иглофийские горы, с востока — Черная река, океан — на западе и Зингара — на юге.

Флора и фауна

П.П. представляют собой девственную чащу, где водятся хищники, единственные в своем роде в Хайборийском мире. Климат здесь умеренный, схожий с аквилюнским, хотя зимы зачастую мягче, благодаря теплым течениям Западного океана. Здесь встречаются саблезубые тигры, гигантские питоны, обезьяны и стегозавры, наравне с обычными волками, лосями и медведями. В пиктских чащобах можно встретить практически любую разновидность лесной фауны. Помимо разнообразных обычных животных, в П.П. встречаются также существа, которые «помнят» еще культ Джеббал Сагат. Эти звери обычно размарами и умом превосходят собратьев, и легче попадают под влияние пиктских шаманов.

Общество

Пикты — примитивный народ. Невысокие ростом, приземистые и коренастые, у них, как правило, черные глаза и черные волосы. Они находятся на достаточно низком уровне развития, и более совершенное оружие и предметы обихода обычно выменивают или похищают у зингарцев или аквилюнцев. Главой племени у пиктов является вождь.

Лигурейцы

На раннем этапе хайборийского нашествия часть ахеронских колдунов, именуемые лигурей-

цами, бежали вглубь П.П. В лесной глухи, ставшей для них домом, их магия претерпела значительные изменения. Со временем лигурейцы утратили воспоминания о своем ахеронском происхождении, смешались с хайборийцами и превратились в жрецов, поклонявшихся силам природы, в противовес культу Джеббал Сага. Пикты, как и следовало ожидать, пытались уничтожить лигурейцев. Но колдуны с легкостью дали отпор примитивной магии шаманов Джеббал Сага, и на сегодняшний день пикты предпочитают держаться от лигурейцев на расстоянии. В то время как Джеббал Саг символизирует мощь Зверя, богиня, которой поклоняются лигурейцы, является собой воплощенную Природу, включая не только животных, но также животных и погодные явления. Большую часть времени лигурейцы проводят в своих священных рощах, созерцая природу и пытаясь достичь единства с окружающей средой. Лицемеры выполняют и еще одну функцию. Несмотря на то, что память об Ахероне была ими практически утрачена, они помнят, каким чудовищным надругательством над силами природы была магия кхарийцев. Неоднократно лигурейские жрецы приходили на помощь хайборийским правителям в борьбе против власти Сета и стигийских колдунов. Более того, некоторые ученые считают, что культ Митры и верования лигурейцев имеют общие корни и практически идентичны, если не считать половой принадлежности верховного божества, так что изначально лигурейцы вполне могли быть изгоями.

ми-митрианцами. Самы лигурейцы, однако, предпочитают хранить молчание об этом.

О б ы ч а и

Пиктские племена живут крайне обособленно и почти не вступают в контакт друг с другом. Имя племени дает его животное-тотем: так, существуют племена Орла, Ястреба, Черепахи, Медведя, Волка, Ворона, и т.д. Вождь племени является, как правило, лучшим воином обчины и пользуется поддержкой шамана. Суровые нравы пиктов не отличаются снисхождением к тем, кто не способен сам за себя постоять, поэтому очень редко вождем может стать человек преклонных лет или старейшина. Пикты являются отличными охотниками и следопытами. Они не занимаются земледелием и не содержат домашних животных, добывая себе пропитание исключительно охотой. В лесах они становятся практически невидимыми, поэтому все аквилонские форты на западной границей окружены «мертвым полем», чтобы исключить возможность засады. Не все пикты одинаково враждебны к иноплеменникам.

Зингарские суда периодически совершают рейсы на север, куда везут страусиные перья и драгоценности с юга, а также оружие, в обмен на шкуры, мединую руду и золотой песок. Однако подобная торговля является достаточно рискованным делом. Многие капитаны, которые не были достаточно осторожны, окончили жизнь на

пиктских жертвениках, тогда как их корабли были разграблены дикарями.

Р е л и г и я

Пикты поклоняются богам-животным из пантеона Джеббал Сага.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Пикты являются отличными воинами, но зачастую берут числом, там где не могут взять уменьем — в чем пришлось на собственном опыте убедиться аквилонцам.

В о е н н ы е д е й с т в и я

Перед боем пикты наносят на лицо и тело особую боевую раскраску, чтобы призвать на помощь силу своегоtotема. Если иноплеменник убьет пикта, носящего боевую раскраску, даже в мирное время, это считается к самозашите, и примитивный кодекс чести пиктов не позволяет преследовать убийцу. Однако величайшим оскорблением считается убийство пикта, не носящего такой раскраски — в таком случае на убийцу обрушится гнев всего племени покойного. Пиктам чужды хайборийские представления о рыцарстве и чести. Для пиктов считается совершенно естественным напасть на врага сзади или из засады. Когда же пикты преследуют противника в лесу, они оглашают чащу истощными воплями, чтобы вселить ужас в сердце врага. Основным оружием

пиктов является лук, копье и дубина. Они редко пользуются хайборийскими мечами и боевыми топорами, однако ценят стальные кинжалы. Они никогда не носят лат и доспехов. В качестве трофеев, пикты отрезают поверженным врагам головы и подвешивают их в хижинах или возлагают на алтарь в своих селениях. По верованиям пиктов, если они принесут голову врага домой, то дух его будет вынужден служить им в загробном мире.

Несмотря на всю кровожадность пиктов, у беглецов остается единственное спасение: священные места, являющиеся убежищем в чаще. Если в таком убежище укроется беглец, никто из членов племени, соорудившей убежище, будет не вправе тронуть его. Подобное отношение не является проявлением милосердия: пикты считают эти места обиталищем демонов и злых духов, которые в состоянии сами, без их помощи, покарать святотатца. И хотя немногим хайборийцам удалось выйти из убежища живыми, чтобы затем поведать о нем другим, многие нашли там смерть от когтей сверхъестественных чудовищ.

Я з ы к

Пиктский язык не имеет ничего общего ни с хайборийскими языками, ни с языком атлантов, и происходит от иных, куда более древних и таинственных наречий. Письменность у пиктов отсутствует.

И м е н а и н а з в а н и я

Пиксткие имена являются примитивными и грубыми на слух: *Зогар Саг* (*Zogar Sag*), *Сагьетха* (*Sagyetha*). Имена лигурейцев скорее напоминают латинские. *Дивиатрикс* (*Diviatrix*) — единственное из них, которое упоминается в «Саге».

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

П.К. — это сумрачные земли, находящиеся между северной границей Немедии, Аквилонии и Илофийскими горами, которые служат южной границей Киммерии. Оно раздelenо на несколько крупных феодов, каждый из которых имеет собственного правителя. П.К. описано в «Саге» в рассказе «Ведьма Туманов» (*«Гиперборейская колдунья»*) и в романе Р. Грина «Конан неумолимый» (в рус. пер. «Конан против звездного братства»).

И с т о р и я

Когда орды хайборийцев захватили почти весь центр континента, то на северо-западе они дошли только до территории современной Немедии и Кофа. В поисках новых земель хайборийцы двинулись на север, рассчитывая, что там обитают менее цивилизованные народы, которые будет легко поработить. Поскольку хайборийцы двигались с севера, то часто пересекали землю, теперь известную как П.К., но надолго не задер-

живались там, т.к. природа П.К. бедна, растительность редкая и чахлая, а засоленные почвы непригодны для землепашства. Оттого эта узкая полоса и оставалась нетронутой в течение столетий. Впоследствии, когда молодые хайборийские государства породили собственную знать, то среди местного дворянства начали появляться недовольные новым укладом. Часто вспыхивали мятежи, которые жестоко подавлялись и бунтовщики вынуждены были бежать из родных земель. Некоторые из них попали в П.К. Кто-то для того, чтобы остаться здесь навсегда, но большая часть лишь для того, чтобы залечить раны и собраться с новыми силами.

Через какое-то время, в П.К. возникло множество мелких наделов, где трудились влачившие полуголодное существование крестьяне. Кроме того в этой местности обитали и коренные племена — получеловеческая раса обезьяно-людей, покрытых шерстью. Они находились на чрезвычайно низкой ступени развития: из одежды им были знакомы только набедренные повязки, а пищей служили раки, лягушки и мелкая живность.

С о в р е м е н н а я с и т у а ц и я

В последнее время в П.К. хлынул большой приток жителей, прежде всего сторонников Немедии в недавней войне Немедии и Аквилонии. Большой частью это были слуги, лишившиеся своих хозяев.

Враги и союзники

Правители П.К. имеют только личных врагов, большей частью, со своей бывшей родины. Понятно, что беженец из Аквилонии будет опасаться именно этой страны и может не иметь никаких отношений, например, с Британией. Пожалуй, единственное исключение составляет Немедия, которой котрабандисты П.К. наносят существенный ущерб. Однако немедийцы сурово расправляются с любым княжеством, на которое совершают набег, не разбирая, связан правитель с контрабандистами или нет. Безусловно, такая политика не способствует популярности этой державы в П.К.

География

П.К. — это «унылая пустошь», оживляемая лишь «скрюченными, чахлыми деревьями». Селения представляют собой скопище плетеных хижин с обмазанными глиной стенами. Единственным каменным строением на много лиг обычно является замок хозяина здешних мест.

Общество

Жители П.К. — большей частью аквилонцы и немедийцы, с легкой примесью офицеров, аргосцев и кофийцев. Они живут охотой, разведением овец и коз, а также набегами на Аквилонию, Британию и Немедию. Часто П.К. пересекают караваны, чтобы уклониться от пошлин на неме-

дийских дорогах. Местные князьки также требуют плату за проход по их землям, которая, однако, ниже, чем немедийские дорожные пошлины. Хотя случается, что какой-нибудь заравшийся местный правитель попросту грабит караваны, проходящие через его территорию. Социальное устройство П.К. имеет свою специфику — там нет дворянства как такового. Существуют правители отдельных уделов, ниже по социальной лестнице идут его дружины, затем крестьяне и рабы.

Вооруженные силы

Некоторые из повелителей П.К. содержат небольшие отряды нерегулярной пехоты или пикников. Кое-где встречается и конница, но этот род войск непопулярен из-за болотистой местности П.К.

Язык

Большинство беженцев в П.К. говорит на аквилонском или немедийском. В П.К. не сложился собственный этнос и собственный язык.

СТИГИЯ

С. является второй «империей зла», возникшей в Западной Хайбории. Потомки кхарийцев, стигийцы повсюду вызывают ненависть и страх.

Сама политика С. мало способствует установлению добрых отношений с соседями. С. — это родина Тот-Амона и колдунов Черного Круга.

История

После Великой Катастрофы область, где позже возникла С., населяли змеелюди, выходцы из древней Валузии. Когда эта раса пришла в упадок, многие змеелюди мигрировали на юг, найдя пристанище в глухих джунглях. Там еще во времена Конана можно было обнаружить развалины их храмов и городов, населенных бывшими рабами-людьми и немногими уцелевшими змееголовыми владыками. Когда кхарийцы бежали на запад из древнего Китая, они наткнулись на останки этой цивилизации и покорили ее. Внешне змеелюди напоминали богов, как те описывались в кхарийских легендах, и потому им приписали божественное происхождение. Что касается рабов, то они просто сменили одних хозяев на других. Государство кхарийцев, названное Стигиеей, вскоре расширило свои границы, простираясь от Огненных гор и захватывая почти все земли современного Шема. Тогда как Ахерон, родственное С. королевство, был расположен к северу от Кофийских гор, на территории, где ныне расположены западные хайборийские державы. Когда Ахерон был сметен с лица земли хайборийским нашествием, стигийцы укрылись за рекой Стикс, оставив бывших рабов-шемитов в одиночку противостоять угрозе с севера. В Ше-

ме стигийцы никогда не имели прочных позиций, и потому уступили с легкостью, как только шемиты восстали, требуя независимости. Во времена Конана С. являлась грозной сумрачной державой, вратами в Черные Королевства и основной цитаделью бога Сета.

Современная ситуация

В последнее время из С. доходили слухи, что некая неизвестная сила бросила вызов могуществу Черного Круга. Несколько сильных магов бежали и закрепились в различных регионах бывшей империи змеелюдей. От главы Круга, колдуна Тот-Амона, уже долгое время никто не имеет никаких известий.

Союзники и враги

Все без исключения хайборийские народы с ненавистью и презрением относятся к стигийцам, служителям Змееголового Сета, давнего соперника Солнцеликого Митры. Вместе с тем, иные западные государи не гнушаются услугами стигийских колдунов, стремясь с их помощью укрепить свою власть и достичь своих тайных целей. Туран делает определенные шаги навстречу С., надеясь извлечь определенную выгоду из их возможного союза. Однако, большей частью из-за косности стигийских правящих кругов, переговоры движутся крайне медленно. Вместе с тем, если две эти державы сумеют объединиться,

у хайборийцев появится новый очень опасный противник.

Г е о г р а ф и я

Территория С. представляет собой прямоугольник, расположенный между Шемом и Черными Королевствами. Большую часть территории С. занимает пустыня, где нередко встречаются древние развалины и руины загадочных сооружений. По стигийским легендам, пустыня эта возникла в результате некоего мощного колдовского заклятья. Некоторые приписывают его кхарийцам, другие считают, что такова была месть последних змеелюдей завоевателям с Востока. На побережье Западного океана имеется узкая полоска лесов и болот. Болото Пурпурного Лотоса в центральной части С. подпитывается реками южных джунглей. Другая относительно плодородная местность расположена вдоль Стикса, периодически удобряющего свою пойму, благодаря сезонным разливам. Особенно плодородной является район Тайя, расположенный в нижнем течении реки.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Бахра (Bakhr) — река, приток Стикса, впадающая в него к северу от Луксура. Некогда Бахра была судоходной, однако со временем пересохла и сделалась недоступна для крупных судов.

Болото Пурпурного Лотоса (Purple Lotus Swamp) — заколдованное болото в центральной части С., где произрастает пурпурный лотос.

Кеми (Khem) — жреческая столица С. Этот город черных стен расположен на побережье Западного океана, однако является закрытым для чужестранцев. Таким образом, вся торговля осуществляется исключительно через посредство стигийских судов.

Кешатта (Kheshatta) — город колдунов на юге С.

Луксур (Luxur) — административная столица С., где находится Трон Слоновой Кости.

Небтху (Nebthu) — город на берегу реки Бахры, близ Стикса. Основной достопримечательностью Небтху является гигантская статуя шакала-сфинкса, возвышающаяся над городом.

Нилус (Nilus) — река (см. Стикс)

Птейон (Pteion) — разрушенный город в С., населенный демонами.

Сиптах (Siptah) — остров у южного побережья С., где некогда обитал стигийский колдун Сиптах. Сам маг, по всей видимости, давно уже мертв, однако демоны и чудовища, порожденные его колдовством, все еще населяют остров.

Стикс (Styx) — самая крупная река С., именуемая также Нилусом. По реке Стикс проходит южная граница С. Почти вся она является судоходной. Исток Стикса находится в Пунте, в Золотых горах, она течет на север до самой Тайи,

затем резко сворачивает на запад и впадает в Западный океан.

Сухмет (Sukhmet) — город на юге С., недалеко от Дарфара.

Тайя (Taia) — гористая местность на северо-востоке С., там, где река Стикс совершает кругой поворот на с севера на запад. Тайю населяют шемиты, поклоняющиеся Митре, осевшие в этих местах задолго до того, как Шем сбросил стигийское владычество. Тайя является самым неспокойным регионом в С., источником постоянных тревог для правительства.

Тхуран-в-горах (Thuran-on-the-heights) — столица Тайи. Тхуран был основан митрианским жрецом и почитается священным для тайцев.

Хаджар (Khajar) — оазис в Стигийской пустыне. По слухам, именно здесь обитает колдун Тот-Амон.

Харахт (Harakht) — город на реке Стикс, где поклоняются древнему богу-ястребу стигийцев.

Флора и фауна

Змеи являются одним из самых популярных представителей животного мира в С. Часто встречаются здесь также шакалы, львы и прочие хищники. В Стиксе и Бахре нередки огромные крокодилы и водяные лошади (гиппопотамы). В древних дочеловеческих руинах обитают такие загадочные магические создания как мантикоры, ламии и мермеколионы.

Экономика

С. практически не торгует с внешним миром, лишь изредка предлагая ляпис-лазурь, кварц и самоцветы в обмен на продукты сельского хозяйства (скот и зерно); когда год выдается особенно голодным. Экономика С. базируется на кочевом животноводстве, рыбной ловле и выращивании фиников. Население С. невелико, отчасти из-за непригодного для жизни климата, отчасти из-за человеческих жертвоприношений, совершаемых жрецами ежедневно. Многие стигийцы зарабатывают на хлеб производством всевозможных амулетов, снадобий и магических приспособлений. Другие производят на продажу оружие и шелка, хотя стигийские клинки мало где в мире пользуются популярностью. Стигийские купцы торгуют также слоновой костью, жемчугом, шкурами и рабами, которых доставляют по Стиксу из Черных Королевств, а затем перепродают в Шем, Аргос и Зингару.

Общество

Жречество является главенствующей пропластикой стигийского общества. Храмам принадлежит большая часть обрабатываемых земель, жрецы также занимают большинство руководящих должностей. Стигийская теократия весьма консервативна и крайне отрицательно настроена к любым видам сношений (в том числе, торговым) с внешним миром. Стигийское общество

делится на касты, основываясь, большей частью, на расовой принадлежности. Чистокровные потомки кхарийцев составляют верхушку аристократии. Они худощавы, с черными волосами и светлой кожей. Однако их крайне мало — в жилах большинства стигийцев течет смешанная кровь. Следующей кастой являются средний класс и мелкая аристократия. Они отличаются более смуглой кожей и имеют, как правило, орлиный профиль. Именно их большинство чужеземцев почитает за истинных стигийцев. Они занимают ключевые места в храмах и органах управления, тогда как истинные аристократы проводят время в праздности при дворе в Луксуре. Низшей кастой являются крестьяне, ведущие род от кушитов, шемитов, хайборийцев и стигийцев. Немногие чужеземцы, проживающие в С., автоматически относятся к этой же касте.

О б ы ч а и

Обычаи стигийцев — тайна, покрытая мраком. Жрецы контролируют практически все аспекты личной и общественной жизни граждан. Чужеземцы, будь то купцы или посланники других держав, содержатся в изоляции, им не позволяют проникнуть в святая святых стигийского общества. Известно, что в С. отсутствуют постоянные дворы и харчевни, а будучи вдали от родных мест, стигийцы никогда не принимают пищу в присутствии посторонних. Также стигийцы крайне неохотно рассказывают о своей стране.

Те, кто намереваются туда вернуться, опасаются давать критические отзывы. Те же, кто возвращаться не собираются, предпочитают и вовсе забыть о бывшей родине. Одним из чрезвычайно странных (для хайборийцев) обычая в С. является присутствие на улицах городов ритуальных животных, таких как змеи, гиппопотамы и коршуны. Эти животные считаются священными и им запрещено причинять какой бы то ни было вред. Гиппопотамы являются самыми безобидными и не вызывают особого страха у горожан. Другое дело — парящий над толпой коршун или скользящий по мостовой гигантский питон. Завидев их, стигийцы замирают в ужасе, ожидая, пока священное чудовище изберет себе жертву. Избранный почитается счастливчиком, поскольку он якобы «благословен» богами. Никто не сделает попытки спасти намеченную жертву, и ее ожидает ужасная гибель.

П р а в о

В С. существует единая судебная система, охватывающая как светскую, так и религиозную жизнь. Наказания крайне суровы, вплоть доувечий и смерти. Трупы преступников оставляют гнить, не предавая земле или огню, лишая их тем самым вечной жизни, в соответствии с каноном бога Сета. Стигийские законы полны всевозможных ограничений. Необходимо получить особое разрешение, чтобы, например, сменить место жительства или отъехать дальше, чем на 20 лиг

от дома, на владение оружием или доспехами. Мэда за выдачу подобных разрешений приносит бюрократам постоянный доход и не позволяет объединяться недовольным. Нередко в разрешении отказывают без всяких объяснений и возможной апелляции. С путешествующих без разрешения взимаются штрафы, они могут также подвергнуться аресту. Еще более сурово караются преступления на религиозной почве. Штрафы взимаются с тех, кто не посещает церемоний или не платит храму положенной десятины. Каждый землепашец обязан пригласить жреца благословить посевы (за плату, разумеется), каждый ребёнок должен быть посвящён Отцу Сету. Тот, кто регулярно пренебрегает своими культовыми обязанностями, может быть обвинен в святотатстве. Этого несчастного ждет жестокая казнь, все имущество его будет конфисковано, а семья обращена в рабство.

Религия

Культ Отца Сета является главенствующим в С. Жрецы Сета искореняют все проявления иных религий. Храмы, посвященные другим богам, возводить запрещается, а поклонение им приравнивается к государственной измене.

Вооруженные силы

Основой стигийской армии являются пешие воины и легкая конница. Уровень подготовки

войск достаточно высокий. С. редко демонстрирует свою военную мощь. В армии господствует традиционалистский подход, поэтому во многом она отстает от армий хайборийских держав. Кавалерия используется исключительно в дорожных дозорах и для передачи сообщений. В отличие от Хайбории, в С. не набирают в войска рекрутов-крестьян.

Язык

Стигийский язык имеет мало общего с другими языками Запада. У него имеются общие корни с древним китайским языком.

Имена и названия

Стигийские имена отчасти напоминают египетские: Амнун (*Amnum*), Бахотеп (*Bahotep*), Зерити (*Zeriti*), Ктесфон (*Ctesphon*), Кутамун (*Kutamun*), Менемхет (*Menemhet*), Менкара (*Menkara*), Нехекба (*Nehekba*), Рамвас (*Ramwas*), Сиптах (*Siptah*), Тот-Амон (*Thoth-Amon*), Тотапис (*Tothapis*), Тотмекри (*Thothmekri*), Тутамон (*Turhamon*), Тутоттмес (*Thutothmes*), Шуат (*Shuat*), Хаза (*Khaza*), Хаккет (*Hakket*), Хафра (*Khafra*), Хетерка (*Heterka*), Хомен (*Hotep*).

ТУРАН

Т. — это «новое государство» хайборийской эры, которое населяют иранистанские племена и бывшие гирканские кочевники. Влияние Т. рас-

пространяется далеко за пределами страны, и его экспансионистская политика представляет серьезную угрозу для западных держав. Т. часто упоминается в «*Саге*». Существует целый «турецкий» цикл романов, повестей и рассказов (аналогичный «заморянскому» циклу «Шадизарские ночи») о службе Конана владыке Илдизу, включающий в себя как произведения самого Р. Говарда, так и его последователей.

История

Основателем Т. был гирканский мистик и провидец Тарим. Согласно турецкой легенде, Тарим посетил загадочную страну Патению, лежащую далеко на севере, и там обрел откровение патенского божества Эрлика. Вернувшись в свое племя, Тарим принял проповедовать священную войну во имя нового бога, с целью завоевания обширных западных земель. Тарим оказался не только пророком, но также блестящим оратором и вождем, сумевшим объединить под своей властью множество гирканских кланов, и повел их в поход против племен, обитавших к югу от моря Вилайет. Перед лицом гирканской военной угрозы эти племена объединились, создав государство Иранистан. Однако иранистанцам оказалось не под силу сдержать натиск орды кочевников. Через несколько лет под властью гирканцев оказалось все побережье моря Вилайет, от порта Рамдан на востоке, до Шахпур на западе. Гирканцы, вопреки обыкновению, не ста-

ли разорять захваченные земли. Для коневодов-кочевников, выросших в безводных восточных степях, плодородное побережье Вилайета оказалось искушением, устоять перед которым было невозможно. Кочевые обычай и презрение к цивилизации были забыты, иnomады стали править захваченными территориями, заняв дворцы иранистанских владык. Сам же Тарим принял корону правителя. Вскоре после смерти пророка его призывы к продолжению священной войны и религиозные заветы были забыты гирканцами. В жизни простых людей со сменой правителей практически ничего не изменилось, более того, многие из них были довольны приходом к власти сильных, энергичных лидеров. Сегодня Т. переживает несомненный подъем. Переняв некоторые обычай иранистанцев, бывшие кочевники отчасти утратили свой боевой пыл и непримиримость, приобрели некоторый налет цивилизованности. Тем не менее, они остаются грозной силой, с которой не могут не считаться остальные государства Запада.

Современная ситуация

Т. медленно, но упорно продолжают политику экспансии. За последние два десятилетия они захватили часть территории Заморы на побережье моря Вилайет. Фортifikационные укрепления, возведенные турецкими на границе, открыто угрожают Хаурану, Шему и Стигии, поскольку служат не столько для защиты своих пределов,

сколько в качестве базы для военных вылазок против этих держав. Однако правители Т. сознают, что дальнейшее продвижение на Запад может привести к объединению хайборийцев с шемитами против Т. и вызвать активное противодействие Стигии, а это грозит гирканцам неминуемым поражением.

Союзники и враги

У Т. мало сильных союзников. Разумеется, гирканские кочевники по-прежнему считают туранцев братьями по крови, но относятся к ним без прежнего уважения, поскольку считают, что цивилизация «смягчила» суровый нрав соплеменников. Король Заморы практически является вассалом Ездигерда. Коф, Бритуния и некоторые шемитские племена платят Т. дань. Аграпур делал также попытки угрожать Стигии, но до сих пор эта политика не принесла особых результатов. Что касается врагов, то их у Т. великое множество. Имперские замашки этой державы и периодические военные вылазки настроили против Т. Немедию, Офир, Коринфию и Вендию. Одной из причин напряженных отношений Т. со Стигией также являются непрекращающиеся нападения туранцев на их приграничные поселения.

География

Т. расположен в холмистой местности, к югу от побережья моря Вилайет. К востоку Т. про-

стирается до самых гирканских степей. На западе, благодаря последним завоеваниям, Т. удалось присоединить территории вплоть до границы с Заморой, Кофом и Стигией. Климат в Т. сухой, в конце осени и зимой там нередки сильные бури. Море Вилайет славится своими внезапно налетающими штормами, достаточно жестокими, чтобы стать угрозой даже для самых крупных судов.

Географический справочник

Аграпур (Aghrapur) — столица Т. Это крупный порт, расположенный на реке Ильбарс, на другой стороне Вилайета от города Рамдана. Аграпур, помимо столицы, является также крупнейшим торговым центром Т., где сходятся сухопутные караванные пути с юга и морские — с востока. Аграпур представляет собой весьма красивый город, полный памятников архитектуры, дворцов и прекрасных статуй. Усилиями кочевников-гирканцев, торговцев и иранистанских ремесленников и крестьян в городе были собраны богатства, позволяющие Аграпуру на равных соперничать роскошью и красотой с такими городами как Тарантая, Бельверус и Хоршемиш.

Акиф (Akif) — город в Т.

Вакла (Wakla) — туранский форт на границе с Шемом, возведенный для защиты караванов от нападений зуагирских кочевников (см. Шем).

Вилайет (Vilayet) — внутреннее море к северу от Т., держащего под контролем все порты и морскую торговлю в этом регионе. Здесь процветает пиратство, и, в действительности, туранские суда редко заходят севернее Шахпуря, однако за Вилайетом устойчиво держится репутация «туранского озера».

Замбула (Zamboula) — крупный торговый город в туранской пустыне. Замбула является интернациональным городом, который построили стигийцы, населяют шемиты, тогда как правят здесь туранцы. В Замбуле множество рабов-кушитов и дарфарцев, и каннибалъский культ йогитов настолько силен, что считается небезопасным ночевать в городе под открытым небом.

Запорожка (Zaporoska) — холмистая местность, населенная полутиками племенами, на юго-восточной оконечности побережья Вилайета. Особенности рельефа делают эту местность почти непроходимой, и потому туранцам так и не удалось завоевать ее. При жизни Конана Запорожка оставалась вольной.

Запорожка (Zaporoska) — судоходная река, протекающая в одноименной местности, вдоль которой расположено множество пиратских становищ. Т. неоднократно направлял в этот район карательные экспедиции, однако ни одна из них так и не увенчалась успехом.

Зуразский архипелаг (Zhurazi Archipelago) — небольшой архипелаг в южной части моря Ви-

лайет, состоящая из двух крупных и множества мелких островов. Зуразы являются излюбленным местом встречи пиратов. Многочисленные отмели и рифы служат надежной преградой для более тяжелых туранских боевых галер.

Ильбарские горы (Ibars Mountains) — небольшая горная гряда на территории бывшего Иранистана, служащая ныне границей между Иранистаном и Т.

Ильбарс (Ibars) — река, протекающая к северу от Ильбарских гор, вдоль западной оконечности Туманных гор. Ильбарс впадает в море Вилайет в районе Аграпура, севернее Туманных гор.

Колхийские горы (Colchian Mountains) — небольшая горная гряда к югу от Вилайета, протянувшаяся на запад от Запорожки до самого побережья.

Ксанур (Xapur) — остров в море Вилайет, где сохранились развалины города, возведенного догирканской расой. В настоящее время Ксанур остается необитаемым.

Майпур (Maupur) — город в западном Т., севернее форта Вакла.

Незвая (Nezvaya) — река в северном Т., к западу от моря Вилайет.

Остров Железного Идола — небольшой остров в северной части моря Вилайет. На острове расположены древние развалины, основной достопримечательностью которых является зал, установленный рядами железных статуй. Островполь-

зуется дурной славой у мореходов, которые считают, будто он населен демонами, и стараются всячески его избегать.

Рамдан (Rhamdan) — порт на восточном побережье моря Вилайет, где начинается большой караванный путь из Т. в Кхитай. Рамдан лежит прямо на восток от Аграпура. Доставленный купцами товар грузится здесь на корабли, плавущие на запад. Затем из Аграпура торговые пути расходятся по всему хайборийскому миру.

Самара (Samara) — город в Т.

Секундерам (Secunderam) — крупный туранский город на краю гирканских степей. Области вокруг Секундерама не относятся непосредственно к территории Т., но являются военной сатрапией со своим собственным правительством.

Султанапур (Sultanapur) — туранский порт, именуемый также «золотой королевой Вилайета». Подобно Аграпуру, Султанапур возник на месте древнего заморанского поселения, но давно утратил все корни, связывавшие его с прошлым.

Туманные горы — горная гряда, протянувшаяся вдоль западного побережья моря Вилайет, южнее Аграпура.

Хаварисм (Khavarism) — самый южный порт в западной части Т.

Хедпур (Khedpur) — город на севере Т.

Хорбул (Khorbul) — туранская цитадель севернее Гулистана.

Хорусул (Khorusul) — город золотых дел мастеров на западе Т.

Шахпур (Shahpur) — туранский порт на западном побережье моря Вилайет.

Экономика

В море Вилайет туранцы добывают жемчуг, также Т. славится самоцветами и разнообразными деликатесами. Основным источником дохода, однако, являются проходящие по территории Т. караванные пути из Кхитая на Запад.

Общество

Культура Т. представляет собой сочетание обычаем независимых, вольнолюбивых гирканских кочевников с более древней, упаднической цивилизацией Иранистана. Туранцы переняли иранистанские титулы и систему управления, однако отказались от принципа племенной независимости, ставшего причиной падения Иранистана. Большинство правящих должностей в Т. занимают гирканцы. Внешне они отличаются крючковатыми носами, темными волосами и светлой кожей. Местные уроженцы обычно ниже ростом, более смуглые, с иссиня-черными волосами. Со временем завоевания этих краев кочевниками прошло слишком мало времени, чтобы две эти культуры успели смешаться между собой, так

что представители каждой из них до сих пор сохраняют характерные черты своей нации. Правителем Т. является король, следом идут шахи, калифы, эмиры, ханы. Ниже по социальной лестнице находятся военные чины, торговцы, ремесленники и пр.

О б ы ч а и

Правители Т. отличаются жестокостью и не терпимостью. При малейшем подозрении на неповиновение в провинциях, туда молниеносно высылаются войска, готовые беспощадно подавить любое восстание. Если местным уроженцам придет в голову поднять оружие против гирканцев, за каждого убитого солдата будет казнено пятьдесят человек, включая женщин и детей, и это не считая тех, кто официально уличен в государственной измене.

Вместе с тем, лица, лояльно относящиеся к режиму и блодущие туранские законы, вправе рассчитывать на значительные послабления. Подобная политика кнута и пряника позволяет малоизвестным гирканским завоевателям прочно удерживать бразды правления. Т. — это сугубо восточная культура. Женщины здесь закрывают лицо накидкой.

В некоторых районах с более строгими обычаями от них даже требуется ношение покрывала, скрывающего все тело, с ног до головы.

Мужчины носят тюрбаны, кушаки и шаровары, излюбленным оружием является кривая

сабля, именуемая также ятаганом, или изогнутый гирканский лук. Разумеется, местным уроженцам запрещено владеть подобным оружием, если только они не являются телохранителями или солдатами.

П р а в о

Основой туранской законодательной системы является абсолютная власть гирканских правителей. В случае, если простолюдин убьет гиркана, даже в честном бою, его ждет мучительная смерть под пытками. Если же убийцей станет гирканец, он отделается лишь небольшим штрафом. Преступления, совершенные внутри одного класса, караются более справедливо. В большинстве случаев виновный обязуется уплатить определенное возмещение пострадавшему. Вор при поимке уплачивает штраф, в три раза превосходящий стоимость украденного, а также возвращает похищенное, в противном случае, ему отрубают правую руку. Преступления против правящего класса, заговоры и мятежи караются смертью, причем изобретательность туранских палачей является в этой области общепризнанной.

Р е л и г и я

Туранцы поклоняются Эрлику и его пророку Тариму, именуемому также Вечноживым Таримом, принесшему людям заветы огненного божества.

Вооруженные силы

Легкая конница является основой вооруженных сил Т. Кроме того, недавно были созданы отряды тяжелой кавалерии и пехоты. Большинство войск отлично обучены и могут смело быть названы отборными частями. В случае, когда военные действия требуют введения пехоты, эти отряды набираются из местных крестьян. Политика экспансии, проводимая Т., и подчинение местных племен были бы невозможны без надежной, дисциплинированной армии. Военная служба является одной из редких возможностей для не-гирканцев достичь высокого положения в обществе. Офицеры в армии выдвигаются из наиболее способных представителей нижних звеньев, причем отрыскам благородных семейств здесь практически не оказывается предпочтения. Все туранские солдаты равно хорошо владеют копьями, ятаганами и луками, хотя и не столь блестящие, как гирканские конники-номады. В отличие от армий западных стран, в туранских войсках практикуется ротация командного состава, так что гибель командира в бою создает лишь кратковременную заминку, пока его место не займет другой. Сама армия отличается высокой дисциплиной и особым кодексом чести, благодаря чему войска способны выполнять не только карательные функции, но и способствовать поддержанию мира и порядка в туранских границах, не вызывая особого сопротивления местных уроженцев. Отношение к туранскому флоту

отнюдь не столь уважительное. Законы Т. позволяют конфисковать любое судно на море Вилайет, если оно «нарушает интересы Турецкой империи». Подобная политика призвана не дать прочим государствам выхода к морю. Этому способствует также и тот факт, что Т. контролирует все крупнейшие порты на Вилайете. Таким образом, основной задачей флота является борьба с пиратством, однако отсутствие контроля за их действиями позволяет морякам самим предаваться грабежам, что делает их неотличимыми от обычных пиратов.

Красное Братство

Т. необходим более совершенный флот. Пиратство процветает в водах Вилайета, благодаря наличию огромного количества островов и тайных бухт, многие из которых не нанесены ни на одну карту. В Красное Братство, как именуют себя пираты, входят бывшие торговые корабли не-туранского происхождения, чьи капитаны сочли пиратство более прибыльным, чем обычную торговлю, бывшие туранские военные суда, служившие прежде эскортом купеческим кораблям, недовольные слишком низкой оплатой, и многие другие, ускользнувшие от туранского флота или туранского «правосудия». Основными жертвами Братства, как правило, становятся суда, идущие из Аграпура в Рамдан и обратно. Эти суда перевозят сказочные богатства с Востока, либо медь, золото и серебро, которое платит за них Запад.

Когда же торговля замирает на время, и добычи не хватает на всех, пираты не брезгуют прибрежной контрабандой, помогая торговцам пронести свой товар, не уплачивая налогов в казну Ездигерда. Все усилия флота уничтожить Братство остаются бесплодными и по сей день. Попытки разгромить островные базы пиратов стоили турецким множества жизней и потопленных судов, однако так и не принесли результатов. И лишь надежный эскорт военных кораблей, сопровождающих все ценные морские перевозки, служит защитой от пиратских нападений.

Казаки (коzаки)

Если бы Красное Братство являлось единственной проблемой Ездигерда, не исключено, что рано или поздно ему удалось бы ее разрешить. К несчастью, существуют еще казаки, представляющие собой отряды наемников, беглых иранистанцев и зуагиров-кочевников, нападающих на турецкие караваны в южной пустыне. Справиться с казаками, однако, несколько проще, чем с пиратским братством. Число оазисов в пустыне не так велико, и армия нередко устраивает там засады. Нередки случаи, когда турецким войскам удавалось захватить не менее сотни казаков, загнав их в ловушку, и уничтожить всех до единого. Тем не менее, спустя некоторое время казацкие отряды возрождаются вновь, с новыми вождями, и продолжают грабежи и разбой.

Язык

Основным языком в Т. является гирканский, язык завоевателей. Среди коренного населения сохранился также просторечный язык, являющийся диалектом иранистанского.

Имена и названия

Турецкие имена, в большинстве своем, напоминают турецкие или арабские: Абдул (*Abdul*), Арам Бакши (*Aram Baksh*), Аталис (*Atalis*), Бакра (*Bakra*), Банарик (*Banaric*), Вардан (*Vardan*), Гурран (*Ghurran*), Джамаль (*Jamal*), Джелаль (*Jelal*), Ездигерд (*Yezdigerd*), Зосара (*Zosara*), Илдиз (*Yildiz*), Мулаи (*Mulai*), Мунтассен (*Munthassen*), Мурад (*Murad*), Тавик (*Tavik*), Турег (*Tureg*), Шапур (*Shapur*), Халид (*Khalid*), Хамар Кур (*Hamar Kur*), Хормаз (*Normaz*).

ХАББАТЕЙ

Х. расположена на юго-восточном побережье моря Вилайет; столица Х., город Хабба, лежит напротив Агропура, столицы Турана. Х. подробно описана в повести М. Мэнсона «Ристалища Хаббы» и упоминается в другом романе этого же автора — «Конан и дар Митры».

История

Согласно древним преданиям, хаббатецы пришли на берега Вилайета в незапамятные времена с юго-востока, из-за Афгульских гор (Гиме-

лийского хребта), из Средней Вендии, и обосновались за рекой Запорожкой вскоре после Малого Потопа, когда множество озер в том краю слились воедино, образовав море Вилайет. Хаббатейцы были весьма воинственным народом, почитали боевые искусства и славились как непревзойденные лучники и отличные наездники — благодаря чему смогли защититься от мунган и прочих диких племен, обитавших на востоке, в гирканской степи. Даже в эпоху нашествия кочевников, которые затем создали на западном берегу моря Вилайет великую державу Туран, хаббатейцам удалось отстоять свою независимость, хотя подвластные им земли сильно сократились в размерах. После возникновения Турана опасность нашествий с востока уменьшилась, и Х. начала процветать и расширяться — в основном, вдоль северного берега моря Вилайет; в это время были выстроены две столицы: Хабба — на юге, и Хот — на севере. Но, по мере того, как ослабевала опасность набегов кочевников и укреплялись торговые связи с Тураном и далеким Кхитаем, Х. начали раздирать междуусобицы. Кончились они тем, что аристократия северной части страны объявила Хот независимым государством и отделилась от юга, избрав себе нового правителя. Из Вендии хаббатейцы принесли тайные знания и магические искусства, однако в течении лет почти все забылось; тем не менее, часть Великого Пути Шелка и Нефрита, проходящую по территории Х., и в настоящее время освещают волшебные шары-светильники. Разби-

раются хаббатейцы и во всевозможных зельях, а также славятся как хорошие лекари.

Враги и союзники

Х. ни с кем не заключает военных союзов, хотя поддерживает добрососедские отношения с Тураном (на западе) и с городами-государствами Селанда и Дамаст (на востоке). Исконным врагом хаббатейцев являются кочевники из гирканской степи, однако укрепленная граница и река Запорожка позволяют не бояться их внезапных набегов. Но после отделения Хота у Х. появился новый враг на севере, и конфликты между двумя странами часто разрешаются вооруженным путем. Спор идет, в основном, из-за торговых преимуществ, льгот и караванных путей, которые Хот желал бы перехватить у более богатой Х.

География

Границы Х. определяются с юга рекой Запорожкой, с запада — морем Вилайет, с востока — холмами, за которыми лежит гирнская степь, с севера — рубежом с Хотом. По форме территории Х. напоминает расширяющееся от моря к степи лезвие секиры; по площади Х. невелика и примерно равна Хауранду или аквилонской провинции Пуантен. Площадь Хота в два раза меньше. Город Хабба — единственная крупная гавань Х., но на Восточном Пути, ведущем в Селанду,

Дамаст и далее, в Меру и Кхитай, расположены три небольших города: Хира, Сейтур и По-Ката. По-Ката стоит на восточной границе страны. Прибрежные земли Х. плодородны и отличаются превосходным климатом; там выращивают виноградную лозу, маслины, фиги, персики. На востоке страны растет ячмень, есть великолепные пастбища. Лес, в основном, привозной, но много каменоломен, и потому строят в Х. из камня. Богатых рудников и залежей металлов нет.

Г е о г р а ф и ч е с к и й с п р а в о ч н и к

Запорожка (Zaporoska) — главная река Х., но хаббатейцы контролируют лишь ее северный берег; на юном кочуют разбойничье племена мунган. Истоки Запорожки лежат неподалеку от плоскогорья Аirim, у города Селанда; река впадает в море Вилайет.

Хабба (Habba) — столица Х. лежит к северу от устья Запорожки. Хабба большой и богатый город, расположенный амфитеатром на склоне огромного холма. Вблизи моря находится предпортовая окраина с узкими шумными улочками, где теснятся лавки, склады, кабаки, веселые дома, странноприимные дворы, бани и казармы; выше тянутся зеленые прямые аллеи — там, в просторных строениях из розового камня и дворцах с посеребренными шпилями, обитает хаббатейская знать; на самой вершине холма вы-

сится дворец, длинное двухэтажное строение, увенчанное множеством башен. В Хаббе тщательно следят за порядком и соблюдением законов — разумеется, тех, которые выгодны местным нобилям и купцам.

К л и м а т

Климат Х. морской, влажный и теплый. Восточная часть страны, прилегающая к гирканским степям, более засушлива, но и здесь почвы плодородны и почти не бывает холодов.

Э к о н о м и к а

Основным источником богатства Х. является торговля, так как Хабба — главный перевалочный порт на дороге из Кхитая в страны Запада. Как и в Султанапур, сюда приходят караваны из Кхитая, Меру, Дамаста, Вендии и других восточных государств. Обилен и обратный поток грузов — тех, что доставляют с запада в Туран, перевозят морским путем в Хаббу, а затем отправляют караванами в страны Востока. Но и сама Хабба производит многие товары. Здесь строят отличные корабли выделяют посуду, лишь немногим уступающую кхитайскому фарфору, куют великолепные клиники.

О б щ е с т в о

Хаббатейцы — одно из древних вендийских племен, почти не смешавшееся с чужими наро-

дами и сохранившее чистоту крови. Внешность их своеобразна: они — люди невысокого роста, склонные к полноте, однако крепкие и мускулистые, с широкоскульными смуглыми лицами, толстыми губами и большими глазами навыкате. Структура хаббатейского общества напоминает касты Вендии. Выше всех стоит правитель, ниже следует сословие нобилей-кинатов, владеющих собственностью, согласно наследственным привилегиям. За ними идут чиновники, воины, мореходы, ремесленники, земледельцы и слуги.

П р а в о

Законы в Х. устанавливаются правителем, и поддерживаются чиновниками. Законы весьма суровы к ворам, торговцам-обманщикам и нарушителям спокойствия. За большинство преступлений казнят смертью, и здесь имеется лишь одно исключение, связанное с национальными традициями хаббатейцев, которые являются большими поклонники воинского искусства. В Хаббе есть немало амфитеатров-ристилищ, где встречаются в бою воины. Большинство из них — рабы, но есть и преступники, кому смертная казнь заменена участием в поединке. Выживший считается очищенным богами от всех грехов и не подлежит наказанию.

Р е л и г и я

Хаббатейцы демократичны в вопросах религии и считают ее личным делом каждого, при-

ветствуя всех иноземных богов. Но имеется в Хаббе и свое божество — шестирукий Трот с тремя головами, чьи святилища напоминают трехгранные пирамиды с тремя входами; и над каждым из них высечен один из ликов бога: грозный, пьяный или юношеский. Трот являлся универсальным божеством, символизирующим одновременно дела мира, войны и власти, выгоды и любви, а также все плотские удовольствия.

В о о р у ж е н ы е с и л ы

Х. располагает отличным войском конных лучников, которое подчиняется непосредственно правителю. Пехота малочисленна и серьезного боевого значения не имеет; пешие воины в основном несут патрульную службу. Есть небольшой военный флот из гребных галер, охраняющий морские подступы к Хаббе и не чинящий пиратам особых хлопот. Вообще же вилайетских пиратов в город допускают неохотно, но в море их не преследуют и даже платят им некую дань, чтобы разбойники не слишком вредили морской торговле. Хаббатейским нобилям, после мятежа и отделения Хота, особым указом запрещено иметь личные дружины.

Я з ы к

Хотя хаббатейцы сохранили свою независимость и чистоту крови, язык их претерпел большие изменения, чем внешность и обычай. Неког-

да он относился к одной из групп вендейских языков, но ныне похож на турецкий.

Имена и названия

Хаббатейские имена напоминают индийские и афганские: *Gih Matara* (*Gi^h Matara*), *Гхор Кирланда* (*Ghor Kirlanda*), *Сипах Шашем* (*Sipah Shashem*).

ШЕМ

Ш. — государство в Центральной Хайбории. Ш. — это земля воинственных городов-государств. Ш. описан в многих историях «Стигии». Так, Белит была шемиткой. Ш. упоминается в романе П. Андерсона «Конан-Мятежник» (в рус. пер. «Конан и Секира Света»). Упоминания о Ш. встречаются повсюду в «Саге», но центральным местом действия Ш. выступает лишь в рассказе Р. Говарда и Л. Спрэга де Кампа «Ястребы над Шемом». В некоторых других историях упоминаются кочевники-зуагиры. Отряд зуагиров Конан возглавлял в период своей жизни, который был описан в повести Р. Говарда «Знак ведьмы» и далее в рассказе «Черные слезы». Зуагиры упоминаются в романе Б. Ниверга «Мститель», а также в романе О. Локнита «Песчаные небеса».

История

В самом начале хайборийского вторжения, кочевники из южных областей побережья моря

Вилайет двинулись в путь в поисках новых пастбищ. Самые упорные из них достигали даже областей восточной Стигии. Эти люди, именующиеся Сыновьями Шема, неустанно искали лучшие земли. Наступление пустыни понуждало их откочевывать все дальше и дальше. Сыновья Шема все прибывали и прибывали с Запада, и стигийцы, всерьез обеспокоенные этим вторжением не раз предпринимали попытки отодвинуть их на прежние рубежи, но постоянно терпели неудачу. Тогда стигийцы предложили кочевникам присоединиться к их государству, и стать частью Стигии. Сыновья Шема стали вассалами Стигии и продолжили уже в новом качестве свое продвижение на запад. Но сколько стигийские жрецы ни старались насадить среди них культ Сета, все их старания оборачивались прахом. Сыновья Шема имели собственный пантеон богов, поклонение которым было куда более простым и не требовало сложных ритуалов, в отличие от пугающего культа Великого Змея. Когда хайборийцы поработили Коф, Стигия отодвинула свои границы южнее реки Стикс, оставив шемитов на произвол судьбы и рассчитывая на то, что они станут щитом, огородившим их от свирепых варваров-хайборийцев. В 588 г. п.л.А., шемиты подняли восстание в ответ на увеличение Стигии размера дани. Ради победы над Стигией, они заручились поддержкой Кофа, что не принесло желаемого успеха, ибо они просто поменяли одного хозяина на другого — Коф стал сам притеснять шемитов, с успехом заменив Стигию на этом по-

пришё. Примерно с 923 г. п.л.А., шемиты обрели сложившуюся государственную систему и почувствовали себя достаточно сильными, чтобы выдворить из страны кофийских наместников и провозгласить независимость. Но государственности Ш. хватило лишь настолько, чтобы отразить внешнего врага. После того как угас пафос освободительной войны, местные князья не замедлили вцепиться друг другу в глотку и затеять междоусобную войну. Что привело к тому, что Ш. Превратился в конгломерат независимых городов-государств. Теперь, по крайней мере, в восточном Ш. всегда отыщется работа для наемников. Каждому полису приходится отражать не только постоянные нападения своих воинственных соседей, но и набеги кочевников-зуагиров. Единственное относительно спокойное место в Ш. — западные области вокруг Асгалуна, правителям которого удалось установить мир на своих территориях.

Современная ситуация

Восточный Ш. всячески избегает заключения мирных договоров между своими городами-государствами. Продолжаются стычки с Кофом, что, вкупе с набегами стигийцев и туранцев, не способствует спокойной жизни этого региона. Однако многие удельные правители активно проводят мысль об объединении перед лицом грядущей гирканской угрозы. Туранские эмиссары поддерживают идею слияния, несмотря на то,

что тогда их собственное влияние в этом регионе значительно уменьшится. Это связано с тем, что центр Ш. перенесется в Асгалун, восточные границы в районе Заморанской пустыни останутся вне его поля зрения, что позволит Турану, рассчитывать на присоединение этих земель к своей территории.

Враги и союзники

Город-государства Ш. находятся между собой в весьма натянутых отношениях. Объединяет их лишь ненависть и презрение к Стигии и Кофе, своим бывшим хозяевам. Несмотря на это исторически сложившееся недоверие, шемиты успешно торгаются с Кофом и Стигией, равно как с Тураном и Заморой.

География

Ш. находится между Кофом и Стигией. Западной границей служит океан; восточная теряется в Туранской пустыне. Земли западного Ш. представляют собой плодородные холмистые луга. В восточном направлении земля делается суще, растительность становится скучнее.

Географический справочник

Аббадрах (Abbadrah) — город-государство в южном Ш. На Аббадрах сильное влияние оказала стигийская культура.

Акбитания (Akbitania) — город-государство на севере Шема, близ кофийской Хорайи. Акбитания издавна славится прекрасными кузнецами.

Акхария (Akkharia) — город-государство на юго-западе Ш.

Анакия (Anakia) — город-государство в западном Ш.

Асгалун (Asgalun) — столица Пелиштии (Pelishtia). Асгалун — наиболее крупный морской порт Ш. Расположен он в устье реки, на побережье Западного Океана. Дни славы Асгалуна — в прошлом, и ныне город представляет собой причудливое скопление как полуразрушенных хижин, так и красивых каменных монументов.

Ахлат (Akhlat), именуемый также «Проклятый» — оазис, где расположен торговый город, заложенный еще до шемитов в земле **Макан-э-Мордан (Makan-e-Mordan)**, части **Шан-э-Сорх (Shan-e-Sorkh)** (названия, по всей видимости, ахеронские). В Ахлате правил демон Старшей Ночи, носящий имя *Горгон (Gorgon)*, который не мог существовать вне границ Ахлата и был хранителем Шан-э-Шорха.

Дан-марках (Dan-marcah) — деревня в Пелиштии, находящаяся на побережье.

Гхаза (Ghaza) — город-государство в Ш., известный центр виноделия.

Кутхемес (Kuthchemes) — разрушенный город на границе юго-восточного Ш. Кутхемес, кхарийский город, был один из первых поселений, основанных ими на западе. В Кутхемесе владычествовал маг *Тугра Хотан (Thugra Khotan)*. Город был разрушен хайборийцами в период захвата Кофа.

Кирос (Kyros) — город-государство Ш., известный виноделием.

Либнум — холмистая местность в Пелиштии, к югу от Асгалуна. Либнум — один из самых плодородных районов Ш.

Макан-э-Мордан (Makan-e-Mordan) — часть Шан-э-Шорха, место паломничества.

Нипр (Nippr) — город-государство в Ш.

Пелиштия (Pelishtia) — самое западное королевство в Ш. Асгалун является столицей Пелиштии. На короткий период Асгалун был даже столицей объединенного Ш., но лишь до тех пор, пока тот не распался вновь на мелкие города-государства.

Сабатея (Sabatea) — город-государство Ш. Сабатея имеет дурную репутацию большей частью из-за того, что жители ее исповедуют кровавый культ Золотого Павлина. Адепты этой веры — законченные палачи и садисты. К их услугам охотно прибегают правители многих шемитских городов-государств.

Шан-э-Сорх (*Shan-e-Sorkh*) — «Красная Пустошь» — жаркая и бесплодная пустыня в восточном Ш. Свое название получила из-за песка красноватого оттенка и почти полного отсутствия оазисов.

Шумир (*Shumir*) — древний город-государство на востоке Ш. Согласно легенде, шемитский бог воров Бел был рожден в Шумире.

Шушан (*Shushan*) — «Имперский город», самый большой город-государство в восточном Ш. Шушан и Пелиштия — два главных конкурента в борьбе за государственность Ш. Шушан и Асгалун оспаривают право называться столицей объединенного Ш., с самых тех пор как Ш., распался на мелкие города-государства, после восстания против Кофа.

Эрук — город-государство в Ш.

Экономика

Города Ш. Производят множество товаров, начиная от брони и оружия и заканчивая драгоценностями и изделиями из кожи. Каждый город специализируется в ряде товаров, которыми они торгуют между собой.

Общество

Ш. — государство, состоящее из разрозненных полисов, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом и с кочевниками пустыни. Боль-

шинство этих городов-государств весьма невелики по размерам. Самое большое внутреннее государство — Пелиштия, оно охватывает почти весь западный Ш. Маршруты всех караванов пересекаются в Ш. Несмотря на взаимную враждебность полисов, ни один из городов-государств не обладает достаточной экономической независимостью, чтобы процветать без торговли. Некоторые города-государства занимаются, в основном, производством оружия, другие — виноделием или земледелием, но все они разводят скот. Шемиты среднего роста, широкоплечи, крепкого телосложения. У них ястребиные носы, темные глаза и иссиня-черные волосы. Они носят длинные курчавые бороды, по форме напоминающие лопату и суживающиеся книзу (подобно древним ассирийцам). Король Пелиштии名义上 является правителем всего Ш. Но на практике, каждый город имеет собственного владельца и не подчиняется воле Асгалуна.

Зуагиры

Кочевники-зуагиры живут в восточных пустынях Ш. Основной их промысел — набеги на караваны, проходящие через восточную пустыню. Зона их влияния простирается вплоть до кофийского Хаурана. Зуагиры ценят свою независимость и ведут кочевой образ жизни. Они нападают на шемитские, заморанские и туранские караваны, захватывая продовольствие, оружие и товары.

Многие купцы стараются не проходить караванами через Ш., страшась безжалостных номадов. Правители Турана неоднократно высыпали карательные экспедиции, чтобы отогнать кочевников от своих границ.

П р а в о

Каждый шемитский полис имеет собственные законы. В Ш. существуют различные законы для коренного населения и для чужестранцев. Так, в некоторых городах существует особый «гостевой квартал» для приезжих. Там пассят более либеральные нравы, дабы караванщики ненароком не нарушили местные законы и не подверглись наказанию. Порой эти законы принимают достаточно странный характер, типа запрещения публичного потребления пищи или публичной демонстрации роскоши и богатства. Зачастую эти нелепые правила служат лишь для вымогательства или расправы над неугодными.

Р е л и г и я

Шемиты имеют собственный пантеон богов. У каждого города есть собственный идол, наличие которого, по шемитским верованиям, символизирует присутствие самого божества.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Шемитская армия представляет собой причудливую смесь различных родов войск. Так, в

некоторых городах предпочитают конницу и имеют лишь немногочисленную пехоту; в других излюбленный род войск — пикинеры, а пехота и кавалерия почти не представлены. Существуют даже армии, основой которых служат осадные машины. Благодаря непрерывным военным действиям, вооруженные силы Ш. хорошо обучены и закалены в сражениях. Но лучшие отряды — это т.н. Вольные, состоящие из хорошо обученных наемников, которые готовы продать свои мечи тем, кто больше заплатит.

Я з ы к

Шемитская семья языков обособлена как от хайборийской, так и от стигийской, однако, в результате взаимопроникновения культур, имеет общие с ними корни. Зуагирский язык представляет собой диалект шемитского.

И м е н а и н а з в а н и я

Шемитские имена похожи на ассирийские, вавилонские или древнееврейские: Арамаз (*Aramas*), Африт (*Afrit*), Белит (*Belit*), Датан (*Dathan*), Джильзан (*Gilzan*), Енох (*Enosh*), Зебах (*Zebah*), Зиллах (*Zillah*), Иин Аллал (*Yin Allal*), Исаиаб (*Isaiab*), Маттенбаал (*Mattenbaal*), Мена (*Mena*), Нахор (*Nahor*), Нитокар (*Nitokar*), Uriаз (*Uriaz*), Эбанезеб (*Ebunezeb*), Эблис (*Eblis*), Элохар (*Elohar*).

Содержание

<i>Дуглас Брайан Неудачник из Аграпура.</i>	
Рассказ	5
Пузыри земли. Повесть	87
<i>Дмитрий Ивахнов, Наталья Баулина</i>	
Путеводитель по Хайбории.	
Страны и народы.	169

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН И НЕУДАЧНИК ИЗ АГРАПУРА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Сертификация: *Дмитрий Визеликий*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наше электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: ippps@atnet.ru

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И СЛАУ ТУМАНА

64

КОНАН
И АНК ЗВЕРЯ

65

КОНАН
И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

66

КОНАН
И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ

67

КОНАН
И ЗАКАТ АРТОСА

68

КОНАН
И АЛАЯ ПЕЧАТЬ

69

КОНАН
И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ

70

КОНАН
И ГОСЛАРИИ МРАКА

71

КОНАН
И ТОЛОС КРОВИ

72

КОНАН
И ТЕНЬ ВЕТРА

73

КОНАН
И ПРИНЦ ЗИНКАРЫ

74

КОНАН
И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТОНЫ

75

КОНАН
И ДУХИ ГОР

76

КОНАН
И СКОРОМЦА ТАРАНТИИ

77

КОНАН
И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК

78

КОНАН
И УБИЙЦЫ ЧУДОНИЩ

79

КОНАН
И СТРАНИЦЫ МОРЕЙ

80

КОНАН
И ПУТЬ ГЕРОЕВ

81

КОНАН
И ВЛАДЫКА ЛЕСА

82

КОНАН
И НАРДА НАЕМНИКА

83

КОНАН
И АЛГИОН ЗАРИ

84

КОНАН
И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИИ

85

КОНАН
И ТРОН ВЕДНЫХ

86

КОНАН
И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ

87

КОНАН
И МЕСТЬ БЕЛА

88

КОНАН
И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

89

КОНАН
И ВОЛЧья БАШНЯ

90

КОНАН
И КЛЯТВА БАВВАРА

91

КОНАН
И СИМБЕР МАГА

92

КОНАН
И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА

93

КОНАН
И АЛГИОН ДАМУРИЙ

94

КОНАН
И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ

95

КОНАН
И ТАИНА ПЕСКОВ

96

КОНАН
И РАБ ТАЛАНСМАНА

97

КОНАН
И ПОХОД ОВРЕЧЕННЫХ

98

КОНАН
И ЧАРЫ КОЛДУНЫ

99

КОНАН
И ГЕРОЙ ТАРГОВИЯ

100

КОНАН
И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

101

КОНАН
И ЗАМОКИ ИНДИИ РОКА

102

КОНАН
И ПАРОДА СИА

103

КОНАН
И РИТУАЛ ЛУНЫ

104

КОНАН
И АЛЫЫ СТИРИИ

105

КОНАН
И ТАИНЫ ОХОТИКИ

106

КОНАН
И КАБЫКИ АСУРЫ

107

КОНАН
И СУД БОГИНИ

108

КОНАН
И ЦИДА ВЕНДИИ

109

КОНАН
И ЛАКИ АХЕРОНА

110

КОНАН
И ЗАМОКИ ОСТРОВ

111

КОНАН
И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ

112

КОНАН
И ЧАРОДЕЙ ЮГА

113

КОНАН
И УЗНИКИ КАМПИ

114

КОНАН
И КРАСНОЕ БРАТСТВО

115

КОНАН
И ГЛАЗ ПАУКА

116

КОНАН
И ЦЕЛЬ ОБОРОТНЯ

117

КОНАН
И ФОНТАН ЖИЗНИ

118

КОНАН
И РЕКА ЗАВЕНИЯ

119

КОНАН
И ДОЛНИНА ДИКАРЕЙ

120

КОНАН
И ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ

121

КОНАН
И ОРАКУЛ СМЕРТИ

122

КОНАН
И СЛЕПОЙ ЖИРЕЦ

123

КОНАН
И ОУДАЧИ ИНДИАНА

124

ISBN 5-17-037231-0

A standard linear barcode used for book identification.

9 785170 372317